

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

2

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовюк П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзальюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж.	Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар

КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Намеснік галоўнага рэдактара

МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Адказны сакратар

КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і найноўшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kondral@bsu.by

Бародкін Л. І. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.

Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.

Жанбасінава А. С. Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.

Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Расія.

Лінднер Р. Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.

Мінасян Э. Г. Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Армения.

Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.

Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.

Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.

Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.

Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Вабішчэвіч А. М. Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.

Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.

Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.

Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

Карцюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.

Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.

Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

Лазавюк П. Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.

Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.

Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.

Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.

Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.

Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.

Наваградскі Т. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.

Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.

Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.

Уракаў Д. Ж. Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.

Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	KONDRAL A. A. , PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kondral@bsu.by

Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Minasyan E. G.	Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S.	Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masharov, Viciebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozoviuk P.	University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodsky T. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Pilipenko M. F.	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Research, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Urakov D. Z.	National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 930.2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН: ОПЫТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

П. С. КРЮЧЕК¹⁾, В. Н. РАКАЧЕВ²⁾, Я. В. РАКАЧЕВА²⁾, В. Н. СЕРГЕЕВ³⁾, В. А. ОСТРОГА⁴⁾

¹⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

²⁾Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Россия

³⁾Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь,
ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Беларусь

⁴⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе результатов историко-социологического исследования, проведенного среди студенческой молодежи Беларуси и России, с разных теоретико-методологических подходов рассматривается специфика взаимосвязи исторической памяти и коллективной идентичности. Отмечается, что у белорусских студентов сильно выражена этнонациональная идентичность, их историческая память сконцентрирована на образах национального прошлого, идеях этнокультурной самобытности и государственной независимости, а историческое сознание направлено в основном на близкое прошлое и настоящее. У российских студентов превалирует гражданственно-государственная идентичность, их историческое сознание обращено в далекое прошлое. Делается вывод о том, что общая история двух народов и отражение событий прошлого в исторической памяти белорусских и российских молодых людей позволяют предположить наличие у них единой, преимущественно ретроспективно направленной коллективной идентичности.

Ключевые слова: историческая память; национальная идентичность; Беларусь; Россия; коллективная память; историческое сознание.

Образец цитирования:

Крючек ПС, Ракачев ВН, Ракачева ЯВ, Сергеев ВН, Острога ВА. Историческая память и национальная идентичность белорусов и россиян: опыт историко-социологического исследования. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;2:5–16. EDN: BUYZYV

For citation:

Kruchek PS, Rakachev VN, Rakacheva YaV, Sergeev VN, Astroga VA. Historical memory and national identity of Belarusians and Russians: experience of historical and sociological research. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;2:5–16. Russian. EDN: BUYZYV

Сведения об авторах см. на с. 16.

Information about the authors see p. 16.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках совместного российско-белорусского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом», реализованного при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ 20-59-00017/20) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (№ Г20Р-227).

ГІСТАРЫЧНАЯ ПАМЯЦЬ І НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ БЕЛАРУСАЎ І РАСІЯН: ВОПЫТ ГІСТОРЫКА-САЦЫЯЛАГІЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

П. С. КРУЧАК^{1*}, В. М. РАКАЧОЎ^{2*}, Я. У. РАКАЧОВА^{2*}, У. М. СЯРГЕЕЎ^{3*}, В. А. АСТРОГА^{4*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
вул. Святлодлова, 13а, 220006, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Кубанскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Стаўрапольская, 149, 350040, г. Краснадар, Расія

^{3*}Універсітэт грамадзянскай абароны Міністэрства па надзвычайных сітуацыях Рэспублікі Беларусь,
вул. Машынабудаўнікоў, 25, 220118, г. Мінск, Беларусь

^{4*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. На аснове вынікаў гісторыка-сацыялагічнага даследавання, праведзенага сярод студэнцкай моладзі Беларусі і Расіі, з розных тэарэтыка-метадалагічных падыходаў разгледжваецца спецыфіка ўзаемасувязі гістарычнай памяці і калектыўнай ідэнтычнасці. Адзначаецца, што ў беларускіх студэнтаў моцна выражана этнацыянальная ідэнтычнасць, іх гістарычная памяць канцэнтруецца на вобразах нацыянальнага мінулага, ідэях этнакультурнай самабытнасці і дзяржаўнай незалежнасці, а гістарычная свядомасць накіравана ў асноўным на блізкае мінулае і сучаснасць. У расійскіх студэнтаў пераважае грамадзянска-дзяржаўная ідэнтычнасць, іх гістарычная свядомасць звернута да далёкага мінулага. Робіцца выснова аб тым, што агульная гісторыя двух народаў і адлюстраванне падзей мінулага ў гістарычнай памяці беларускіх і расійскіх маладых людзей дазваляюць выказаць здагадку аб наяўнасці ў іх адзінай, пераважна рэтраспектыўна накіраванай калектыўнай ідэнтычнасці.

Ключавыя словы: гістарычная памяць; нацыянальная ідэнтычнасць; Беларусь; Расія; калектыўная памяць; гістарычная свядомасць.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках сумеснага расійска-беларускага праекта «Гістарычная культура беларусаў і расіянаў: фарміраванне ўяўленняў аб нацыянальным і агульным мінулым», рэалізаванага пры фінансавай падтрымцы Расійскага фонду фундаментальных даследаванняў (№ 20-59-00017/20) і Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў (№ Г20Р-227).

HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL IDENTITY OF BELARUSIANS AND RUSSIANS: EXPERIENCE OF HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL RESEARCH

P. S. KRUCHEK^a, V. N. RAKACHEV^b, Ya. V. RAKACHEVA^b, V. N. SERGEEV^c, V. A. ASTROGA^d

^aBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

^bKuban State University, 149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar 350040, Russia

^cUniversity of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus,
25 Mashynabudawnikow Street, Minsk 220118, Belarus

^dBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: P. S. Kruchek (pit68_68@mail.ru)

Abstract. Based on the results of a historical and sociological study conducted among student youth in Belarus and Russia, the specifics of the relationship between historical memory and collective identity are examined from different theoretical and methodological approaches. It is noted that Belarusian students have a strongly expressed ethnonational identity, their historical memory is concentrated on images of the national past, ideas of ethnocultural identity and state independence, and historical consciousness is aimed mainly at the near past and present. Among Russian students, the civic-state identity prevails; their historical consciousness is drawn to the distant past. It is concluded that the presence of a common history between the two peoples and the reflection of past events in the historical memory of Belarusian and Russian young people suggests that they have a single, predominantly retrospectively oriented, collective identity.

Keywords: historical memory; national identity; Belarus; Russia; collective memory; historical consciousness.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the joint Russian-Belarusian project «Historical culture of Belarusians and Russians: formation of ideas about the national and common past», implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (No. 20-59-00017/20) and the Belarusian Republican Foundation for Basic Research (No. G20R-227).

Введение

Осмысливая пройденный путь, общество формирует определенное отношение к прошлому. Это отношение отражается в исторической памяти и сознании индивидов. Коллективная (историческая) память может быть использована как ключ к изучению и пониманию коллективной идентичности.

Вопрос феномена идентичности относится к наиболее актуальным темам современных социально-гуманитарных исследований. Глобальные процессы

в современном мире обуславливают постоянное изменение социального контекста, в рамках которого происходит самоопределение индивида. Групповая принадлежность индивидов становится все более неустойчивой, а время существования групп и членства в них – все более краткосрочным. Как следствие, идентичность современного человека приобретает ярко выраженный процессуальный характер, что подтверждает необходимость изучения ее переменных.

Теоретико-методологические рамки исследования

Методологическая основа исследования. Для рассмотрения широкого спектра явлений, связанных с феноменом идентичности, предпочтительным выступает мультидисциплинарный подход. В рамках данного исследования мы опираемся на синтез концепций идентичности в области философии, социологии и социальной психологии, а также на теоретические подходы к анализу исторической памяти и исторического сознания в частности и исторической культуры в целом.

Независимо от того, на какие содержательные основания опираются дискурсы о прошлом, все они оперируют различными коннотациями концепта «история». В рамках настоящего исследования важными являются следующие варианты интерпретации указанного концепта. Объективная история, как в основном завершившаяся непроцессуальная социальная реальность, нередко предстает инвариантом, своеобразной вещью в себе. Она подлежит частичной реконструкции в той мере, в которой это позволяет сделать научная методология, однако в целом выступает скорее в качестве априорной конструкции, мотивирующей к историческому поиску, а также в качестве источника данных и пустого референта исторического сознания. История, как нарратив, представляет собой корпус текстов (и других артефактов) и правил их производства, содержащих различные версии реконструкции прошлого. Строгое использование научного метода делает реконструкцию прошлого задачей академического сообщества, движимого установкой на объективное освещение прошлого, находящегося «далеко позади нас»¹ [1, р. 825–826]. Однако нарративный характер продукта исторических изысканий породил многочисленные споры по поводу объективности участия

субъекта в реконструкции прошлого, которое он познает.

В настоящее время идея исторического познания, продукт которого является точной моделью действительности, и стремление понимать прошлое с опорой на закономерности истории все больше подвергаются влиянию историографий, отказывающихся от строгой хронологической привязанности и становящихся несобытийными. Характеризуя их, Л. П. Репина отмечает, что, «несмотря на заметные концептуальные и терминологические различия, все они имеют важную общую характеристику: главным предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался проверке и коррекции с помощью методов исторической критики» [2, с. 24].

На роль своеобразного рубежа между сциентистскими и несобытийными историографиями может претендовать предложенное Ф. Р. Анкерсмитом различие исторических знаний и исторического опыта [3, с. 433]. Сциентистские историографии однозначно ориентированы на знания, в то время как несобытийные историографии, оставаясь частью научного дискурса, нацелены на анализ способов накопления, хранения, использования и даже на производство исторического опыта (функциональный подход, с точки зрения которого категория «историческое» относится к релятивизму) [4, с. 50].

Еще одним водоразделом между способами видеть прошлое являются социальная принадлежность и, что важнее, прагматика носителя исторического

¹Здесь и далее перевод наш. – П. К., В. Р., Я. Р., В. С., В. О.

мышления [5]. В тот момент, когда субъект исторического познания привносит в свою активность дополнительную мотивацию (идеологическую, экономическую, социальную и др.), он становится реципиентом коллективной памяти и агентом исторического воображения независимо от наличия академического статуса.

На указанной логике основывается проводимое нередко различие двух предметных областей исторического познания: прошлого как такового и социальных и психологических механизмов использования этого прошлого в настоящем, концептуализируемых посредством собственного глоссария (содержащего определение таких понятий, как историческая память, культурная память, коммеморация и т. д.).

Дифференциация указанных предметных областей не столь принципиальна, поскольку, во-первых, любые формы репрезентации истории фундированы в прошлом², а во-вторых, академические и неакадемические дискурсы не являются изолированными друг от друга, так как связаны феноменом исторического сознания (как интенции к прошлому). С одной стороны, каждой исторической эпохе соответствуют своя форма и свое содержание исторического сознания, с другой стороны, историческое сознание часто трактуется «как набор навыков, позволяющих людям понимать прошлое на своих собственных условиях» [1, р. 826].

Отмеченные предметные области исторического познания являются частью социокультурной жизни одного и того же общества и нередко объединены понятием «историческая культура», которое включает формализованные и неформализованные практики взаимодействия социума с прошлым (нарративы, перформансы, мнемоническая инфраструктура, концепции истории и т. д.) [5, р. 5–6]. Вместе с тем академический дискурс и коллективные репрезентации прошлого (в том числе воспоминаний) заметно отличаются своей сущностью и методологической природой.

Коллективная память как предмет историко-социологического исследования. Коллективная память, как аналитическое понятие, является скорее метафорой, основанной на переносе индивидуальных механизмов памяти на общество. На практике коллективная память указывает на то, что некоторые социологические факты включают в себя исторические репрезентации. Коллективная память ссылается прежде всего на коммуникации членов группы или сообщества по поводу той информации, которую нужно не только помнить одинаково, но и успешно транслировать как в синхронии, так и в диахронии [6, р. 72].

Исследователи различают коммуникативную память, основанную на социально-психологических ме-

ханизмах бытового общения, и культурную память, которая опирается на институализированную мнемоническую инфраструктуру [7, р. 17]. Благодаря наличию своеобразного алгоритма реконструкции прошлого в коммеморативных практиках, а также нормативных и рефлексивных рамок для репрезентации прошлого мнемоническая инфраструктура позволяет идентифицировать и фиксировать исторический опыт. Различение коммуникативной и культурной памяти обуславливают следующие методологические критерии:

- форма участия. Коммуникативная память является неформализованной и относительно недолговечной. Она подразумевает диффузное участие, фундирована в групповых практиках повседневности. Участие в формировании культурной памяти выступает специализированным и дифференцированным процессом [7, р. 19]. Данный вид памяти фундирован в мнемонической инфраструктуре, в так называемых местах памяти [8, р. 146], и, соответственно, носит долговременный характер;

- контекстуальность. В коммуникативной памяти воспоминания всегда происходят в актуальном контексте, в культурной памяти их репрезентация осуществляется с помощью дополнительной инфраструктуры, содержащей инструкции по «распаковке» опыта;

- интерактивность. Содержание воспоминаний в коллективной памяти регулируется потенциально равноправными отношениями в диаде *прошлое – настоящее*;

- фоновые переменные. В процессе коллективных воспоминаний задействованы фоновые социальные переменные. Для коммуникативной памяти одной из таких переменных выступает непосредственное, прежде всего межпоколенческое, общение (в данном контексте уместно использовать концепт «живая историческая память») [9, р. 2]. В контексте культурной памяти такими переменными являются мнемоническая инфраструктура (места памяти, образовательные и коммеморативные практики и т. д.) и так называемый когортный опыт (общественное мнение) [10, р. 218];

- статика (динамика). Данный критерий основывается, во-первых, на дифференциации того, что хранится в памяти и потенциально доступно для воспоминаний (смысловой каркас абстрактных понятий представляет собой статический набор знаний) [11, р. 30], во-вторых, на идентификации процесса запоминания, воспоминания, припоминания, ориентированного на «предпочтение вспоминать в определенном контексте» [12, р. 281], создавать повторяющуюся реконструкцию событий (модель прошлого опыта). Дифференциация содержания памяти возможна благодаря относительной

²Schwartz B. Commemorative objects // International encyclopedia of the social & behavioral sciences : in 26 vols / ed. by N. J. Smelser, P. B. Baltes. Amsterdam : Elsevier, 2001. Vol. 14. P. 2271.

стабильности мнемонической инфраструктуры. То, что должна помнить группа, вынесено вовне и подразумевает схожие исторические интерпретации для каждого индивида, который контактирует с инфраструктурой, обладающей определенным набором событий и их трактовок. Идентификация процесса запоминания, воспоминания, припоминания предполагает обусловленный культурным опытом обмен индивидуальными воспоминаниями, наиболее частотные из которых «абсорбируются» в коллективной памяти [13, р. 1].

Процессы формирования коллективной памяти. Проблему коллективной памяти нельзя назвать разработанной в полной мере в силу ее междисциплинарности, а также из-за недостаточности инструментария для ее исследования (речь идет об изучении не когнитивных, а социальных механизмов, сложных критериях верификации и т. д.). Вместе с тем в отношении ряда понятий этой области знаний консенсус исследователей достигнут. В основе формирования и транслирования образов прошлого лежит припоминание (повторное воспроизведение). На создание «персонализированных коллективных воспоминаний» может влиять эмоциональный климат, а также аффективная окраска запоминаемого события (неожиданность, контраст с повседневностью и т. д.) [9, р. 3]. В последнем случае смыслообразующую роль в коллективной памяти играют воспоминания-вспышки. При повторном воспроизведении важное значение имеют эффект интервала (регулярность повторения способствует запоминанию) и эффект обратной связи. Факторами формирования коллективной памяти могут выступать также возраст реципиента (особенно в случае его участия в событии) [14, р. 224] и повышение роли мнемонической инфраструктуры по мере снижения заинтересованности индивида в запоминании событий (с течением времени коллективная память, направленная снизу вверх, сменяется памятью, направленной сверху вниз). Однако исследователи подчеркивают, что механизм, который обеспечивает долгосрочное удержание информации, совершенно безразличен к точности и релевантности этих данных.

Коллективная память и идентичность. Термин «идентичность» имеет множество трактовок. Вопрос его концептуализации является дискуссионным и требует обращения к субстанциональным свойствам феномена. Выделяются две принципиальные позиции исследователей в этом отношении. Согласно первой позиции идентичность выступает как процесс, происходящий в динамике (и только в ней может быть изучен). Речь идет об идентификации, в рамках которой осознаются тождество индивида самому себе, его принадлежность к группе и одновременно его обособление от другого (интеракционистский подход) [15]. Согласно второй позиции идентичность воспринимается как статичная субстанция, результат, которого достигает индивид в ходе самоопределения.

В данном случае идентичность выступает как устойчивое образование либо как элемент индивидуального (группового) сознания, который в определенных условиях может трансформироваться [16].

В поле концептуализации идентичности существует также теоретическая оппозиция, связанная с представлением о ней как об индивидуальном или групповом феномене [17; 18]. В. С. Малахов подчеркивает, что концепт индивидуальной идентичности не может быть перенесен на общество, поскольку оно не имеет тех качеств, которыми обладает личность, в частности свойства субъектности [19]. Множественная природа идентичности обусловлена скорее сложной функциональной структурой общества и не предполагает обязательной самотождественности субъекта. Именно поэтому возможна и коллективная идентичность. А. Мелуччи определяет ее как интерактивное образование, созданное несколькими людьми или их группами (на более сложном уровне), обладающее определенной направленностью действий и имеющее ряд возможностей и ограничений [20]. При этом соотношение идентичности и памяти в коллективном измерении аналогично соотношению их взаимосвязи на уровне индивида. Как полагает Р. Дженкинс, именно на пересечении самопрезентации и социальной категоризации находится механизм, формирующий индивидуальную и коллективную идентичность. Индивиды дифференцируют себя согласно критериям, принятым в определенной группе, и развивают чувство своей принадлежности к ней. Когда принадлежность индивида к группе признана ее членами, возникает коллективная идентичность [21, р. 5].

В случае идентификации индивида с национальным сообществом речь идет о национальной идентичности. Она в значительной мере связана с коллективной памятью сообщества людей, проживающих на определенной территории (особенно с учетом роли государства в создании и развитии мнемонической инфраструктуры, политики памяти и т. д.). Именно с коллективной памятью национального уровня многие авторы, в частности А. Г. Кохановский, Н. Л. Мысливец, А. А. Коваленя и др., связывают понятие «историческая память».

Нация как нарратив. Нацию можно представить как непрерывную субстанцию, связанную определенными историческими событиями и элементами мнемонической инфраструктуры [22]. Стержневые нарративы (метанарративы) содержат объяснение ключевых характеристик нации, связанных с описанием ее развития, исторической детерминированности, общности культуры и т. д. Воспроизводимость нации основана на регулярности напоминания индивидам об их идентичности и общем прошлом [23] с помощью различных мнемонических средств. Важную роль здесь играют также механизмы формирования приверженности и селективного внимания к прошлому [24].

Таким образом, идентичность представляет собой сложный социальный феномен, формирующийся в результате социальной категоризации индивида с учетом определенных социальных условий и институциональных рамок. Индивид осознает собственное отличие от других и свою принадлежность к конкретной группе. При этом действуют механизмы группового включения и исключения индивидов, создаваемые и регулируемые государством [25, с. 60].

Стратегия исследования. Взаимосвязь исторической памяти и национальной идентичности,

представленность прошлого в историческом сознании современной студенческой молодежи стали предметом исследования, реализованного белорусскими и российскими специалистами в октябре – декабре 2021 г.³ В исследовании участвовали студенты Белорусского государственного технологического университета (Беларусь) и Кубанского государственного университета (Россия). Анкетирование проводилось путем онлайн-опроса, использовался метод случайной выборки (объем выборки составил 1042 человека, из них 410 белорусов и 632 россиянина).

Результаты и их обсуждение

Отношение молодежи к истории. По мнению большинства молодых людей, современный человек должен обладать познаниями в истории. При этом 72,8 % российских студентов и 66,1 % белорусских студентов считают, что нужно знать историю своей страны и историю других государств; 18,2 % российских студентов и 23,4 % белорусских студентов полагают, что достаточно знать историю только своего народа. Среди белорусских респондентов выше, чем среди российских респондентов, доля тех, кто считает, что достаточно знать историю своей малой родины (3,9 и 2,2 % соответственно) и историю своей семьи (2,7 и 1,7 % соответственно). Таким образом, во взглядах на изучение истории белорусская молодежь демонстрирует более выраженный локализм, чем российская молодежь. В то же время приведенные мнения респондентов противоречат их индивидуальной мотивации к познанию истории. Так, белорусские студенты чаще, чем российские студенты, декларируют необходимость знать историю своей страны, но в то же время реже интересуются ей. При этом среди белорусов заметно выше доля тех, кому интересна история своей малой родины (7,1 % респондентов в белорусской подвыборке против 2,5 % респондентов в российской подвыборке) и история своей семьи (6,8 % против 4,9 %). У российских студентов интерес к истории своей семьи выше, чем интерес к истории своего местожительства. Доля респондентов, интересующихся национальной и локальной историей, в белорусской подвыборке составила 35,1 %, в российской – 31,8 %.

Формы самоидентификации индивида в контексте исторической памяти и исторического сознания. Результаты исследования свидетельствуют о достаточно высоком уровне национальной и гражданской идентификации студенческой молодежи. Так, 78,3 % белорусских студентов и 83,7 % российских студентов отметили, что ощущают тесную связь со своим народом. С гражданами своей страны себя идентифицируют 67,6 % белорусских студентов и 76,7 % российских студентов. Выраженная иденти-

фикация с семьей у 97,1 % белорусских респондентов и 97,8 % российских респондентов условно может быть квалифицирована как форма этнонациональной идентификации, поскольку усвоение родного языка, других элементов национальной культуры, а также их воспроизводство обеспечиваются прежде всего на уровне семьи. При этом у белорусских студентов сильнее, чем у российских студентов, выражен социальный атомизм.

Рассматривая идентификацию в рамках континуума *история – современность* и относя народ, сограждан, единоверцев к историческим сообществам, а семью, друзей, коллег по учебе, жителей своего города и региона к сообществам настоящего времени, можно говорить о том, что современные идентичности являются наиболее актуальными.

Процессы социальной идентификации индивида (с членами определенной *мы-группы*) тесным образом связаны с феноменом межгруппового восприятия, который детерминирован реальными отношениями между группами, актуальным общественным контекстом и психологическими факторами. В ходе социальной категоризации, реализуемой на основе универсального принципа биполярности, выстраивается базовая оппозиция *мы (свои) – они (чужие)*, которая формирует образ социального мира. В рамках данной оппозиции проявляется базовая семантика сплоченности со своими и отчуждения от других. Таким образом, когнитивная оппозиция *мы (свои) – они (чужие)* предполагает прежде всего идентификацию ее субъектов, как индивидуальных, так и групповых.

В связи с этим интерес представляют ответы респондентов на вопрос: «Кого бы Вы отнесли к концептам “мы” (“свои”) и “они” (“чужие”)»? Важно понять, какие «чужие» выступают теми группами, которые позволяют белорусской и российской молодежи осознавать свою принадлежность к определенному обществу и формировать коллективные идентичности [26, с. 58–59]. Анализ ответов студентов позволил сформировать полевую модель концептов «мы» («свои») и «они» («чужие») (табл. 1).

³Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом : отчет о НИР / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Кубан. гос. ун-т ; рук. О. В. Матвеев. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2022. 50 с. № гос. регистрации НИОКТР АААА-А20-120072590002-2, № гос. регистрации ИКРБС 222102600013-3.

Таблица 1

Содержание концептов «мы» («свои») и «они» («чужие») в представлении белорусских и российских студентов

Table 1

The content of the concepts «we» («our own») and «they» («strangers») in the view of Belarusian and Russian students

Структура концепта	Содержание концепта «мы» («свои»)	Содержание концепта «они» («чужие»)
<i>Ответы белорусских студентов</i>		
Ядро	Мое государство	Другие государства
Ближняя периферия	Граждане моей страны Мой народ	Иностранные граждане Другие народы
Дальняя периферия	Знакомые люди Те, кто разделяют мои взгляды Люди с принятыми в моем обществе нормами поведения Все люди Народ Единоверцы	Незнакомые люди Те, кто не разделяют мои взгляды Люди с другими нормами поведения Представители иных форм жизни Власть Иноверцы
Крайняя периферия	Местное население	Приезжие
<i>Ответы российских студентов</i>		
Ядро	Граждане моей страны Мой народ Люди с принятыми в моем обществе нормами поведения	Иностранные граждане Другие народы Люди с другими нормами поведения
Ближняя периферия	Знакомые люди Те, кто разделяют мои взгляды	Незнакомые люди Те, кто не разделяют мои взгляды
Дальняя периферия	Мое государство Единоверцы	Другие государства Иноверцы
Крайняя периферия	Местное население Все люди Народ	Приезжие Представители иных форм жизни Власть

В обеих подвыборках основная ось противопоставления в рамках оппозиции *свой – чужой* выстраивается по линии государств и их граждан, поэтому можно заключить, что для белорусских и российских студентов доминирующей идентичностью выступает национальная (гражданская) идентичность. Причем белорусские респонденты, говоря о других государствах, чаще определяют их как территории, находящиеся за пределами родной страны, и используют общие формулировки (*Все, кроме стран СНГ; Дальний Восток; Запад; Все страны НАТО; Все страны другого континента*). Российские студенты, говоря о других государствах, указывают конкретную страну (*Германия, Китай, США, Украина, Япония*). Кроме того, российские респонденты чаще рассматривают другие государства как противников (*Все страны, с которыми происходят конфликты; Все государства-неприятели*).

Часть респондентов в белорусской и российской подвыборках категорически отрицают разделение концептов «мы» и «они» («свои» и «чужие»). Такую позицию они аргументируют тем, что подобное противопоставление является атавизмом и неприемлемо в современном обществе (*Мы все абсолютно разные*

и уникальные; Я не вешаю ярлыков на людей; Все люди едины; Между людьми нет отличий; Я за космополитизм, чужих нет). Такое мнение высказали 10,5 % белорусских студентов и 16,6 % российских студентов.

Героические (трагические) события в исторической памяти как элемент идентификации. Ряд авторов (Б. Андерсон, А. Ассман, Р. Айерман и др.) называют героическое прошлое и травматический опыт группы индивидов консолидирующими элементами исторической памяти, основой для формирования коллективной идентичности. Память о героях и жертвах способствует установлению новых и поддержанию существующих социальных связей [26]. Иначе говоря, память о героических событиях позволяет молодежи связать прошлое с настоящим и будущим.

Респондентам был задан вопрос о том, кого они могут назвать героем своей страны. Анализ ответов показал, что и для белорусской, и для российской молодежи образ национального героя связан прежде всего с событиями Великой Отечественной войны. Так, 19,6 % ответов белорусских студентов и 40,7 % ответов российских респондентов можно отнести к обобщенной категории «герои и участники

Великой Отечественной войны». В рамках данной категории были названы военачальники (Г. К. Жуков, И. Х. Баграмян, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский), солдаты, совершившие подвиги (Л. М. Павличенко, Е. Д. Бершанская, П. М. Гаврилов, Н. Ф. Гастелло, З. Г. Колобанов, Д. Л. Калараши, Д. С. Калинин, Д. М. Карбышев, И. Н. Кожедуб, А. П. Маресьев, А. М. Матросов, А. И. Покрышкин, В. А. Маргевитш, И. А. Шеремет), партизаны (И. К. Кабушко, К. С. За-

слонов, В. И. Талаш (чаще их указывали белорусские респонденты)), пионеры-герои и комсомольцы (В. Головатый, Л. Голиков, Ж. Попов, Е. Игнатов и Г. Игнатов, В. Котик, О. Кошевой, З. Портнова), а также родственники студентов – участники Великой Отечественной войны. Некоторые респонденты употребляли обобщенные формулировки (*Весь народ; Все участники войны и ветераны*). Таким образом, по количеству упоминаний эта позиция лидирует (табл. 2).

Таблица 2

Национальные герои, по мнению белорусских и российских студентов

Table 2

National heroes, according to opinions of the Belarusian and Russian students

Категория	Доля ответов белорусских студентов, %	Доля ответов российских студентов, %
Герои и участники Великой Отечественной войны	20,0	41,0
Герои национально-освободительных движений	17,4	1,7
Современные политики	14,3	2,7
Писатели	11,6	3,1
Просветители	7,1	0,3
Спортсмены	6,3	0,5
Государственные деятели периода СССР	5,8	6,2
Современные выдающиеся личности	5,4	0,8
Государственные деятели досоветского периода	3,6	11,6
Музыканты	3,1	0,7
Ученые	2,2	3,8
Космонавты	1,8	8,4
Художники	0,9	1,2
Религиозные деятели	0,4	0,3
Полководцы досоветского периода	–	18,1

На второй позиции в белорусской подвыборке находятся герои национально-освободительных движений, в российской подвыборке – выдающиеся полководцы досоветского периода (А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. И. Багратион, М. Б. Барклай де Толли, А. А. Брусилов, А. П. Ермолов, А. В. Колчак, М. П. Лазарев, П. С. Нахимов, М. Д. Скобелев, Л. Г. Корнилов, Ф. Ф. Ушаков). Третью позицию, по мнению белорусских респондентов, занимают современные политические деятели и активисты, по мнению российских респондентов – исторические государственные деятели (князья, цари, императоры, министры).

Белорусские студенты героизируют лидеров национально-освободительных движений, народных просветителей (Евфросиния Полоцкая, Франциск Скорина), национальных писателей (Якуб Колас, В. И. Дунин-Марцинкевич, В. В. Быков, Максим Танк, Янка Купала), музыкантов (М. К. Огинский, В. Г. Мулявин), художников (М. З. Шагал, М. А. Савицкий). У российских студентов образ героя связан преимущественно с фамилиями исторических государственных деятелей, военачальников, советских политических лидеров (В. И. Ленин,

И. В. Сталин, А. М. Коллонтай, Г. К. Жуков), покорителей космоса (Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов, В. В. Терешкова, А. А. Леонов, С. К. Крикалёв). Семантическое содержание концепта «герой» в понимании белорусских студентов имеет этнонациональную основу, а в понимании российских студентов – государственно-политическую основу.

Репрезентация героев, предложенная студентами, демонстрирует наличие общего прошлого у народов Беларуси и России. Так, и белорусские, и российские респонденты называют героями полководцев Великой Отечественной войны (Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский), пионеров-героев и комсомольцев (В. Котик, М. Казей), поэтов (А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой), космонавтов (Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов), советских государственных деятелей (В. И. Ленин, А. А. Громыко). Наличие общих героев свидетельствует о единой, преимущественно ретроспективно направленной коллективной идентичности.

Показательным является своеобразный нигилизм некоторых респондентов. Они никого не могут выделить в качестве героя, сама героизация для них

неприемлема (*Героев нет, есть жертвы истории; Нет таких, я не вешаю ярлыков на людей*). Другие респонденты, напротив, стремятся максимально обобщить образ героя, включив в него весь народ (*Весь белорусский народ; Нельзя выделить кого-то отдельно, мы все отчасти герои истории в том времени, в котором живем*).

Если оценить ответы респондентов в рамках континуума *история – современность*, можно заметить, что белорусские студенты, героизируя определенные личности, обращены к близкому прошлому и настоящему, а российские студенты максимально историзируют героев. Таким образом, историческое сознание россиян в значительной степени ориентировано на прошлое, в то время как историческое сознание белорусов – на близкое прошлое и настоящее.

Кроме того, студентам был задан вопрос о том, какие события в истории страны и народа вызывают у них чувство гордости. Коллективные чувства, как устойчивые аффективные переживания, разделяемые членами большой группы, выполняют не

только консолидирующую функцию, но и функцию символической защиты от неблагоприятных воздействий, компенсируют материальные и моральные потери, закладывают основу для межгрупповых отношений и т. д. Если коллективные чувства, относящиеся к настоящему и будущему, характеризуются амбивалентностью, то среди воспоминаний о коллективном прошлом чаще преобладают ностальгия, гордость и восхищение подвигами предков.

Выяснилось, что особую гордость белорусская и российская студенческая молодежь испытывает за победу СССР в Великой Отечественной войне (табл. 3). Для белорусских студентов поводом для гордости выступают также современные политические, культурные и социально-экономические достижения страны, обретение государственной независимости. Коллективные чувства гордости российской студенческой молодежи связаны преимущественно с событиями прошлого, а именно с победами страны в войнах и с достижениями советского периода (главнейшим из них является освоение космоса).

Таблица 3

События в истории страны, выступающие поводом для гордости,
по мнению белорусских и российских студентов

Table 3

Events in the history of the country that cause pride,
according to opinions of the Belarusian and Russian students

Категория	Доля ответов белорусских студентов, %	Доля ответов российских студентов, %
Победа в Великой Отечественной войне	46,4	42,0
Достижения современного периода	17,7	3,7
Создание национального государства	13,8	–
События периода Великого княжества Литовского	5,5	–
Достижения в науке, культуре, образовании	5,0	6,4
Победы в войнах	4,4	22,4
Борьба за независимость	3,9	3,5
Спортивные победы	1,7	1,6
События периода Речи Посполитой	1,7	–
События периода СССР	–	12,1
Укрепление Российского государства	–	7,3
Постсоветская демократизация	–	1,1

История того или иного народа – это не только достижения и победы, но и национальные трагедии, которые вызывают чувства унижения, скорби и стыда. Важно, что память о коллективных травмах способствует объединению людей, обеспечивая налаживание между ними социальных связей и мотивируя их к активным действиям. Таким образом, переживание коллективных травм может выполнять консолидирующую функцию и создавать условия для формирования коллективной идентичности.

Как показало исследование, наиболее травмирующими событиями в исторической памяти мо-

лодежи обеих стран выступают политические репрессии в период СССР. Для белорусской молодежи трагическими представляются некоторые события периода Речи Посполитой. В качестве национальной травмы российские студенты назвали войны (преимущественно те, что завершились поражением их родной страны) и распад СССР.

В целом в исторической памяти белорусской и российской молодежи преобладают героические коллективные чувства, что позволяет сделать вывод о преобладании позитивных форм коллективной идентичности.

Заключение

Историческая память тесно связана с настоящим и будущим, поэтому важное значение имеет ее процессуальный аспект, в частности усилия общественных институтов по сохранению и воспроизводству индивидуального и коллективного исторического опыта. В связи с этим актуальным является вопрос о том, создает ли транслируемое сегодня представление о прошлом условия для формирования коллективной идентичности, которая выступает сложным социальным феноменом, возникающим в результате социальной категоризации индивида с учетом определенных социальных условий и институциональных рамок.

Результаты исследования позволяют заключить, что студенты Беларуси и России придают важное значение истории и считают необходимым транслировать исторический опыт будущим поколениям. В фокусе интереса современных молодых людей находятся как национальная, так и мировая история. Коллективные чувства российской студенческой мо-

лодежи связаны преимущественно с победами страны в войнах и процессом укрепления российской государственности. Белорусская молодежь испытывает гордость прежде всего за стремление своего народа к созданию национального государства. У белорусской молодежи сильнее, чем у российских молодых людей, выражена этнонациональная идентичность. Историческая память молодых белорусов сконцентрирована на образах национального прошлого, идеях этнокультурной самобытности и государственной независимости, их историческое сознание направлено в основном на близкое прошлое и настоящее. У российских студентов превалирует гражданственно-государственная идентичность, их историческое сознание обращено в далекое прошлое. Общая история у двух народов и отражение событий прошлого в исторической памяти белорусских и российских молодых людей позволяют предположить наличие у них единой, преимущественно ретроспективно направленной коллективной идентичности.

Библиографические ссылки

1. Grever M, Adriaansen R-J. Historical consciousness: the enigma of different paradigms. *Journal of Curriculum Studies*. 2019;51(6):814–830. DOI: 10.1080/00220272.2019.1652937.
2. Репина ЛП, редактор. *Историческая культура как предмет исследования. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени*. Москва: Кругъ; 2006. 768 с.
3. Анкерсмит ФР. *Возвышенный исторический опыт*. Олейников АА, переводчик. Москва: Европа; 2007. 609 с.
4. Куликов ДК. Историческое сознание и теория культуры. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2007;4(35):47–51.
5. Grever M, Nieuwenhuyse KV. Popular uses of violent pasts and historical thinking (Los usos populares de los pasados violentos y el razonamiento histórico). *Journal for the Study of Education and Development*. 2020;43(3):483–502. DOI: 10.1080/02103702.2020.1772542.
6. Edy JA. Journalistic uses of collective memory. *Journal of Communication*. 1999;49(2):71–85. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02794.x.
7. Assmann J. Communicative and cultural memory. In: Meusburger P, Heffernan M, Wunder E, editors. *Cultural memories: the geographical point of view*. Dordrecht: Springer; 2011. p. 15–27.
8. Weedon C, Jordan G. Collective memory: theory and politics. *Social Semiotics*. 2012;22(2):143–153. DOI: 10.1080/10350330.2012.664969.
9. Choi SY, Liu JH, Mari S, Garber IE. Content analysis of living historical memory around the world: terrorization of the Anglosphere, and national foundations of hope in developing societies. *Memory Studies*. 2021;16(2):1–19. DOI: 10.1177/1750698021995974.
10. Schuman H. Cohorts, chronology, and collective memories. *Public Opinion Quarterly*. 2004;68(2):217–254. DOI: 10.1093/poq/nfh012.
11. Roediger HL, Zarembka FM, Butler AC. The role of repeated retrieval in shaping collective memory. In: Boyer P, Wertsch JV, editors. *Memory in mind and culture*. New York: Cambridge University Press; 2009. p. 138–170.
12. Stone ChB, van der Haegen A, Luminet O, Hirst W. Personally relevant vs nationally relevant memories: an intergenerational examination of World War II memories across and within Belgian French-speaking families. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2014;4:280–286. DOI: 10.1016/j.jarmac.2014.08.002.
13. Wang Q. What does cultural research tell us about memory? *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2021;10(1):1–4. DOI: 10.1016/j.jarmac.2021.01.004.
14. La Barbera M-C, editor. *Identity and migration in Europe: multidisciplinary perspectives international perspectives on migration*. Dordrecht: Springer; 2015. Identity and migration: an introduction; p. 1–13.
15. Luckmann Th. Remarks on personal identity: inner, social and historical time. In: Jacobson-Widding A, editor. *Identity: personal and sociocultural*. Uppsala: Academiae Upsaliensis; 1983. p. 67–91.
16. Эрикссон ЭЭ. *Идентичность: юность и кризис*. Толстых АВ, переводчик и редактор. Москва: Прогресс; 1996. 344 с.
17. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич ЕД, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
18. Малахов ВС. Неудобства с идентичностью. *Вопросы философии*. 1998;2:43–53.
19. Melucci A. *Nomads of the present: social movements and individual needs in contemporary society*. Philadelphia: Temple University Press; 1989. 281 p.
20. Jenkins R. *Social identity*. London: Routledge; 2008. 206 p.
21. Liu JH, Hilton DJ. How the past weighs on the present: social representations of history and their role in identity politics. *British Journal of Social Psychology*. 2006;44(4):537–556. DOI: 10.1348/014466605X27162.

22. Brubaker R, Cooper F. Beyond «identity». *Theory and Society*. 2000;29(1):1–47.
23. Sahdra B, Ross M. Group identification and historical memory. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007;33(3):384–395. DOI: 10.1177/0146167206296103.
24. Заславская МИ, Ракачев ВН. Концептуализация политики идентичности и практики ее реализации в России и Армении. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2022;15(1):47–62. DOI: 10.21638/spbu12.2022.103.
25. Стернин ИА. *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж: Воронежский государственный университет; 2001. Методика исследования структуры концепта; с. 58–65.
26. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память. Поселягин Н, переводчик. *Новое литературное обозрение*. 2016;5:42–54.

References

1. Grever M, Adriaansen R-J. Historical consciousness: the enigma of different paradigms. *Journal of Curriculum Studies*. 2019;51(6):814–830. DOI: 10.1080/00220272.2019.1652937.
2. Repina LP, editor. *Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya. Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [Historical culture as a subject of research. History and memory: the historical culture of Europe before the beginning of the New Age]. Moscow: Krug; 2006. 768 p. Russian.
3. Ankersmit FR. *Vozvyshennyi istoricheskii opyt* [Sublime historical experience]. Oleinikov AA, translator. Moscow: Evropa; 2007. 609 p. Russian.
4. Kulikov DK. [Historical consciousness and theory of culture]. *Humanities and Socio-Economic Sciences*. 2007;4(35):47–51. Russian.
5. Grever M, Nieuwenhuys KV. Popular uses of violent pasts and historical thinking (Los usos populares de los pasados violentos y el razonamiento histórico). *Journal for the Study of Education and Development*. 2020;43(3):483–502. DOI: 10.1080/02103702.2020.1772542.
6. Edy JA. Journalistic uses of collective memory. *Journal of Communication*. 1999;49(2):71–85. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02794.x.
7. Assmann J. Communicative and cultural memory. In: Meusburger P, Heffernan M, Wunder E, editors. *Cultural memories: the geographical point of view*. Dordrecht: Springer; 2011. p. 15–27.
8. Weedon C, Jordan G. Collective memory: theory and politics. *Social Semiotics*. 2012;22(2):143–153. DOI: 10.1080/10350330.2012.664969.
9. Choi SY, Liu JH, Mari S, Garber IE. Content analysis of living historical memory around the world: terrorization of the Anglosphere, and national foundations of hope in developing societies. *Memory Studies*. 2021;16(2):1–19. DOI: 10.1177/1750698021995974.
10. Schuman H. Cohorts, chronology, and collective memories. *Public Opinion Quarterly*. 2004;68(2):217–254. DOI: 10.1093/poq/nfh012.
11. Roediger HL, Zarembka FM, Butler AC. The role of repeated retrieval in shaping collective memory. In: Boyer P, Wertsch JV, editors. *Memory in mind and culture*. New York: Cambridge University Press; 2009. p. 138–170.
12. Stone CB, van der Haegen A, Luminet O, Hirst W. Personally relevant vs nationally relevant memories: an intergenerational examination of World War II memories across and within Belgian French-speaking families. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2014;4:280–286. DOI: 10.1016/j.jarmac.2014.08.002.
13. Wang Q. What does cultural research tell us about memory? *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2021;10(1):1–4. DOI: 10.1016/j.jarmac.2021.01.004.
14. La Barbera M-C, editor. *Identity and migration in Europe: multidisciplinary perspectives international perspectives on migration*. Dordrecht: Springer; 2015. Identity and migration: an introduction; p. 1–13.
15. Luckmann Th. Remarks on personal identity: inner, social and historical time. In: Jacobson-Widding A, editor. *Identity: personal and sociocultural*. Uppsala: Academiae Upsaliensis; 1983. p. 67–91.
16. Erikson EE. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Tolstykh AV, translator and editor. Moscow: Progress; 1996. 344 p. Russian.
17. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Rutkevich ED, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
18. Malakhov VS. [Trouble with identity]. *Voprosy filosofii*. 1998;2:43–53. Russian.
19. Melucci A. *Nomads of the present: social movements and individual needs in contemporary society*. Philadelphia: Temple University Press; 1989. 281 p.
20. Jenkins R. *Social identity*. London: Routledge; 2008. 206 p.
21. Liu JH, Hilton DJ. How the past weighs on the present: social representations of history and their role in identity politics. *British Journal of Social Psychology*. 2006;44(4):537–556. DOI: 10.1348/014466605X27162.
22. Brubaker R, Cooper F. Beyond «identity». *Theory and Society*. 2000;29(1):1–47.
23. Sahdra B, Ross M. Group identification and historical memory. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007;33(3):384–395. DOI: 10.1177/0146167206296103.
24. Zaslavskaya MI, Rakachev VN. Conceptualization of identity politics and practices of its implementation in Russia and Armenia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2022;15(1):47–62. Russian. DOI: 10.21638/spbu12.2022.103.
25. Sternin IA. *Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State University; 2001. [Methodology for studying the structure of the concept]; p. 58–65. Russian.
26. Ayerman R. [Cultural trauma and collective memory]. Poselyagin N, translator. *New Literary Review*. 2016;5:42–54. Russian.

Авторы:

Петр Степанович Крючек – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии инженерно-экономического факультета.

Вадим Николаевич Ракачев – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета истории, социологии и международных отношений.

Ярослава Владимировна Ракачева – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета истории, социологии и международных отношений.

Всеволод Николаевич Сергеев – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой гуманитарных наук.

Виктор Александрович Острога – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой таможенного дела факультета международных отношений.

Authors:

Petr S. Kruchek, PhD (history), docent; head of the department of history of Belarus and political science, economic engineering faculty.

pit68_68@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8355-4089>

Vadim N. Rakachev, doctor of science (history), docent; professor at the department of sociology, faculty of history, sociology and international relations.

midav.sf@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6505-4208>

Yaroslava V. Rakacheva, PhD (history), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of history, sociology and international relations.

soccenter@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0540-6408>

Vsevolod N. Sergeev, PhD (history), docent; head of the department of humanitarian sciences.

v.n.sergeev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9809-7864>

Victor A. Astroga, doctor of science (history), full professor; head of the department of customs affairs, faculty of international relations.

ostroga.v@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0599-465X>

УДК 94(476.5) "1914/1918"

ПОЛОЦКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

А. М. ЛУКАШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается судьба Полоцкого кадетского корпуса в годы Первой мировой войны. Показывается, что в сентябре 1914 г. в связи с использованием строений учебного заведения для лечения раненых кадетский корпус поротно был эвакуирован в Сумы (3-я рота), Москву, а затем в Одессу (2-я рота) и Владикавказ (1-я рота). Там полочане были прикомандированы к местным средним военно-учебным заведениям. Генерал М. Г. Чигирь вместе с канцелярией и архивом корпуса еще год оставался в Полоцке и только в сентябре 1915 г. в связи с ухудшением положения на фронте был эвакуирован в Симбирск. Прослеживается судьба эвакуированных рот, описываются особенности адаптации полочан к новым условиям жизни и специфика их взаимоотношений с местными кадетами. Отмечается, что в Сумах и Владикавказе между полочанами и воспитанниками принимающих учебных заведений установились натянутые отношения, что было обусловлено разными традициями, менталитетом и воспитанием кадет. Демонстрируется преобразование Полоцкого кадетского корпуса в гимназию военного ведомства в 1917 г., а также прием учащихся на новых демократических условиях. Делается вывод о том, что до октября 1917 г. Полоцкая гимназия военного ведомства функционировала как единое военно-учебное заведение и была официально упразднена только после прихода к власти большевиков, которые отказались от реформы Временного правительства.

Ключевые слова: Полоцкий кадетский корпус; Первая мировая война; эвакуация; гимназии военного ведомства; Сумской кадетский корпус; Владикавказский кадетский корпус; Одесский кадетский корпус.

ПОЛАЦКІ КАДЭЦКІ КОРПУС У ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (1914–1918)

А. М. ЛУКАШЭВІЧ^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разглядаецца лёс Полацкага кадэцкага корпуса ў гады Першай сусветнай вайны. Паказваецца, што ў верасні 1914 г. у сувязі з выкарыстаннем будынкаў навучальнай установы для лячэння раненых кадэцкі корпус паротна быў эвакуіраваны ў Сумы (3-я рота), Маскву, а затым у Адэсу (2-я рота) і Уладзікаўказ (1-я рота). Там палачане былі прыкамандзіраваны да мясцовых сярэдніх ваенна-навучальных устаноў. Генерал М. Р. Чыгір разам з канцылярыяй і архівам корпуса яшчэ год заставаўся ў Полацку і толькі ў верасні 1915 г. у сувязі з пагаршэннем становішча на фронце быў эвакуіраваны ў Сібірс. Прасочваецца лёс эвакуіраваных рот, апісваюцца асаблівасці адаптацыі палачан да новых умоў жыцця і спецыфіка іх узаемаадносін з мясцовымі кадэтамі. Адзначаецца, што ў Сумах і Уладзікаўказе паміж палачанамі і выхаванцамі мясцовых карпусоў склаліся нацягнутыя адносіны, што было абумоўлена рознымі традыцыямі, менталітэтам і выхаваннем кадэтаў. Дэманструецца пераўтварэнне Полацкага кадэцкага корпуса ў гімназію ваеннага ведамства ў 1917 г., а таксама прыём навучэнцаў на новых дэмакратычных

Образец цитирования:

Лукашевич АМ. Полоцкий кадетский корпус в годы Первой мировой войны (1914–1918). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;2:17–32. EDN: NANBHY

For citation:

Lukashevich AM. Polotsk cadet corps during the World War I (1914–1918). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;2:17–32. Russian. EDN: NANBHY

Автор:

Андрей Михайлович Лукашевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrei M. Lukashevich, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history of Belarus of new and contemporary times, faculty of history. lukashevand@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5868-8114>

умовах. Робіцца выснова аб тым, што да кастрычніка 1917 г. Полацкая гімназія ваеннага ведамства функцыянавала як адзіная ваенна-навучальная ўстанова і была афіцыйна скасавана толькі пасля прыходу да ўлады балышавікоў, якія адмовіліся ад рэформы Часовага ўрада.

Ключавыя словы: Полацкі кадэцкі корпус; Першая сусветная вайна; эвакуацыя; гімназіі ваеннага ведамства; Сумскі кадэцкі корпус; Уладзікаўказскі кадэцкі корпус; Адэскі кадэцкі корпус.

POLOTSK CADET CORPS DURING THE WORLD WAR I (1914–1918)

A. M. LUKASHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines the fate of the Polotsk Cadet Corps during the World War I. It is shown that in September 1914, in connection with the use of the buildings of the educational institution for the treatment of the wounded, the cadet corps was evacuated by company to Sumy (3rd company), Moscow and then Odessa (2nd company) and Vladikavkaz (1st company). There, the Polotsk residents were assigned to local secondary military educational institutions. General M. G. Chigir, along with the office and archives of the corps, remained in Polotsk for another year, and only in September 1915, due to the worsening situation at the front, was evacuated to Simbirsk. The fate of each company is traced, the degree of their adaptation to new living conditions and the formation of relationships with students of local corps are described. It is noted that in Sumy and Vladikavkaz, strained relations arose between the Polotsk residents and students of host educational institutions, due to different traditions, mentality and upbringing. The reforming of the Polotsk Cadet Corps in 1917 into a military department gymnasium and the admission of students under new democratic conditions is shown. It is concluded that until October 1917, the Polotsk gymnasium of the military department functioned as a single military educational institution. And only after the Bolsheviks came to power, who abandoned the reform of the Provisional Government, it was officially abolished.

Keywords: Polotsk Cadet Corps; World War I; evacuation; military department gymnasiums; Sumy Cadet Corps; Vladikavkaz Cadet Corps; Odessa Cadet Corps.

Введение

Деятельность средних военно-учебных заведений в Российской империи в годы Первой мировой войны рассматривали советские (И. В. Объедков¹), русские эмигрантские² ученые, а также современные российские (С. В. Волков [1], А. М. Лушников³, Ф. Д. Тимофеев⁴, В. А. Гурковский [2; 3]) и украинские [4] исследователи. Однако судьба Полоцкого кадетского корпуса в работах этих авторов, например в публикации С. А. Хубуловой [5], лишь затрагивалась. Значительно больше внимания этому учебному заведению уделялось в белорусской историографии. В общих чертах жизнь воспитанников Полоцкого кадетского корпуса в годы Первой мировой войны в контексте функционирования всех средних

военно-учебных заведений России рассматривалась в кандидатской диссертации и публикации А. Л. Самовича⁵ [6]. В статье А. М. Лукашевича и В. И. Шайкова, подготовленной на основе данных архива Полоцкого кадетского корпуса, кратко раскрываются ключевые вехи истории этого учебного заведения и прослеживается судьба его выпускников [7].

В 2000-х гг. в белорусской историографии появились публикации, посвященные истории комплекса зданий учебного заведения (Г. И. Захаркина, В. Г. Лукьяненко, А. А. Соловьёв [8]) и судьбе его воспитанников (С. И. Поляков [9] и др.), однако данные работы раскрывали лишь второстепенные стороны

¹Объедков И. В. Военно-учебные заведения России в 1914–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М. : Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1989. 20 с.

²Одесский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899–1924 / сост. В. А. Качоровский [Нью-Йорк : Изд. инициатив. группы и Нью-Йорк. объедин. кадет. Одес. Великого князя Константина Константиновича кадет. корпуса, 1974]. 432 с.

³Лушников А. М. Военно-учебные заведения России в 1861–1941 гг.: социально-политические аспекты развития : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 1998. 45 с.

⁴Тимофеев Ф. Д. Военно-учебные заведения России и РСФСР в 1914–1921 годах (состав, деятельность, преемственность) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2008. 26 с.

⁵Самович А. Л. Кадетские корпуса в России (80-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Минск : БГУ, 2003. 20 с.

жизни Полоцкого кадетского корпуса. В 2023 г. увидела свет публикация А. М. Лукашевича, в которой затрагивались некоторые новые сюжеты истории корпуса в контексте реформы военно-учебных заведений в России (1917–1918) [10].

Целью настоящей статьи выступает выявление особенностей организации учебно-воспитательного процесса в Полоцком кадетском корпусе в условиях эвакуации его структурных подразделений в годы Первой мировой войны. Для достижения

указанной цели были решены следующие задачи: раскрыт механизм эвакуации структурных подразделений Полоцкого кадетского корпуса (трех рот и канцелярии) в Сумы, Одессу, Владикавказ и Симбирск в годы Первой мировой войны; прослежена специфика адаптации воспитанников и служащих корпуса к новым условиям жизни; отмечены особенности учебно-воспитательного процесса в новых местах дислокации, а также в условиях реформирования военно-учебных заведений.

Методология исследования

В основе исследования лежит аксиологический подход [10, с. 8–9], благодаря которому удалось проследить эволюцию ценностных взглядов на роль кадетских корпусов в переломные моменты российской истории. Установлено, что к началу Первой мировой войны средние военно-учебные заведения уже с трудом могли выполнять свою прежнюю функцию – обеспечивать подготовку детей дворян к военной службе в целях формирования в обществе надежной опоры для самодержавия. Изменение социального состава офицерского корпуса в годы войны привело к эволюции аксиологических взглядов на роль средних военно-учебных заведений в российском обществе после Февральской революции 1917 г. В течение 1917 г. дворянство утратило свое привилегированное положение в системе военного образования, поэтому кадетские корпуса были реорганизованы в гимназии военного ведомства, предоставлявшие общее образование и воспитание сыновьям офицеров и солдат. После прихода к власти большевиков произошел окончательный слом имперской сословно-групповой структуры общества. Он повлек за собой упразднение военно-учебных заведений, обслуживавших интересы ранее привилегированных сословных страт. Полоцкий кадетский корпус также подлежал упразднению.

Использование историко-сравнительного метода позволило установить особенности положения каждой из трех рот Полоцкого кадетского корпуса в местах новой дислокации (в Сумах, Одессе и Владикавказе), а также выявить специфику взаимоотношений полочан с воспитанниками местных военно-учебных заведений.

Для исследования проблемы использовался широкий массив документальных источников, при работе с которыми применялся метод контент-анализа. Наибольшее значение имели материалы военного делопроизводства Полоцкого кадетского корпуса, которые хранятся в ф. 2613 Национального исторического архива Беларуси⁶ (НИАБ). К ним относятся списки служащих и воспитанников корпуса (Сведения о личном составе учивших и учившихся в Полоцком кадетском корпусе за 1914 г. от 1 марта 1915 г.⁷), годовые и месячные ведомости о численности воспитанников военно-учебного заведения⁸, алфавитные списки учащихся (Алфавитный список кадет Полоцкого кадетского корпуса к 1 сентября 1915 г.⁹), переписка с Главным управлением военно-учебных заведений Военного министерства¹⁰ (далее – ГУВУЗ), телеграммы в ГУВУЗ и кадетские корпуса (например, телеграмма от имени директора Полоцкого кадетского корпуса М. Г. Чигиря за 12 сентября 1915 г.¹¹ и телеграмма от имени инспектора классов И. А. Котрохова¹²).

Уникальные данные о положении 3-й роты Полоцкого кадетского корпуса в Сумах были получены из медицинского отчета Сумского кадетского корпуса и 3-й роты Полоцкого кадетского корпуса за 1914¹³, 1915 и 1916 гг.¹⁴ Этот массив документов дополняют приказы по военно-учебным заведениям¹⁵ и Полоцкому кадетскому корпусу¹⁶, циркуляры ГУВУЗ¹⁷, которые размещались в отдельных изданиях или на страницах военной газеты «Русский инвалид» (с 1917 г. «Армия и флот свободной России»). Важные сведения о судьбе Полоцкого корпуса удалось почерпнуть из материалов, которые публиковались

⁶ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 164, 198, 214, 215, 218, 219, 221, 231, 239–240, 246, 251–252.

⁷ Там же. Д. 221. Л. 16–16 об.

⁸ Там же. Л. 61–61 об.

⁹ Там же. Л. 35–55.

¹⁰ Там же. Д. 198. Л. 7–11 ; Там же. Д. 214. Л. 32 ; Там же. Д. 215. Л. 2, 12, 17, 79 ; Там же. Д. 218. Л. 37–37 об. ; Там же. Д. 240. Л. 15–16, 19, 60, 75–75 об.

¹¹ Там же. Д. 221. Л. 59.

¹² Там же. Д. 164. Л. 26.

¹³ Там же. Д. 219. Л. 1–58.

¹⁴ Там же. Д. 231. Л. 1–22.

¹⁵ Педагогический сборник. 1915. № 2, ч. 1. С. 48 ; Там же. № 7, ч. 1. С. 95.

¹⁶ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 251. Д. 29–29 об. ; Там же. Д. 239. Л. 20 об.

¹⁷ Там же. Д. 252. Л. 142 об.

в неофициальной части ведомственного журнала «Педагогический сборник» за 1915 г.¹⁸

Сведения о личном составе служащих кадетских корпусов, упоминаемых в статье, уточнены по данным памятных книжек (календарей) Витебской, Харьковской и Херсонской губерний, а также Терской области за 1912–1917 гг.¹⁹

Общую атмосферу в российском обществе в годы Первой мировой войны и в период революции 1917 г. передают мемуарные свидетельства воспитанников кадетских корпусов (Л. Б. Буйневича²⁰, Г. Н. Есаулова²¹, В. И. Ситковского²² и др.²³).

Все даты в статье приводятся по юлианскому календарю.

Основная часть

Полоцкий кадетский корпус в начале Первой мировой войны. Расположение Полоцка (рис. 1) в ближайшем тылу действующей армии накладывало особый отпечаток на жизнь корпуса в начале военных действий. Сразу после объявления войны среди служащих и воспитанников Полоцкого кадетского корпуса преобладали патриотические настроения. Служащие этого военно-учебного заведения решили производить ежемесячные отчисления в размере 1–3 % от содержания на нужды войны и раненых. Кадеты отказались от покупки лакомств по праздничным дням и решили делать добровольный взнос «в кружку» на военные потребности. По инициативе служащих корпуса проводился сбор вещей для нужд Красного Креста. Помимо постоянных пожертвований, кадеты и служащие осуществляли разовые взносы²⁴.

Однако вскоре представители городского управления и начальник полоцкого этапного пункта подняли вопрос об изъятии некоторых строений учебного заведения для нужд фронта. С разрешения ГУВУЗ трехэтажный служительский флигель был предоставлен 222-му запасному госпиталю. Обслуживающий персонал корпуса разместили в частных квартирах. При лазарете корпуса на пожертвования служащих и кадет 8 сентября 1914 г. было открыто отделение для раненых на 25 коек. Заботы по уходу за воинами приняли на себя врачи корпуса, служащие с семьями, и кадеты старшей роты²⁵.

Кроме того, по предложению интенданта Двинского военного округа на театре военных действий с 7 сентября 1914 г. в корпусе были налажены выпечка и пересушка хлеба для отправки в войска. Это

производство продолжалось всего две недели, однако Полоцкому кадетскому корпусу удалось предоставить для нужд армии 529 пудов сухарей²⁶.

К концу сентября 1914 г., когда с фронта стало поступать большое количество раненых, по распоряжению верховного начальника санитарной и эвакуационной части герцога А. П. Ольденбургского здание Полоцкого кадетского корпуса подлежало передаче уполномоченному Красного Креста (для размещения госпиталя). В связи с этим воспитанники учебного заведения поротно были прикомандированы к трем кадетским корпусам: 1-я рота – к Владикавказскому кадетскому корпусу, 2-я рота – к 1-му Московскому кадетскому корпусу (в мемуарах Л. Б. Буйневича ошибочно указан 3-й Московский кадетский корпус²⁷), 3-я рота – к Сумскому кадетскому корпусу²⁸.

С 28 по 30 сентября 1914 г. служащие и учащиеся корпуса освободили занимаемые помещения²⁹. О настроениях, царивших во время эвакуации учебного заведения, вспоминал бывший кадет Л. Б. Буйневич: «Как тогда еще беззаботно исполнялось приказание складывать вещи, строиться и маршировать по улицам города к станции и безропотно, даже с весельем и шутками, грузиться в вагоны ожидающего уже поезда, не предполагая, что этот марш кадет по Полоцку происходит последний раз в жизни. Будущее и неизвестность не пугали. Кто-то думал за нас»³⁰.

В октябре 1914 г. после выезда из города семей служащих корпуса восемь офицерских квартир перешли в распоряжение медицинского персонала госпиталя. Лагерь корпуса, расположенный в пяти верстах от Полоцка, было решено использовать для размещения слабосильных команд³¹.

¹⁸Хроника // Пед. сб. 1915. № 1, ч. 2. С. 103–105.

¹⁹Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. Витебск : Витеб. губ. тип., 1914. 280, LXX, 42 с. ; Терский календарь на 1915 год. Владикавказ : Тер. обл. стат. ком., 1915. 416 с. ; Харьковский календарь на 1917 год. Харьков : Тип. губ. правления, 1917. 368 с. ; Памятная книжка Херсонской губернии на 1914 год. Херсон : Губ. тип., 1914. 619 с.

²⁰Буйневич Л. Б. Вчера // Кадет. переключки. 1976. № 16. С. 39–44.

²¹Есаулов Г. Н. История конца Одесского кадетского корпуса // Кадеты и юнкера в белой борьбе и на чужбине / С. В. Волков. М. : Центрполиграф, 2003. С. 90–104.

²²Полоцкий кадетский корпус / В. И. Ситковский. Сан-Франциско : Глобус, 1982. 163 с.

²³Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917–1920 годов // Кадеты и юнкера в белой борьбе и на чужбине / С. В. Волков. М. : Центрполиграф, 2003. С. 56–90.

²⁴Хроника // Пед. сб. 1915. № 1, ч. 2. С. 103–104.

²⁵Там же.

²⁶Там же. С. 104.

²⁷Буйневич Л. Б. Вчера. С. 39.

²⁸НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 221. Л. 17–17 об.

²⁹Хроника // Пед. сб. № 1, ч. 2. С. 105.

³⁰Буйневич Л. Б. Вчера. С. 39.

³¹Хроника // Пед. сб. № 1, ч. 2. С. 105.

Рис. 1. Полоцк. Николаевский собор с левого берега р. Западная Двина. Фотография С. М. Прокудина-Горского. 1912. Источник: <https://www.loc.gov>

Fig. 1. Polotsk. Nicholas Cathedral from the left bank of the Western Dvina river. Photo by S. M. Prokudin-Gorsky. 1912. Source: <https://www.loc.gov>

Рис. 2. Фасад Николаевского кафедрального собора и главного здания Полоцкого кадетского корпуса. Рисунок Д. М. Струкова. 1864–1867. Источник: <https://commons.wikimedia.org>

Fig. 2. Facade of the Saint Nicholas Cathedral and the main building of the Polotsk Cadet Corps. Drawing by D. M. Strukov. 1864–1867. Source: <https://commons.wikimedia.org>

Несмотря на то что кадеты были переведены в другие города, канцелярия и архив корпуса, а также офицеры штаба еще год оставались в Полоцке. Здесь же находился и директор учебного заведения генерал-майор М. Г. Чигирь (1908–1918), который руководил работами по ремонту зданий и благоустройству территории корпуса. Только в сентябре 1915 г., когда во время неудачной Виленской операции российские войска Западного фронта с трудом сдержали Свенцянский прорыв германских войск, было решено эвакуировать канцелярию и архив Полоцкого кадетского корпуса на Волгу. В связи с этим пришлось даже отложить отправку в Петроград отчета о состоянии дел в корпусе. М. Г. Чигирь 12 сентября 1915 г. телеграфировал в ГУВУЗ: «Канцелярия эвакуирована Симбирск. Отчет будет представлен немедленно при прибытии»³². Уже 3 октября канцелярия находилась на новом месте³³.

Ремонтные работы в Полоцком кадетском корпусе. Работы по реконструкции строений корпуса (комплекс зданий XVIII в.) [8] начались еще до Первой мировой войны и растянулись на несколько лет³⁴. В июле 1914 г. были введены в строй первые здания – механическая прачечная и баня. Созданная в корпусе комиссия по приему этих объектов отметила, что работы выполнены хорошо³⁵. Планировалось проложить керамическую канализацию

во дворах офицерских флигелей № 1, 6–9 и 11 (на сумму 7475 руб.) и водопровод для флигелей (на сумму 4398 руб.), провести наружные водопроводные работы (на сумму 5609 руб.) и построить кирпичный тир (на сумму 44 979 руб. 65 коп.)³⁶. Подрядчиками на выполнение водопроводных работ в корпусе стали Б. А. Каган и Русско-бельгийское акционерное общество керамических изделий (ранее завод «Новь»). Работы начались в июне 1915 г.³⁷

После перевода воспитанников в другие кадетские корпуса ремонтные работы были ускорены. На их проведение в 1915 г. было выделено 1102 руб. 50 коп.³⁸ К 1 июня 1915 г. в главном здании корпуса (рис. 2) перекрыли крышу³⁹. Генерал М. Г. Чигирь также планировал потратить деньги, предназначенные для строительства бань, прачечных и трехэтажного офицерского флигеля, на капитальный ремонт главного здания. С этим вопросом он обратился к руководству ведомства⁴⁰.

Тема обсуждалась 20 февраля 1916 г. на заседании Военного совета Военного министерства. Совет решил направить оставшиеся от двух кредитов средства в размере 80 023 руб. 41 коп. на покрытие части перерасхода по работам капитального переустройства главного здания и хозяйственных служб корпуса⁴¹. Однако обеспокоенный содержанием зданий в Полоцке начальник ГУВУЗ приказал смотрителю

³² НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 221. Л. 59.

³³ Там же. Л. 32.

³⁴ Там же. Д. 198. Л. 7–11.

³⁵ Там же. Д. 218. Л. 37–37 об.

³⁶ Там же. Д. 215. Л. 2, 12.

³⁷ Там же. Л. 17, 79.

³⁸ Там же. Д. 240. Л. 19.

³⁹ Там же. Л. 60.

⁴⁰ Там же. Л. 75–75 об.

⁴¹ Там же.

зданий «выяснить и донести, в каком состоянии поддерживаются корпусные помещения, занятые посторонними учреждениями, а также какие работы надлежит произвести для сохранения здания»⁴². Смотритель (в 1914 г. эту должность занимал подполковник В. Д. Лаврухин⁴³) должен был обратить особое внимание на крыши и доложить о сумме, необходимой для поддержания зданий в порядке⁴⁴.

Адаптация воспитанников и служащих Полоцкого кадетского корпуса в новых местах дислокации. В конце сентября 1914 г. 3-я рота Полоцкого кадетского корпуса (1-й и 2-й классы) во главе с полковником И. Н. Свенцицким была эвакуирована в Сумы (Харьковская губерния). Рота в составе 139 человек 30 сентября прибыла к новому месту дислокации и была размещена в здании Сумского кадетского корпуса (рис. 3)⁴⁵.

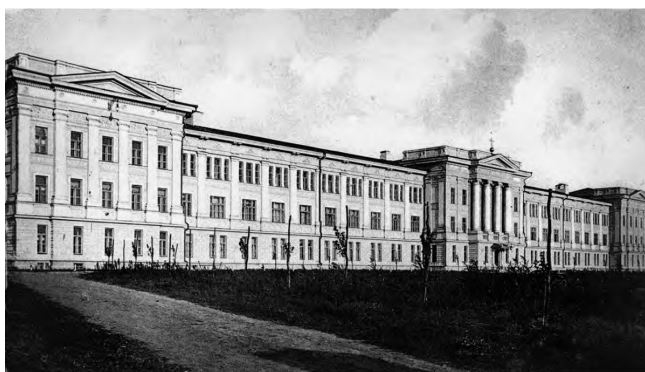

Рис. 3. Сумской кадетский корпус. Фотография. 1900-е гг.
Источник: <https://antkor18.livejournal.com>

Fig. 3. Sumy Cadet Corps. Photo. 1900s.
Source: <https://antkor18.livejournal.com>

Сумской кадетский корпус был открыт в 1900 г. и являлся одним из самых молодых военно-учебных заведений России. Своим возникновением он во многом обязан местным жителям – отцу и сыну И. Г. Харитоненко и П. И. Харитоненко, сахарозаводчикам, которые безвозмездно предоставили военному ведомству 50 десятин земли и 500 тыс. руб. на постройку кадетского корпуса.

По словам бывшего кадета Л. Б. Буйневича, «каждой роте на новых местах были отведены отдельные помещения и классы»⁴⁶. Младшую роту Полоцкого кадетского корпуса разместили на 3-м этаже глав-

ного здания, предоставив ей гимнастический и танцевальный залы, музыкальные классы. Кроме того, роте были выделены комнаты, которые занимал генерал-инспектор военно-учебных заведений, а ранее начальник ГУВУЗ великий князь Константин Константинович. Там же для полочан были устроены умывальная, ватерклозеты и проведена вода⁴⁷.

Из воспоминаний Л. Б. Буйневича следует, что «полочане продолжали носить свою форму и жить по своим обычаям и традициям, глубоко веря, что это положение в новых зданиях только временно и что после победоносного окончания войны они будут возвращены в свое родное и любимое здание корпуса в Полоцк»⁴⁸. Младших кадетов сопровождали воспитатели⁴⁹.

По приезду в Сумы полочан в профилактических целях незамедлительно вымыли и переодели в чистое, а их вещи продезинфицировали. Тем не менее на четвертый день 2 воспитанника, Сементовский из 2-го класса и Павел Еникацero из 1-го класса⁵⁰, заболели скарлатиной. Ранее в Сумском кадетском корпусе не было отмечено заразных болезней, поэтому врачи сделали заключение, что кадеты заразились либо в своем корпусе, «где в то время была эпидемия скарлатины, или на железной дороге во время пути из Полоцка в Сумы»⁵¹. По данным директора Полоцкого кадетского корпуса, к 28 сентября 1914 г., т. е. к моменту отправки кадет из Полоцка, среди воспитанников был только один больной⁵².

Сумские врачи немедленно изолировали заболевших и провели дезинфекцию в корпусе. Благодаря этому удалось остановить развитие эпидемии среди полочан (заболели 15 кадет и 1 воспитатель) и предупредить распространение скарлатины среди местных кадет (занимали первые два этажа здания), офицеров и служащих этого корпуса (проживали поблизости во флигелях)⁵³. Несмотря на принятые меры, спасти 2 воспитанников Полоцкого кадетского корпуса не удалось: 5 октября 1914 г. умер кадет Сементовский, а 12 октября 1914 г. – кадет Дмитрий Вырубов, сын отставного генерал-майора⁵⁴. О последнем остались воспоминания его товарища по лазарету Л. Б. Буйневича: «С ним я лежал в одной палате корпусного лазарета, болея скарлатиной. Наши кровати были рядом. За день перед моим выходом из лазарета он скончался. Он тоже выздоравливал от

⁴² НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 240. Л. 15–15 об.

⁴³ Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. С. 227.

⁴⁴ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 240. Л. 16.

⁴⁵ Там же. Д. 219. Л. 7.

⁴⁶ Буйневич Л. Б. Вчерашний. С. 39.

⁴⁷ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 219. Л. 7.

⁴⁸ Буйневич Л. Б. Вчерашний. С. 39.

⁴⁹ Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. С. 227.

⁵⁰ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 221. Л. 38.

⁵¹ Там же. Д. 219. Л. 11 об.

⁵² Там же. Д. 221. Л. 17.

⁵³ Там же. Д. 219. Л. 7.

⁵⁴ Там же. Л. 12–12 об.; Там же. Д. 221. Л. 36 об.

скарлатины, но болезнь осложнилась нарывом в ухе, который прорвался и залил мозг, так что смерть наступила быстро»⁵⁵. Похоронили юного кадета на городском кладбище в присутствии его товарищей, построенных в ряды вокруг вырытой могилки⁵⁶.

За несколько месяцев пребывания полочан в Сумах разные болезни перенесли 60 кадет из 139⁵⁷. За 9 месяцев 1914 г. (до переезда из Полоцка) в корпусе болели 96 человек⁵⁸. В Сумах 7 полочан переболели «фолликулярной и иной жабой», 2 из них, Сергей (или его брат Евгений) Хондажевский⁵⁹ и Грамбек, перенесли «тяжелую стрейтококковую жабу», осложнившуюся у обоих острым воспалением почек⁶⁰.

Серьезные осложнения воспитанников Сумского кадетского корпуса (за 1914 г. переболели 344 кадета из 711⁶¹) вынудили старшего врача статского советника Г. Л. Вейднера поднять вопрос о прикреплении к корпусу доктора⁶². Вскоре в заведении было уже 3 врача: Г. Л. Вейднер (старший), коллежский советник В. Ф. Кандыба и не имеющий чина Р. Г. Шушанина⁶³. Благодаря этим мерам заболеваемость несколько снизилась, хотя значительное улучшение здоровья кадет не произошло⁶⁴. Общее количество потерь Полоцкого кадетского корпуса за 1914 г. составило 5 человек. Так, в лазарете Сумского кадетского корпуса умерли 3 учащихся, 1 воспитанник умер в санатории «Халила» во время каникул, еще 1 кадет – во время переезда 1-й роты во Владикавказ⁶⁵.

Что касается учебного процесса, то он не претерпел существенных изменений. В Сумах его обеспечивали преподаватели Полоцкого кадетского корпуса⁶⁶.

Отношения полочан с сумчанами складывались достаточно сложно. Л. Б. Буйневич вспоминал: «Вражда совсем необъяснимая замечалась и среди малышей Сумского корпуса»⁶⁷. В связи с этим во избежание каких-либо столкновений 3-ю роту Полоцкого кадетского корпуса выпускали только на плац 1-й роты сумских кадет и всячески старались избегать встреч полоцких воспитанников с 3-й и 4-й ротами сумчан. Благодаря этим действиям «серьезных столкновений не было, а малыши-полочане даже

умудрились подружиться со старшими сумцами и часто весело играли с ними в снежки на плацу»⁶⁸.

Впрочем, если в стенах корпуса подобная вражда присутствовала, то за его пределами, особенно во время летних каникул, она прекращалась. Между воспитанниками двух учебных заведений, а иногда еще и между местными гимназистами, устанавливалась крепкая дружба. Так, теплые отношения сложились между Л. Б. Буйневичем, братьями Ж. и В. Вишняковыми, Г. и А. Рохманиновыми и 2 учащимися из местного реального училища (кадеты называли их шпаками)⁶⁹.

В конце сентября 1914 г. 2-я рота Полоцкого кадетского корпуса (3-й и 4-й классы) в количестве 138 человек под командованием полковника П. Ф. Овсянникова была эвакуирована в Москву. Первоначально ее разместили в казармах Первого Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса (вел свою историю от Шкловского благородного училища), а затем, в 1915 г., передислоцировали в Одессу. Там рота также сохраняла организационную самостоятельность.

Рота занимала 3-й этаж здания Одесского кадетского корпуса (рис. 4). Под спальню приспособили большой парадный зал, а под классы – гимнастический зал, в котором с помощью деревянных перегородок образовали отдельные «комнаты». Уголок с гимнастическими снарядами (горка, лестницы, шесты, канаты, параллельные брусья, турник, «кобыла» и «козел») были оставлены для полочан.

Столовой рота пользовалась во вторую очередь. Для прогулок полочанам предоставили большой плац лагеря Одесского кадетского корпуса. Он примыкал к зданию учебного заведения и в то же время был отделен от него большой каменной стеной⁷⁰, чтобы избежать столкновений полочан с местными кадетами во время прогулок. Впрочем, в Одессе таких проблем не наблюдалось.

Из воспоминаний Л. Б. Буйневича следует: «Лучше всего были отношения между кадетами в Одесском корпусе. Не было никаких недоразумений, жили дружно, может быть, под влиянием того, что

⁵⁵ Буйневич Л. Б. Вчера. С. 43.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 219. Л. 7.

⁵⁸ Там же. Д. 221. Л. 17.

⁵⁹ Там же. Л. 45 об.

⁶⁰ Там же. Д. 219. Л. 10.

⁶¹ Там же. Л. 7.

⁶² Там же. Л. 29.

⁶³ Харьковский календарь на 1917 год. С. 127.

⁶⁴ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 231. Л. 3, 16.

⁶⁵ Там же. Д. 221. Л. 17 об.

⁶⁶ Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. С. 228 ; НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 221. Л. 30, 68.

⁶⁷ Буйневич Л. Б. Вчера. С. 40.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 41.

⁷⁰ Полоцкий кадетский корпус. 1834 // Музей истории российского кадетства : сайт. URL: <https://cadethistory.ru/polockiy-kadetskiy-korpus-1834> (дата обращения: 09.02.2023).

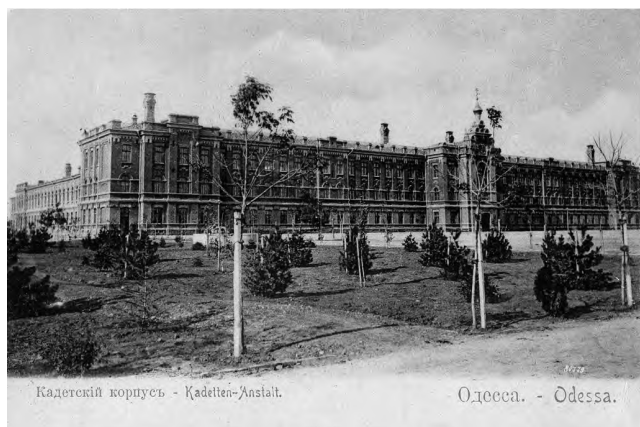

Рис. 4. Одесский кадетский корпус.
Открытка. Начало XX в.

Источник: <https://ria1914.info>

Fig. 4. Odessa Cadet Corps.
Postcard. Beginning of the 20th century.
Source: <https://ria1914.info>

Рис. 5. Князь императорской крови
Олег Константинович (Романов). Фотография. 1914.
Источник: <https://diak-kuraev.livejournal.com>

Fig. 5. Prince of the imperial blood
Oleg Konstantinovich (Romanov). Photo. 1914.
Source: <https://diak-kuraev.livejournal.com>

в 1-й роте Одесского корпуса было несколько наших полочан, переведенных из Владикавказа. Или же просто потому, что одесситы не были забияками и ценили дружелюбность полочан»⁷¹.

За организацию учебного процесса в Одессе отвечали преподаватели Полоцкого кадетского корпуса. Среди них был статский советник Ю. Ю. Рейнберг (рисование), коллежский советник Ф. Ф. Преводе Бельво (французский язык), подполковник А. Н. Снитко (гимнастика), а также преподаватели без чина Г.-Г.-К. И. Вальтер (немецкий язык), А. В. Архангельский и Кочетов (русский язык и история), Петров (физика), Орхипенко и Иванов (математика). Закон Божий преподавали дьякон Полоцкого кадетского корпуса И. М. Фролов и протоиерей Одесского кадетского корпуса С. В. Петровский⁷².

Несмотря на постоянную заботу о воспитанниках со стороны руководства, кадеты испытывали ностальгию. Л. Б. Буйневич вспоминал: «Часто можно было наблюдать, как после занятий группа полочан, сидя в тесном кругу, пела свою песню: “Не у Бога в раю – в Белорусском краю, где Двина с Полотою сливаются...” – и искренняя тоска чувствовалась в этой грустной мелодии»⁷³.

В конце сентября 1914 г. 1-я рота Полоцкого кадетского корпуса (5-й, 6-й и 7-й классы) в количестве 134 человек во главе с полковником А. Д. Шавровым была эвакуирована во Владикавказ (Терская область). К новому месту дислокации рота прибыла в начале октября. Полочане были размещены в здании Владикавказского кадетского корпуса.

После гибели на фронте корнета лейб-гвардии Гусарского полка князя императорской крови Олега Константиновича (Романова) (выпускника Полоцкого кадетского корпуса 1910 г.) 1-я рота военно-учебного заведения 25 декабря 1914 г. стала называться ротой «его высочества князя Олега Константиновича»⁷⁴ (рис. 5). Кроме того, родители погибшего, великий князь Константин Константинович (генерал-инспектор военно-учебных заведений) и его супруга великая княгиня Елизавета Маврикиевна, пожертвовали 9 тыс. руб. на учреждение в Полоцком кадетском корпусе стипендии в память о погибшем сыне⁷⁵.

Пожертвованная сумма причислялась к специальным средствам ГУВУЗ, на проценты с нее было решено содержать в Полоцком кадетском корпусе сверхштатного стипендиата, «павшего на поле брани, бывшего полочанина, в бозе почивающего князя Олега Константиновича». На стипендию могли претендовать наиболее нуждавшиеся сыновья бывших воспитанников корпуса, имевшие православное ве-

⁷¹ Буйневич Л. Б. Вчерашнее. С. 40.

⁷² НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 246. Л. 2–2 об.; Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. С. 227–228.

⁷³ Буйневич Л. Б. Вчерашнее. С. 40–41.

⁷⁴ Педагогический сборник. 1915. № 2, ч. 1. С. 47.

⁷⁵ Там же.

роисповедание. Право избрания оставалось за жертводателями, а после их смерти – за начальником ГУВУЗ⁷⁶ (к нему после смерти великого князя Константина Константиновича 2 июня 1915 г. перешла вся полнота власти по ведомству военно-учебных заведений)⁷⁷.

Вместе с кадетами во Владикавказ прибыли и офицеры – воспитатели старших классов⁷⁸. С осени 1915 г. здесь находился и директор Полоцкого кадетского корпуса генерал М. Г. Чигирь⁷⁹. После эвакуации канцелярии и архива учебного заведения в Симбирск он оставил их на попечение инспектора классов полковника И. А. Котрохова⁸⁰, а сам выехал к старшей роте. Вероятно, присутствие М. Г. Чигиря во Владикавказе было обусловлено тем, что у полочан не сложились отношения с воспитанниками местного кадетского корпуса (рис. 6). Об этом впоследствии вспоминал сын ротного командира Н. А. Шавров: «Дело происходило во Владикавказе в 1916 г. В то время воспитательно-преподавательский персонал Владикавказского корпуса повел борьбу против традиций полочан (что это были за традиции, мемуарист не уточнял. – А. Л.), которые по понятиям педагогического состава считались неподходящими ни ко времени, ни к месту, а также и к обстановке и вообще, вредными для воспитания кадет»⁸¹.

Н. А. Шавров описал инцидент, который произошел 3 марта 1916 г. с его отцом – командиром роты Полоцкого кадетского корпуса. Находясь на дежурстве, полковник А. Д. Шавров заметил кадета-владикавказца в спальне полочан. Он сделал ему замечание и получил пулю из револьвера в пах. Раненый офицер нашел в себе силы, чтобы выйти из спальни, а в коридоре встретил старшего врача (в 1915 г. эту должность занимал статский советник А. М. Мансветов⁸²), который делал вечерний обход рот. Доктор оказал потерпевшему первую медицинскую помощь и отправил его домой. Произведенный выстрел вызвал переполох среди воспитанников. Устроивший инцидент кадет Лампсаков «был арестован»⁸³.

Директору (с 15 марта 1915 г.) Владикавказского кадетского корпуса генерал-майору В. В. Троцкому-Сенютовичу⁸⁴ пришлось приложить немало усилий для того, чтобы уладить эту ситуацию, од-

Рис. 6. Владикавказский кадетский корпус.
Открытка. Начало XX в.

Источник: <https://humus.livejournal.com>

Fig. 6. Vladikavkaz Cadet Corps.
Postcard. Beginning of the 20th century.
Source: <https://humus.livejournal.com>

нако снизить градус напряженности не удалось. Более того, по воспоминаниям Н. А. Шаврова, весной 1916 г. произошло «большое столкновение между полочанами и владикавказцами», вылившееся в общую драку в столовой корпуса во время обеда. Эту драку окрестили как «битву между кабардинцами и русскими»⁸⁵. Ей предшествовали мелкие столкновения кадет в городе во время увольнения. Естественно, в этом оказались замешаны и девушки, что вызвало разные сплетни и пересуды. Поводом для драки послужило поведение одного из воспитанников Полоцкого кадетского корпуса, который во время обеда дал пощечину владикавказцу за то, что тот обидел его в городе. Н. А. Шавров вспоминал: «Во время драки в ход были пущены посуда, стаканы, тарелки, стулья, скамейки – все, что можно было метать, а затем начался рукопашный бой. С трудом дежурные воспитатели установили порядок и вывели роты из столовой»⁸⁶.

В связи с этим происшествием воспитанники 5-го и 6-го классов Полоцкого кадетского корпуса были отпущены домой раньше срока (приближался конец 1915/16 учебного года). Одновременно 7-й класс полочан был «совершенно изолирован, чтобы довести его до выпускных экзаменов»⁸⁷.

⁷⁶ Педагогический сборник. 1915. № 2, ч. 1. С. 48.

⁷⁷ Там же. № 7, ч. 1. С. 95.

⁷⁸ Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. С. 227.

⁷⁹ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 164. Л. 5 об.

⁸⁰ Там же. Д. 249. Л. 200, 204.

⁸¹ Полоцкий кадетский корпус. 1834 // Музей истории российского кадетства : сайт. URL: <https://cadethistory.ru/polockiy-kadetskiy-korpus-1834> (дата обращения: 09.02.2023).

⁸² Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. С. 228.

⁸³ Полоцкий кадетский корпус. 1834 // Музей истории российского кадетства : сайт. URL: <https://cadethistory.ru/polockiy-kadetskiy-korpus-1834> (дата обращения: 09.02.2023).

⁸⁴ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 238. Л. 6.

⁸⁵ Полоцкий кадетский корпус. 1834 // Музей истории российского кадетства : сайт. URL: <https://cadethistory.ru/polockiy-kadetskiy-korpus-1834> (дата обращения: 09.02.2023).

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

Слухи о натянутых отношениях между полочанами и владикавказцами доходили до воспитанников Полоцкого кадетского корпуса, которые находились в Сумах и Одессе. Так, о драке во Владикавказе вспоминал Л. Б. Буйневич, который учился первоначально в Сумах, а затем в Одессе⁸⁸. Он же упоминает об еще одном массовом побоище во владикавказском парке (рис. 7), которое произошло между воспитанниками двух кадетских корпусов и местными гимназистами. На этот раз полочане пришли на выручку владикавказцам, что впоследствии несколько улучшило их отношения⁸⁹.

Динамика численности Полоцкого кадетского корпуса. За годы Первой мировой войны состав воспитанников корпуса обновился примерно на треть (только в 1914 г. почти на четверть). Так, если на 1 января 1914 г. в учебном заведении состояли 417 кадет, то на 1 января 1915 г. – 411 кадет. В течение 1914 г. в корпус прибыли 92 воспитанника (83 человека поступили на обучение, 9 человек были переведены из кадетских корпусов) и убыли 98 воспитанников.

Помимо выпускных кадет (59 человек), в течение 1914 г. из Полоцкого кадетского корпуса выбыли еще 44 воспитанника по различным причинам: 1 человек за невнесение платы, 19 человек по домашним обстоятельствам, 1 человек из-за поступления в Морской корпус, 1 человек по болезни, 12 человек в результате перевода в другие кадетские корпуса. За неуспеваемость или проступки до окончания курса не было уволено ни одного кадета. В течение года умерли 5 воспитанников⁹⁰.

Обновление состава было связано прежде всего с выпусками из кадетского корпуса. Так, 74-й выпуск кадет, состоявшийся 26 мая 1914 г., насчитывал 59 человек. Из них были переведены в военные училища 48 воспитанников: в Николаевское инженерное училище 1 человек, в Павловское пехотное училище 8 чело-

Рис. 7. Владикавказ. Фонтан и лестница в Ерофеевском парке «Трек». Фотография. 1910.
Источник: <https://nailizakon.com>

Fig. 7. Vladikavkaz. Fountain and staircase in Erofeevsky park «Trek». Photo. 1910.
Source: <https://nailizakon.com>

век, в Александровское пехотное училище 12 человек, в Киевское пехотное училище 4 человека, в Михайловское артиллерийское училище 6 человек, в Сергиевское артиллерийское училище 2 человека, в Константиновское артиллерийское училище 6 человек, в Николаевское кавалерийское училище 4 человека, в Елизаветградское кавалерийское училище 5 человек. Кроме того, 10 воспитанников были выпущены с правами, предоставленными успешно окончившим курс кадетских корпусов, и 1 воспитанник был выпущен с правом, предоставленным окончившим курс шести классов⁹¹.

В течение 1915 г. изменения в личном составе корпуса стали более значимыми. Из 411 воспитанников, состоявших в корпусе на 1 января 1915 г., 277 кадет были сыновьями лиц военного звания и 134 кадета – сыновьями иных лиц. К 15 октября 1915 г. общее число кадет в военно-учебном заведении сократилось до 403 человек⁹² (см. таблицу).

Динамика численности личного состава Полоцкого кадетского корпуса в 1915 г.

Dynamics of the number of personnel of the Polotsk Cadet Corps in 1915

Категория учащихся	Численность учащихся на 1 января 1915 г.	Численность учащихся на 15 октября 1915 г.
<i>По сословиям и группам</i>		
Потомственные дворяне	192	186
Личные дворяне	127	121
Лица духовного звания	26	26
Потомственные и личные почетные граждане	6	8

⁸⁸Буйневич Л. Б. Вчерашнее. С. 39–40.

⁸⁹Там же.

⁹⁰НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 221. Л. 16–16 об.

⁹¹Там же. Л. 16.

⁹²Там же. Л. 16–17 об., 61–61 об.

Окончание таблицы
Ending of the table

Категория учащихся	Численность учащихся на 1 января 1915 г.	Численность учащихся на 15 октября 1915 г.
Купцы и мещане	55	56
Крестьяне (дети прапорщиков на казенном содержании)	2	4
Казаки, не принадлежащие к перечисленным сословиям	3	2
<i>По вероисповеданию</i>		
Православные	309	306
Католики	77	70
Лютеране	7	13
Магометане	15	12
Старообрядцы	3	2
<i>По возрасту</i>		
10–12 лет	123	115
12–16 лет	154	176
16–20 лет и старше	134	112
<i>Общее количество учащихся</i>	<i>411</i>	<i>403</i>

Примечание. Составлено по: НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 221. Л. 16–17 об., 61–61 об.

Во Владикавказе 16 мая 1915 г. состоялся 75-й выпуск кадет. По подсчетам автора, в военные училища и школы прапорщиков были переведены около 40 воспитанников Полоцкого кадетского корпуса. В частности, в Павловское военное училище был зачислен Н. С. Козорез, в Киевское артиллерийское училище – Л. Н. Александров, а также Г. В. Лузгин, в Михайловское артиллерийское училище – Г. Л. Нейберг, в 6-ю Московскую школу прапорщиков – Д. Заичко⁹³.

Через год, в мае 1916 г., во Владикавказе состоялся 76-й выпуск кадет. По подсчетам автора, в военные училища и школы прапорщиков был переведен 41 воспитанник Полоцкого кадетского корпуса. В частности, в Павловское военное училище поступили И. Гельбах, М. Заичко, М. И. Прокофьев и В. М. Талят-Келпш, в Тверское кавалерийское училище был зачислен В. Н. Мясоедов, в Елисаветградское кавалерийское училище – Г. И. Синеоков-Андриевский, в Морской корпус – А. И. Сакович, в Горийскую школу прапорщиков – Н. В. Судников⁹⁴.

Полоцкий кадетский корпус в 1917 г. Февральская революция 1917 г. в России стала неожиданным и шокирующим событием для многих служащих и воспитанников кадетских корпусов. Болезненно это событие было воспринято персоналом и Полоцкого

кадетского корпуса, представители которого были разбросаны по разным уголкам «рухнувшей» империи. Наиболее интересные свидетельства сохранились о революционных событиях в Одессе.

Воспитанник 2-й роты В. И. Ситковский вспоминал: «О происходящих политических событиях кадеты-полочане ничего не знали из-за отсутствия общения с городом»⁹⁵. Отречение императора Николая II стало шокирующей новостью для кадет⁹⁶.

Кадет Л. Б. Буйневич, переведенный в 3-й класс Полоцкого кадетского корпуса в Одессе, отмечал: «Что особенно угнетающе подействовало на наши души, это было неожиданное для нас отречение от престола нашего любимого Государя Императора. Затем вскоре повсюду стали возникать беспорядки, а война напоминала о себе и продолжалась дальше, несмотря ни на что»⁹⁷.

В начале марта 1917 г. по распоряжению директора Одесского кадетского корпуса полковника В. А. Бернацкого кадеты-одесситы и рота полочан невольно приняли участие в революционной манифестации гарнизона Одессы. Кадет долго водили по улицам Одессы, и только около 16 ч они вернулись в корпус. Учащиеся были возмущены. В. И. Ситковский вспоминал: «Придя в столовую на обед, протестуя против происходящего, обратились лицами

⁹³ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 221. Л. 35–55.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Полоцкий кадетский корпус. 1834 // Музей истории российского кадетства : сайт. URL: <https://cadethistory.ru/polockiy-kadetskiy-korpus-1834> (дата обращения: 09.02.2023).

⁹⁶ Полоцкий кадетский корпус / В. И. Ситковский. С. 100–150 ; Есаулов Г. Н. История конца Одесского кадетского корпуса. С. 90.

⁹⁷ Буйневич Л. Б. Вчерашний. С. 42.

к портретам Государя Императора и Государыни Императрицы, спели гимн “Боже, царя храни”. То же самое сделали и кадеты-одесситы»⁹⁸.

В течение марта 1917 г. Одесский кадетский корпус посещало множество делегаций. Кадет-одессит Г. Н. Есаулов вспоминал: «Настроение в ротах было воинственное, и воспитателям с трудом удавалось охлаждать наш пыл. Почти каждую неделю к нам приезжали депутаты и посланники. Встречали мы их настороженно, но проводы всегда сопровождались страшным шумом»⁹⁹. По словам Г. Н. Есаулова, во время парада, который принимал военный министр А. И. Гучков, 2 кадета 2-й роты сожгли красные фраги, которыми был украшен Одесский кадетский корпус¹⁰⁰.

В конце апреля 1917 г. в условиях начавшегося разложения армии все воспитанники Одесского кадетского корпуса и 2-й роты полочан были распущены на летние каникулы. Впрочем, не все из них смогли разъехаться по домам. В связи с нарушением транспортного сообщения между регионами многие кадеты остались в летних лагерях при своих корпусах¹⁰¹. Бывший кадет Л. Б. Буйневич вспоминал, что «начавшиеся летние каникулы был вынужден проводить в стенах корпуса вместе со многими такими же осиротевшими друзьями»¹⁰². Некоторые воспитанники даже совершали побег из учебного заведения на фронт (Л. Б. Буйневич и др.), однако, столкнувшись с реалиями войны, возвращались в корпус¹⁰³.

После Февральской революции 1917 г. в России произошло переосмысление аксиологических подходов к роли кадетских корпусов. Созданная под руководством генерала З. А. Макшеева специальная комиссия к августу 1917 г. подготовила реформу военной школы. Она была построена на широких демократических началах. В ходе реформы было решено отказаться от прежнего назначения кадетских корпусов, и с 1917/18 учебного года в эти учебные заведения был открыт доступ детям всех сословий [10, с. 22].

В августе 1917 г. кадетские корпуса были реорганизованы в гимназии военного ведомства и приобрели статус общеобразовательных учреждений. В них отменялось присвоение воинских званий и проведение строевых занятий, изымались оружие и знамена. За-

мещение всех должностей разрешалось гражданским лицам. Кроме того, были приняты меры по упрощению быта воспитанников и их самообслуживанию. В управлении реформированными учебными заведениями ведущая роль принадлежала педагогическому совету [10, с. 22].

К этому времени из Сум в Одессу были переведены учащиеся, перешедшие в 3-й класс (в их числе был Л. Б. Буйневич). Приемные экзамены в Полоцкий кадетский корпус было решено проводить в Сумах¹⁰⁴. Для создания равных условий при зачислении на казенное содержание для кандидатов были снижены требования к экзаменам, вместо конкурса была введена система баллотирования [10, с. 22].

По результатам проведенного летом 1917 г. набора 31 августа 1917 г. в Полоцкую гимназию военного ведомства были зачислены первые 17 воспитанников, из них 8 человек были приняты на казенное содержание (В. Терзич, Д. Божич, Ч. Фотич, В. Фотич, В. Кимант, А. Кузьмицкий, Н. Езавитов, Л. Гарньш), 7 человек – на штатные стипендии дворянства (А. Серпутовский от гродненского дворянства, М. Милькоманович и С. Ожаровский от виленского дворянства, В. Круковский, А. Арцышевский, П. Барановский и Н. Кошко от могилёвского дворянства), 2 человека – в качестве своекоштных (Н. Торклус, Л. Волгаев)¹⁰⁵.

По предписанию ГУВУЗ 9 октября 1917 г. в учебное заведение были зачислены еще 12 воспитанников (С. Кантакузин, В. Турянский, К. Думитрашко, В. Сущенко, Ю. Романский, Ф. Николенко, Н. Храповицкий, В. Добровольский, А. Стахурский, Б. Тирнштейн, Г. Генкин, Г. Дымов), однако не указывалось, на каком содержании они находились¹⁰⁶.

Перед началом 1917/18 учебного года положение полочан резко ухудшилось, поскольку здание Одесского кадетского корпуса перешло в распоряжение фронтового командования. Летом 1917 г. администрация учебного заведения и кадеты, оставшиеся на лето в Одессе, были переведены в Ростов-на-Дону¹⁰⁷.

Отъезд кадет из Одессы 28 июня 1917 г. описал Г. Н. Есаулов. По его словам, воспитанники строем добирались до железнодорожного вокзала¹⁰⁸ (рис. 8). Еще один бывший кадет вспоминал: «После коротких, но очень спешных сборов корпус с неполным составом преподавателей и воспитателей был по-

⁹⁸ Полоцкий кадетский корпус. 1834 // Музей истории российского кадетства : сайт. URL: <https://cadethistory.ru/polockiy-kadetskiy-korpus-1834> (дата обращения: 09.02.2023).

⁹⁹ Есаулов Г. Н. История конца Одесского кадетского корпуса. С. 91.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917–1920 годов. С. 57.

¹⁰² Буйневич Л. Б. Вчера. С. 42.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 252. Л. 72.

¹⁰⁵ Там же. Д. 239. Л. 20 об.

¹⁰⁶ Там же. Д. 252. Л. 142 об.

¹⁰⁷ Есаулов Г. Н. История конца Одесского кадетского корпуса. С. 91 ; Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917–1920 годов. С. 57.

¹⁰⁸ Есаулов Г. Н. История конца Одесского кадетского корпуса. С. 91–92.

гружен в несколько эшелонов из вагонов третьего класса и отправился в путь»¹⁰⁹. Однако в 22 верстах от Одессы состав с кадетским корпусом поставили на запасной путь, где он простоял целый день. В итоге путешествие продолжалось неделю: «Из-за разрухи транспорта по случаю “самодемобилизации” на фронте корпусные эшелоны двигались очень медленно и прибыли в Ростов-на-Дону только через неделю»¹¹⁰. Г. Н. Есаулов отмечал: «Начальство не торопилось, и эшелон двигался медленно»¹¹¹.

В Ростове-на-Дону для 2-й роты полочан была отведена одна из казарм Таганрогского пехотного полка (так называемые Петровские казармы конца XVIII – начала XIX в.). Это было «грязное и запущенное» помещение, оставленное «разошедшимися по домам солдатами маршевых батальонов», поэтому после прибытия на место полочане потратили «на чистку и мойку этих помещений» несколько дней, после чего кадеты приступили «к весьма нерегулярным занятиям»¹¹².

В связи с передислокацией 2-й роты полочан 13 августа 1917 г. председатель родительского комитета Одесского кадетского корпуса поручик Поповский разослал родителям кадет известие о переводе учебного заведения. Он также предложил воспользоваться услугами комитета для отправки находившихся в отпуске воспитанников на новое место¹¹³.

В связи с эвакуацией полочан в Ростов-на-Дону генерал-майор (со 2 апреля 1917 г.) И. А. Котрохов, который в Симбирске вел делопроизводство Полоцкого кадетского корпуса, попросил директора Одесской гимназии военного ведомства сообщить родителям о времени начала учебного года, а также выслать им новые льготные свидетельства на проезд по железным дорогам¹¹⁴.

Занятия в Ростове-на-Дону предполагалось начать с 1 сентября 1917 г.¹¹⁵ Однако 30 августа директор Одесской гимназии военного ведомства В. А. Бернацкий сообщил И. А. Котрохову, что всем полочанам, находящимся в отпусках, отправлена телеграмма, в которой указано, что о времени возвращения в гимназию будет сообщено позднее, после устройства помещений¹¹⁶.

Обустройство учебного заведения в Ростове-на-Дону затянулось. В сентябре 1917 г. В. А. Бернацкий снова сообщил о переносе начала учебного года:

Рис. 8. Вокзал Ростова-на-Дону в ожидании поезда.
Открытка. Начало XX в.

Источник: <https://www.vitber.com>

Fig. 8. Rostov-on-Don station waiting for the train.

Postcard. Beginning of the 20th century.

Source: <https://www.vitber.com>

«...занятия в гимназии начнутся не ранее половины предстоящего октября месяца. О точном сроке, когда следует прибыть, воспитанникам будет сообщено дополнительно»¹¹⁷. В результате в Ростове-на-Дону собралось незначительное количество воспитанников из двух учебных заведений. Занятия были нерегулярными. Питание ухудшилось: «...хотя область Войска Донского продовольственных затруднений еще не знала, но из-за несвоевременного получения кредитов питание кадет значительно изменилось по сравнению с обычным. Недоедания еще не было, но привычное второе, мясное, и третье, сладкое, блюда из кадетского меню исчезли, а давались борщ и каша, но в достаточных количествах»¹¹⁸.

В конце сентября 1917 г. Одесская гимназия военного ведомства вместе с полочанами неожиданно была переведена в Новочеркасск. Г. Н. Есаулов вспоминал: «Когда в Ростове стало беспокойно, нас перевезли в Новочеркасск, там тогда еще было мирно»¹¹⁹.

Воспитанников двух гимназий военного ведомства разместили в помещениях Новочеркасской гимназии военного ведомства (до марта 1917 г. Донской императора Александра III кадетский корпус) (рис. 9). Питались они в столовой этого учебного заведения. Г. Н. Есаулов вспоминал: «Приехав поездом в Новочеркасск, мы встретили там много молодежи:

¹⁰⁹ Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917–1920 годов. С. 57.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Есаулов Г. Н. История конца Одесского кадетского корпуса. С. 92.

¹¹² Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917–1920 годов. С. 57.

¹¹³ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 164. Л. 21–22.

¹¹⁴ Там же. Л. 26.

¹¹⁵ Там же. Л. 19.

¹¹⁶ Там же. Л. 24.

¹¹⁷ Там же. Л. 27.

¹¹⁸ Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917–1920 годов. С. 57.

¹¹⁹ Есаулов Г. Н. История конца Одесского кадетского корпуса. С. 92.

офицеров, юнкеров, кадет, гимназистов и студентов, бежавших из северной части России»¹²⁰. При этом дончане встретили одесситов и полочан «очень радушно»¹²¹.

По воспоминаниям одного из кадет-одесситов, налаженные с трудом занятия в Ростове-на-Дону не возобновились в Новочеркасске и воспитанники «были предоставлены сами себе и ничего не делали»¹²².

Тем временем положение на фронтах и в области Войска Донского все время ухудшалось. Приказом атамана Войска Донского генерала от кавалерии А. М. Каледина в октябре 1917 г. Одесская гимназия военного ведомства была расформирована, так как не было возможности содержать учебные заведения. Воспитанникам рекомендовали возвращаться домой, а тех, у кого такой возможности не было, оставили на попечении правительства области Войска Донского¹²³. Г. Н. Есаулов вспоминал: «Наше начальство не хотело брать на себя ответственности за нашу судьбу и решило распустить корпус, а самим вернуться в Одессу»¹²⁴.

В этих условиях воспитанники гимназий военного ведомства Одессы и Полоцка небольшими группами отправились в Одессу. К середине ноября 1917 г. кадеты «с большими трудностями и опасностями» добрались до города, где были размещены в школьном здании¹²⁵.

Во Владикавказе 25 мая 1917 г. состоялся 77-й выпуск старшей роты полочан. Известно, что были переведены в училища 23 воспитанника из 24: в Александровское военное училище 3 человека (В. Макаренко, П. Мартынов, Б. Тыщевский), в Алексеевское военное училище 2 человека (Н. Гулевич, Д. Шавров), в Киевское военное училище 1 человек (Г. Демяков), в Павловское военное училище 4 человека (А. Башков, Г. Василевич-Вырвич, Н. Суетин, В. Овсянников), в Константиновское артиллерийское училище 3 человека (В. Жеромский, Б. Суетин, В. Афендульев), в Михайловское артиллерийское училище 3 человека

Рис. 9. Новочеркасск. Донской императора Александра III кадетский корпус.
Открытка. Начало XX в.
Источник: <https://upload.wikimedia.org>
Fig. 9. Novocherkassk. Don emperor Alexander III Cadet Corps.
Postcard. Beginning of the 20th century.
Source: <https://upload.wikimedia.org>

(А. Урбанович, С. Нейберг, Е. Шильдер), в Николаевское артиллерийское училище (открыто в 1915 г. в Киеве) 1 человек (П. Нестеров), в Николаевское инженерное училище 1 человек (А. Халилеев), в Елизаветградское кавалерийское училище 4 человека (М. Хмелевский, П. Василевский, В. Степанов, Н. Корчагин), в Николаевское кавалерийское училище 1 человек (Л. Кравков). При этом Н. Вырубов после окончания курса был уволен на попечение родителей¹²⁶.

Таковым было положение Полоцкой гимназии военного ведомства к моменту Октябрьской революции 1917 г. Придя к власти, большевики отказались от реформы военно-учебных заведений и приняли решение об упразднении гимназий военного ведомства. Процедура растянулась на несколько месяцев. Официально эти учебные заведения были упразднены 1 (14) июля 1918 г. При этом на территориях, вышедших из-под контроля советской власти, наблюдалось возрождение кадетских корпусов, воспитанники которых на несколько лет стали кадровым резервом Белого движения.

Заключение

Несмотря на эвакуацию в сентябре 1914 г. воспитанников Полоцкого кадетского корпуса, руководство военно-учебного заведения сохраняло надежду на их скорое возвращение. В течение года директор корпуса заботился о состоянии строений заведения. Вопреки неудачам на фронте, вопрос о полном изъ-

тии помещений Полоцкого кадетского корпуса военные власти не ставили. И только в сентябре 1915 г., когда возникла угроза прорыва российско-германского фронта в районе Свенця, последние служащие корпуса с канцелярией и архивом были отправлены в Симбирск. Во время вынужденной эвакуации

¹²⁰Есаулов Г. Н. История конца Одесского кадетского корпуса. С. 92.

¹²¹Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917–1920 годов. С. 57.

¹²²Там же. С. 58.

¹²³Там же.

¹²⁴Есаулов Г. Н. История конца Одесского кадетского корпуса. С. 92.

¹²⁵Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917–1920 годов. С. 58, 59, 73.

¹²⁶НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 251. Д. 29–29 об.

и дислокации в четырех городах Полоцкий кадетский корпус по-прежнему функционировал как единое военно-учебное заведение.

Наиболее сложным период эвакуации оказался для 3-й (младшей) роты полочан, которая была прикомандирована к Сумскому кадетскому корпусу. В условиях стресса, вызванного началом войны, эвакуацией и адаптацией на новом месте пребывания, воспитанники младшего возраста оказались подвержены массовым заболеваниям, что привело к смерти нескольких кадет и отрицательно повлияло на морально-психологическое состояние других учащихся. Более удачно прошла адаптация воспитанников 2-й роты, которая была прикомандирована к Одесскому кадетскому корпусу, и 1-й роты, которая размещалась в здании Владикавказского кадетского корпуса. При этом и в Сумах, и во Владикавказе между учащимися Полоцкого кадетского корпуса и воспитанниками местных корпусов установились натянутые отношения, что было обусловлено смешанным этническим составом учащихся, а также их разными традициями, менталитетом и воспитанием. Такое положение приводило не только к мелким ссорам, но и к более серьезным инцидентам (массовые драки, применение оружия). Руководство принимающих кадетских корпусов старалось по возможности изолировать полочан от своих воспитанников.

К концу 1917 г. Полоцкий кадетский корпус, реорганизованный в гимназию военного ведомства,

продолжал свою деятельность в четырех городах. В Сумах находилась 3-я рота, здесь же производился прием воспитанников в учебное заведение по новым демократическим правилам. Летом 1917 г. 2-я рота полочан из-за угрозы захвата Одессы германскими войсками вместе с воспитанниками принимающей гимназии военного ведомства была эвакуирована в Ростов-на-Дону, а затем в Новочеркасск. Из-за отсутствия приемлемых условий для проживания воспитанников и организации учебного процесса решением атамана Войска Донского в октябре 1917 г. Одесская гимназия военного ведомства была упразднена. В ноябре 1917 г. полочане вернулись в Одессу. При этом 1-я рота полочан по-прежнему находилась во Владикавказе, где в мае 1917 г. состоялся очередной выпуск кадет. Канцелярия и архив Полоцкого кадетского корпуса с октября 1915 г. вместе с инспектором классов И. А. Котроховым находились в Симбирске.

На дальнейшую судьбу Полоцкого кадетского корпуса повлиял приход к власти большевиков. Советское правительство приняло решение о ликвидации гимназий военного ведомства. Большинство из них официально прекратили свое существование, однако на практике ликвидация того или иного учебного заведения зависела от места его дислокации. Гимназии военного ведомства были упразднены только в зоне контроля большевиков и начали возрождаться на неподконтрольных им территориях.

Библиографические ссылки

1. Волков СВ. *Русский офицерский корпус*. Москва: Воениздат; 1993. 368 с.
2. Гурковский ВА. *Кадетские корпуса Российской империи. Том 1*. Москва: Белый берег; 2005. 263 с.
3. Гурковский ВА. *Кадетские корпуса Российской империи. Том 2*. Москва: Белый берег; 2005. 367 с.
4. Барадачев А, Цыбулькин В, Рожен Л. *Кадетские корпуса XIX – нач. XX вв.: украинское измерение*. Киев: Преса України; 2012. 272 с.
5. Хубулова СА. «Все пути, связывающие Закавказье с северным Кавказом, ведут через Владикавказ...» Из истории Владикавказского кадетского корпуса. *Военно-исторический журнал*. 2013;5:39–43.
6. Самович АЛ. *Военная школа России в 1914–1920 гг.: кадетские корпуса*. Москва: Спутник+; 2002. 50 с.
7. Шайкоў В, Лукашэвіч А. Полацкі кадэцкі корпус і яго выхаванцы. *Беларускі гістарычны часопіс*. 1999;4:45–51.
8. Захаркина ГИ, Лукьяненко ВГ, Соловьёв АА. Путь от коллегиума до университета. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия F: Строительство. Прикладные науки*. 2012;16:2–7.
9. Поляков СИ. *Полоцкий кадетский корпус. История в лицах*. Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь; 2010. 71 с.
10. Лукашевич АМ. Реформа средних военно-учебных заведений в России и ее судьба (1917–1918). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;4:6–22.

References

1. Volkov SV. *Russkii oftiserskii korpus* [Russian officer corps]. Moscow: Voenizdat; 1993. 368 p. Russian.
2. Gurkovskii VA. *Kadetskie korpusa Rossiiskoi imperii. Tom 1* [Cadet corps of the Russian Empire. Volume 1]. Moscow: Belyi bereg; 2005. 263 p. Russian.
3. Gurkovskii VA. *Kadetskie korpusa Rossiiskoi imperii. Tom 2* [Cadet corps of the Russian Empire. Volume 2]. Moscow: Belyi bereg; 2005. 367 p. Russian.
4. Baradachev A, Tsybul'kin V, Rozhen L. *Kadetskie korpusa XIX – nach. XX vv.: ukrainskoe izmerenie* [Cadet corps XIX – early XX century: Ukrainian dimension]. Kyiv: Presa Ukrainy; 2012. 272 p. Russian.
5. Hubulova SA. «All the roads that connect the Transcaucasia with the North Caucasus lead through the city of Vladikavkaz...» From the history of the Vladikavkaz Cadet Corps. *Voенno-istoricheskii zhurnal*. 2013;5:39–43. Russian.

6. Samovich AL. *Voennaya shkola Rossii v 1914–1920 gg.: kadetskie korpusa* [The military school of Russia in 1914–1920: cadet corps]. Moscow: Sputnik+; 2002. 50 p. Russian.
7. Shajkow V, Lukashjevich A. [Polotsk cadet corps and its pupils]. *Belaruski gistarychny chasopis*. 1999;4:45–51. Belarusian.
8. Zaharkina GI, Lukjanenko VG, Solovyov AA. The way from collegium to university. *Bulletin of Polotsk State University. Series F: Construction. Applied Science*. 2012;16:2–7. Russian.
9. Polyakov SI. *Polotskii kadetskii korpus. Istoriya v litsakh* [Polotsk Cadet Corps. History in faces]. Polack: Spaso-Evfrosinieviskii zhenskii monastyr'; 2010. 71 p. Russian.
10. Lukashevich AM. Reform of secondary military educational institutions in Russia and its fate (1917–1918). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;4:6–22. Russian.

Получена 28.01.2024 / исправлена 20.03.2024 / принята 20.03.2024.
Received 28.01.2024 / revised 20.03.2024 / accepted 20.03.2024.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(497.2+470+571)

БОЛГАРИЯ И РОССИЯ НАЧАЛА XX в.: ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. С. ДЕРЖАВИНА С БОЛГАРСКИМИ УЧЕНЫМИ

Э. Г. ВАРТАНЬЯН¹⁾

¹⁾Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Россия

Аннотация. Приводятся некоторые сюжеты из эпистолярного наследия российского ученого-слависта Н. С. Державина, в частности выдержки из его переписки с известными болгарскими учеными И. Д. Шишмановым и В. Н. Златарским. Сквозь призму писем ученого показывается общественно-политическая ситуация в России и Болгарии в начале XX в. Рассматривается реакция Н. С. Державина на события в Софийском университете в 1907 г., а также его отклик на такие события, как Октябрьская революция в России, Балканские войны и Первая мировая война. Описывается разносторонняя административная, педагогическая и научно-исследовательская деятельность Н. С. Державина. Методологической основой работы выступают научные принципы историзма и объективности. Применяются историко-генетический, историко-хронологический и нарративный методы исследования. Использование в статье цивилизационного подхода обусловлено необходимостью изучения событий прошлого в человеческом измерении, значимостью человека в развитии цивилизации. Делается вывод о том, что Н. С. Державин являлся противоречивой личностью, однако обладал несомненным талантом и внес большой вклад в развитие отечественной славистики.

Ключевые слова: Н. С. Державин; Болгария; Россия; ученые; переписка; университет; Болгарская академия наук; славяноведение.

Образец цитирования:

Вартаньян ЭГ. Болгария и Россия начала XX в.: из переписки Н. С. Державина с болгарскими учеными. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;2:33–40.
EDN: QFCJHD

For citation:

Vartanyan EG. Bulgaria and Russia of the early 20th century: from the correspondence of N. S. Derzhavin with Bulgarian scientists. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;2:33–40. Russian.
EDN: QFCJHD

Автор:

Эгнара Гайковна Вартаньян – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений факультета истории, социологии и международных отношений.

Author:

Egnara G. Vartanyan, doctor of science (history), full professor; professor at the department of world history and international relations, faculty of history, sociology and international relations.
vartaneg@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5030-8941>

БАЛГАРЫЯ І РАСІЯ ПАЧАТКУ ХХ ст.: З ПЕРАПІСКІ М. С. ДЗЯРЖАВІНА З БАЛГАРСКИМИ ВУЧОНЫМИ

Э. Г. ВАРТАНЬЯН^{1*}

^{1*}Кубанскі дзяржаўны ўніверсітэт,
вул. Стаўрапольская, 149, 350040, г. Краснадар, Расія

Анотацыя. Прыводзяцца некаторыя сюжэты з эпістальнай спадчыны расійскага вучонага-славіста М. С. Дзяржавіна, у прыватнасці вытрымкі з яго перапіскі з вядомымі балгарскімі навукоўцамі І. Д. Шышманавым і В. Н. Златарскім. Скрозь прызму лістоў вучонага паказваецца грамадска-палітычная сітуацыя ў Расіі і Балгарыі ў пачатку ХХ ст. Разглядаецца рэакцыя М. С. Дзяржавіна на падзеі ў Сафійскім універсітэце ў 1907 г., а таксама яго водгук на такія падзеі, як Кастрычніцкая рэвалюцыя ў Расіі, Балканскія войны і Першая сусветная вайна. Апісваецца рознабаковая адміністрацыйная, педагогічная і навукова-даследчая дзейнасць М. С. Дзяржавіна. Метадалагічнай асновай працы выступаюць навуковыя прынцыпы гістарызму і аб'ектыўнасці. Прымяняюцца гісторыка-генетычны, гісторыка-храналагічны і наратыўны метады даследавання. Выкарыстанне ў артыкуле цывілізацыйнага падыходу абумоўлена неабходнасцю вывучэння падзей мінулага ў чалавечым вымярэнні, значнасцю чалавека ў развіцці цывілізацыі. Робіцца выснова аб тым, што М. С. Дзяржавін з'яўляўся супярэчлівай асобай, аднак валодаў несумненным талентам і ўнёс вялікі ўклад у развіццё айчынай славістыкі.

Ключавыя словы: М. С. Дзяржавін; Балгарыя; Расія; навукоўцы; перапіска; універсітэт; Балгарская акадэмія навук; славяназнаўства.

BULGARIA AND RUSSIA OF THE EARLY 20th CENTURY: FROM THE CORRESPONDENCE OF N. S. DERZHAVIN WITH BULGARIAN SCIENTISTS

E. G. VARTANYAN^a

^aKuban State University, 149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar 350040, Russia

Abstract. Some plots from the epistolary heritage of the Russian scientist-slavist N. S. Derzhavin are given, in particular excerpts from his correspondence with famous Bulgarian scientists I. D. Shishmanov and V. N. Zlatarski. Through the prism of the scientist's letters, the socio-political situation in Russia and Bulgaria at the beginning of the 20th century is shown. The article examines N. S. Derzhavin's reaction to the events at Sofia University in 1907, as well as his response to events such as the October Revolution in Russia, the Balkan Wars and the World War I. The versatile administrative, pedagogical and research activities of the scientist are described. The methodological basis of the work is the scientific principles of historicism and objectivity. Historical-genetic, historical-chronological and narrative research methods are used. The use of the civilizational approach in the article is due to the need to study the events of the past in the human dimension, the importance of man in the development of civilisation. It is concluded that N. S. Derzhavin was an ambiguous personality, however, he possessed undoubted talent and made a great contribution to the development of Russian Slavic studies.

Keywords: N. S. Derzhavin; Bulgaria; Russia; scientists; correspondence; university; Bulgarian Academy of Sciences; Slavonic studies.

Введение

Сотрудничество российских и болгарских ученых является одной из форм взаимодействия русской и болгарской культур и свидетельствует об историко-культурной близости двух славянских народов. Особый интерес представляют личные связи научных деятелей, раскрывающие разные грани их таланта и демонстрирующие их душевные качества. Данную сторону жизни ученых можно проследить через изучение их эпистолярного наследия. Цель настоящей статьи – рассмотреть общественно-политическую ситуацию в Болгарии и России в начале ХХ в. сквозь призму писем известного российского ученого-сلاви-

ста Николая Севастьяновича Державина (1877–1953), адресованных болгарским ученым Ивану Дмитрову Шишманову и Василию Николу Златарскому. В работе предпринимается попытка продемонстрировать отдельные грани таланта ученого, проанализировать характер его административной, педагогической и научно-исследовательской деятельности, а также отразить его гражданскую позицию по отношению к событиям в Болгарии и России в начале ХХ в.

Актуальность темы очевидна, поскольку развитие науки и культуры содействует общественному прогрессу и международному сотрудничеству.

Научных публикаций, посвященных деятельности Н. С. Державина, не очень много, поэтому для достижения поставленной цели автор обращается к субъективному виду источников – эпистолярному наследию ученого. Письма являются документом эпохи и позволяют проанализировать творческий путь той или иной личности, исследовать ее устремления и жизненную позицию. Данная статья подготовлена на основе анализа переписки Н. С. Державина с болгарскими учеными, представленной в сборнике документов «Българо-руски научни връзки XIX–XX век: писма и документи» [1]. Сами письма хранятся в научном архиве Болгарской академии наук (БАН) в личных фондах И. Д. Шишманова и В. Н. Златарского.

Методологической основой исследования являются научные принципы историзма и объективности, которые дают возможность изучить исторические факты с учетом степени их достоверности,

что особенно важно, когда в научный оборот вводятся источники личного происхождения. Применение историко-генетического, историко-хронологического и нарративного методов исследования позволило воспроизвести ход развития событий в России и Болгарии в начале XX в. и отразить их восприятие представителями науки. Использование в статье цивилизационного подхода обусловлено необходимостью изучения событий прошлого в человеческом измерении, значимостью человека в развитии цивилизации.

Н. С. Державин известен как российский ученый-славист, почетный член БАН, специалист по этнографии болгарских колонистов юга России. В статье рассмотрены некоторые сюжеты из его эпистолярного наследия [2]. Во избежание субъективных оценок автор статьи приводит выдержки из писем ученого с собственными комментариями.

Основная часть

Письма Н. С. Державина, отражающие события в Софийском университете в 1907 г. В Софии 3 января 1907 г. состоялось открытие Народного театра имени Ивана Вазова. На важное событие были приглашены представители столичной элиты. Присутствовал и князь Болгарии Фердинанд I. Перед началом представления находившиеся в зале студенты Софийского университета освистали князя. К ним были применены полицейские меры. Профессура университета выступила с протестом против репрессий в отношении студенческой молодежи. В ответ на это действие специальным указом князя Фердинанда I университет был закрыт на шесть месяцев, многие известные профессора были уволены, а вместо них были приглашены иностранные преподаватели. Среди зарубежных специалистов был и Н. С. Державин, но он отказался от предложения болгарского университета. По этому поводу в 1907 г. ученый пишет И. Д. Шишманову¹ следующее: «Не знаю, известно ли Вам, что сегодня я получил через нашего общего с Вами знакомого, моего приятеля М. В. Юркевича², предложение сообщить, не согласился ли бы я приехать в Софию для занятия кафедры славяноведения (!) в Софийском университете. Можете себе представить, какое должно было произвести на меня, тесно связанного своими научными трудами с Болгарией, впечатление это предложение. Будьте добры, уважаемый Иван Дмитриевич, не откажите поставить меня в известность, в чем дело. Как формируется новый штат профессоров, на развалинах ли старой коллегии профессоров, искренне мною уважаемых гг. Златарского, Цонева,

Милетича, Георгова и т. д., которых хотят заменить новыми, или же нет? Я слишком дорожу своим добрым именем, особенно в своих отношениях к Болгарии, с которой связан на всю жизнь, и буду поэтому с нетерпением ждать от Вас ответа»³. После слов «кафедры славяноведения» ученый поставил восклицательный знак. Выбор такого знака препинания он объясняет следующим образом: «Что значит славяноведение? Это слишком широкая область!» [1, с. 71]. Известно, что славяноведение объединяет множество научных дисциплин: историю, филологию, языковедение, фольклор, этнографию, экономику, культуру, религию и т. д. Ученый был удивлен некомпетентностью правительственных чиновников, предлагающих ему возглавить кафедру славяноведения.

События, связанные с закрытием Софийского университета, отстранением известных специалистов от преподавания, вызвали возмущение как болгарской, так и мировой общественности. В письме И. Д. Шишманову от 22 июня 1907 г. Н. С. Державин высказал свое мнение по этому поводу: «Хотя и до получения от Вас письма я писал г. Юркевичу, что без гг. Шишманова, Милетича, Цонева, Златарского и др[угих] бывших профессоров Софийский университет (филологический факультет) не может существовать, и следовательно, и заменить их никем невозможно, тем не менее Ваше письмо подробнее выяснило мне вопрос, с которым мы были знакомы только по слухам. В последнее время и в получаемом мною “Пряпорец” (название болгарской газеты. – Э. В.) почти в каждом номере печатаются статьи, посвященные университетскому вопросу, так что

¹И. Д. Шишманов – болгарский ученый-этнограф, литературовед и государственный деятель.

²М. В. Юркевич – известный в дореволюционной России журналист, писатель и переводчик. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он поселился в Болгарии и работал корреспондентом в ряде русских газет на Балканском полуострове.

³Науч. арх. БАН. Ф. 11. Оп. 3. Ед. хр. 451. Л. 18–22.

в настоящий момент в этом вопросе для меня ничего не осталось неясным» [1, с. 67]. Далее он продолжает: «Положение вещей действительно возмутительное; трудно найти слова, чтобы выразить негодование по поводу такого неделикатного отношения ко всем профессорам, т. е. ко всей ученой корпорации, или, проще говоря, к отечественной науке, которая подготовила современную культуру Болгарии и создала если не прямо, то косвенным путем ее престиж политический. <...> Поступком болгарского правительства по отношению к университету и профессорской корпорации оскорблен весь ученый мир Европы, где эта корпорация пользуется вполне заслуженным, почетным уважением»⁴. В письме Н. С. Державина дана предельно ясная оценка ситуации: «Высокая заслуга бывшей вашей профессорской коллегии заключалась не только в том, что она камень за камень собственными руками с большим трудом создавала высшее научное и учебное учреждение, пока единственное в крае, но и сумела это учреждение связать прочными связями с подобными же учреждениями в Европе. Возмутителен даже не самый факт, который, конечно, будет исчерпан с началом же нового учебного года, но поразительна возможность подобного факта в культурной стране, характеризующая, вообще насколько у вас вершители народных судеб ценят отечественное просвещение и уважают его скромных тружеников. <...> До сих пор болгарская наука и Софийский университет были тесно и неразрывно связаны друг с другом, теперь же болгарская наука в наших глазах ничего общего не имеет с болгарским университетом, или, вернее, болгарский университет в настоящее время не имеет ничего общего ни с болгарской, ни с европейской наукой! Остается только пожелать, чтобы неосторожный шаг руководителей болгарской политики был исправлен по возможности скорее» [1, с. 68]. Н. С. Державин открыто демонстрирует свои демократические взгляды, возмущается позицией болгарского правительства и выражает поддержку передовой профессуре Софийского университета, не согласившейся с репрессиями в отношении студентов и закрытием учреждения.

В следующем письме И. Д. Шишманову, от 3 августа 1907 г., Н. С. Державин отмечает: «В настоящий момент я тщательно слежу за каждым шагом развития у вас университетского вопроса и с нетерпением жду того скандала, каким разразится в конце концов затея ваших “спасителей отечества”. Просмотренные мной сегодня болгарские газеты говорят о предпринятых вашей молодой академией наук (Книжовно дружество) мерах к улаживанию конфликта, но каковы результаты этого общественного давления, пока мне остается неизвестным» [1, с. 69].

Н. С. Державин не только критически отзывался о болгарских властях в связи с их политикой в области науки и культуры, но и с большой долей иронии говорит о царском правительстве. Ученый определенное время работал преподавателем гимназии в Тифлисе. Описывая красоту кавказской природы в одном из своих писем, он подчеркивает: «Мы в культурном отношении стоим не особенно высоко, потому что мы культивируем в нашем народе винные лавки, пулеметы и казацкие нагайки» [1, с. 11].

Позиция Н. С. Державина по поводу Октябрьской революции в России 1917 г., Балканских войн и Первой мировой войны. Правительственная реакция на поражение революции 1905–1907 гг. в России описана Н. С. Державиным в его письме И. Д. Шишманову от 10 марта 1908 г.: «Повсюду у нас чувствуется необычайный застой, а если движение, то только назад. То же делается и в области научной и педагогической. Министерство народного просвещения не отстает от своих товарищей и бьет отбой по всему фронту, разрушая наладившийся было порядок как в высшей, так и в средней школе. Университеты наши почти все разгромлены, наука загнана на задворки, и оживления в этой области не чувствуется никакого» [1, с. 73].

В своем докладе в БАН Н. С. Державин с болью пишет о тяжелом положении болгарских колонистов на юге России, в частности об отношении российской администрации к ним: «Отношение к болгарской народности со стороны местной администрации крайне небрежное, невнимательное, высокомерное: болгарского колониста третируют все, как пария, как райю, и он в самом себе, к сожалению, не находит достаточных культурных сил для того, чтобы дать достойный отпор тому моральному гнету, который лежит на народности. В результате – культурная отсталость и физическое вымирание, туберкулез в наших болгарских селах уносит в могилу целые фамилии и кварталы» [1, с. 77]. Такая позиция свидетельствует о том, что ученый пытался отстаивать права нерусских народов на развитие культуры и образования.

События накануне Балканских войн и связанные с этим сложности сотрудничества ученых в частности и славянского взаимодействия в целом также нашли отражение в письмах Н. С. Державина. В письме известному ученому В. Н. Златарскому⁵ от 14 мая 1911 г. он подчеркивает, что в ближайшее время на полуострове могут разразиться серьезные события: «...вы сейчас переживаете очень тревожные события... Дай бог, чтобы грозные тучи рассеялись и жизнь, общественная и политическая, вошла в нормальную колею. <...> Вы не можете себе представить,

⁴Науч. арх. БАН. Ф. 11. Оп. 3. Ед. хр. 451. Л. 5–8.

⁵В. Н. Златарский – болгарский ученый-медиевист, археолог, декан, а затем ректор Софийского университета, автор трехтомного труда «История Болгарского государства в Средние века».

как я сейчас волнуюсь при мысли о возможности у вас столкновения с Турцией! Слишком много у вас накопилось горячего материала, слишком взвинчены у всех нервы» [1, с. 86]. Как истинный ученый, он отмечает: «Невзирая на тревожное у вас настроение... наука автономна и живет своею жизнью, которая не терпит ни остановки, ни перерывов» [1, с. 86]. В следующем письме В. Н. Златарскому, от 17 сентября 1912 г., Н. С. Державин предрекает начало войны: «Ваши события повергают нас в горе и уныние! Наши сердца вместе с вами! К сожалению, на этот раз вряд ли удастся уладить конфликт, мы чувствуем неминуемость войны. Мне лично положение рисуется настолько безвыходным, что я серьезно задумываюсь над вопросом, в какой форме выльется наше участие, чем мы, интеллигенция, поможем вам, и уже наметаю ряд лекций и сбор пожертвований. Настроение у русского общества сейчас угнетенное, подавленное... ваша война, как борьба за свободу с турецким абсолютизмом, вызовет у нас, несомненно, взрыв энтузиазма» [1, с. 95].

В связи с тревожными событиями на Балканах ученый обеспокоен возможным срывом готовившегося в 1912 г. славянского съезда. Он пишет В. Н. Златарскому: «...поляки в нем (в съезде. – Э. В.) не принимают участия, и это понятно: они настойчиво проводят свою политику абсентеизма по отношению к России, к интеллигентной России, дикую политику, недоступную пониманию моего тупоумия; но чехи, всегда решительные, доблестные, энергичные и смелые, отказались от участия бог знает по каким соображениям; очевидно, боязнь Австрии; но наше правительство, кажется, принимало всегда и сейчас приняло уже достаточно мер, чтобы в этом отношении Австрия могла не беспокоиться: не так давно русское правительство отказало в... своем содействии болгарским экскурсантам проехать по льготному тарифу по России; только что оно отказало в том же сербским студентам, которые собирались навестить Петербург и Москву и дать здесь концерты сербских народных песен. Таким образом, накануне съезда может оказаться, что ввиду осложнившихся событий съезд признается несвоевременным. Я глубоко убежден в том, что при настоящем бесправном внутреннем положении России, при ее двусмысленной внешней политике славянство должно оставить Россию, к сожалению, в стороне; идея славянского возрождения не может иметь места в России, и центром ее надо избрать другой пункт, и самым лучшим пунктом я считаю Софию» [1, с. 92–93]. Известно, что славянские съезды были распространенным явлением в общественно-политическом движении XIX–XX вв., они популяризировали идеи романтизма и славянской взаимности.

С прискорбием Н. С. Державин пишет о начавшихся Балканских войнах, выражая глубокое соболезнование по поводу понесенных Болгарией утрат «тысяч братьев». В письме В. Н. Златарскому от 25 марта 1913 г. он сообщает: «С биением сердца мы следим за всем, что у вас делается, горим негодованием при виде возмутительного насилия Европы и, в частности, разбойничьего нападения Румынии... А у нас в это время идет беспросветная реакция, наглое попрание элементарнейших основ общественной свободной жизни. Словом, дальше идти некуда! Это обстоятельство заставляет прогрессивную часть русской мыслящей интеллигенции быть весьма сдержанной в проявлении своих славянских симпатий. Шумные славянские манифестации на улицах Петербурга – дело правых организаций, но они интересны не как показатель славянских чувств, а как показатель существования у нас известной взвинченной атмосферы и политической зрелости самых косных элементов нашего общества... Теперь мы с нетерпением ждем конца войны и начала новой жизни» [1, с. 96].

Реакцию Н. С. Державина на начало Первой мировой войны можно увидеть в его письме В. Н. Златарскому от 7 сентября 1914 г.: «Общее настроение у нас – воодушевление и высокий патриотический подъем. В победе никто не сомневается, и, действительно, мы все единодушно отдаем этому святому делу все, что каждый из нас может отдать. Против Болгарии в широких массах настроение скверное, но старые друзья, знающие положение вещей и разбирающиеся в событиях, спокойны, потому что уверены в Болгарии. Если бы не было нарушений нейтралитета⁶, Болгария вернула бы себе симпатии» [1, с. 102].

Педагогическая и научно-исследовательская деятельность Н. С. Державина. В переписке Н. С. Державина интересен сюжет, связанный с его научной деятельностью – исследованием культуры болгар, проживающих на юге России, в частности их быта, обычаев, языка, народных песен. Изучая жизнь болгарских поселенцев России, ученый за 12 лет объездил большую часть колоний Таврической, Херсонской, Бессарабской губерний и собрал ценный этнографический материал [3, с. 17]. По этому поводу 20 октября 1909 г. Н. С. Державин пишет В. Н. Златарскому: «Наши болгары-колонисты очень нуждаются в болгарских книгах, газетах, журналах: они отличаются большой культурной отсталостью, хотя в сущности имеют все благоприятные данные для быстрого и широкого развития; на эту тему я подробно говорил в своей книге⁷. В настоящее время в некоторых местностях наблюдается большое оживление, подъем духовных и хозяйственных

⁶В начале войны Болгария объявила нейтралитет, а потом приняла решение выступить на стороне держав центрального блока.

⁷Речь идет о работе Н. С. Державина «Болгарские колонии в России».

интересов. Так, например, в с. Преслав Бердянского уезда возникло недавно сельскохозяйственное общество (из болгар, народных учителей и крестьян), которое ставит себе широкие культурные задачи⁸. Начиная устраиваться спектакли на болгарском языке, и какое это поразительное впечатление производит на слушателей! Как они восхищены, что на их родном языке можно представлять на сцене! При этом в обществе имеется библиотека. Меня убедительно просят обратиться с письмом к болгарским издателям и попросить их вспомнить своих сородичей и послать газеты, журналы, книги, и особенно по сельскохозяйственным вопросам» [1, с. 80]. Н. С. Державин был не просто кабинетным ученым, он, как этнограф, часто ездил в полевые экспедиции в регионы и лично знакомился с жизнью поселенцев. Он пишет: «Я ознакомился непосредственно с народной жизнью, ее горем и радостями, собрал ценный этнографический материал... изучил особенности всех наших болгарских говоров и собрал интересный диалектологический материал; во время своих экскурсий я производил фонографические записи и фотографические снимки... для того, чтобы нагляднее и полнее познакомить специалистов и широкие круги общества с заброшенной и забытой всеми болгарскою народностью, живущую у нас на юге России и живущую, к сожалению, в крайне ненормальных условиях своего морального, культурного, хозяйственного и физического развития. Наши болгарские поселенцы лишены своей национальной школы, они не знают своей болгарской грамоты... и не получают от школы того культурного развития, которое может дать народу только школа на его родном языке. Несколько лет тому назад мною лично было исходатайствовано в Петербурге в двух цензурных комитетах разрешение к постановке на сцене нескольких безобидных пьес на болгарском языке, в том числе нескольких переведенных с русского языка вроде классического “Ревизора” Гоголя, и ни одна из этих пьес до сих пор не может увидеть невинной любительской сцены потому только, что они на болгарском языке» [1, с. 76–77]. Это письмо свидетельствует о том, что ученый сопереживал болгарам-колонистам, пытался облегчить их участь, способствовал повышению их культурного и образовательного уровня, отстаивал их право на национальное образование. Для сбора этнографического материала в ходе научных экспедиций ученый использовал новейшие достижения техники – фотоаппарат и фонограф.

В данном контексте уместно привести еще одно высказывание Н. С. Державина о болгарях юга России, содержащееся в его письме В. Н. Златарскому от 11 октября 1909 г.: «Прилагаю интересное письмо от моих

друзей – болгар-колонистов. Через меня им удалось получить разрешение на постановку на сцене пьесы Вазова “Руска”. Это первое в России разрешенное драматической цензурой произведение на болгарском языке; предстоит первое публичное представление пьесы на болгарском языке. Кроме того, сейчас находятся на разрешении 6 болгарских пьес, из них “Службогонци” и 5 переводных с русского языка» [1, с. 79]. Эти слова свидетельствуют о том, что ученый не только радел об интересах болгар-колонистов и принимал близко к сердцу их проблемы, но и пытался помочь им, насколько это было возможно, добивался права на постановку спектаклей на болгарском языке. В письме В. Н. Златарскому от 23 июня 1912 г. он пишет: «Только что я возвратился с большого народного праздника из Бердянского уезда, устроенного при моем содействии и по моей инициативе болгарским населением уезда по случаю 50-летия переселению сюда из Бессарабии. Было устроено большое национальное гулянье: танцы, хор, борьба, скачки, и вместе с тем был первый раз устроен спектакль на болгарском языке, шла пьеса Вазова “Руска”, с большим вниманием прослушанная публикой... играли студенты, курсисты, народные учителя, и играли прекрасно» [1, с. 93–94].

На основе имеющегося материала Н. С. Державин доказывал необходимость рассматривать болгарские говоры юга России как неотъемлемую часть болгарского языка, составляющую особую группу восточно-болгарского наречия. Данную мысль он излагает в письме В. Н. Златарскому от 7 марта 1912 г. [1, с. 91].

Все письма Н. С. Державина пронизаны чувством глубокого уважения к болгарским ученым И. Д. Шишманову, В. Н. Златарскому, Б. С. Цоневу (одному из основателей болгарской филологии), Л. Г. Милетичу (специалисту в области болгарской филологии и истории), И. А. Георгову (философу). Когда в 1928 г. умер И. Д. Шишманов, Н. С. Державин отправил В. Н. Златарскому письмо, в котором говорил о невосполнимой потере для болгарской науки: «Я его знал как человека и ученого с исключительной душой, как крупного европейского ученого, труды которого в области сравнительной истории литературы и фольклора создали болгарскую науку, внесли большой вклад в общечеловеческую науку и культуру» [1, с. 111].

Н. С. Державин принял Октябрьскую революцию 1917 г. в России, был назначен профессором Петербургского университета, где в 1925 г. возглавил кафедру славянской филологии. В письме В. Н. Златарскому от 10 января 1927 г. Н. С. Державин отмечает, что внимательно следит за его работами, перечитывает его статьи в журнале «Македонский преглед»⁹, интересуется его трехтомной монографией «История на Българската държава през Средните

⁸Кстати, Н. С. Державин был уроженцем с. Преслав Таврической губернии, где жили в основном болгары.

⁹Научный, литературный и общественный журнал «Македонски преглед» издавался Македонским научным институтом в 1924–1943 гг.

векове» (1866–1935), читает в университете курсы «История культурного развития болгарского народа», «Славяноведение» и «История болгарской литературы» [1, с. 107]. Ученый добавляет: «Я написал для наших болгарских колонистов книгу “Българите на Украйна”, которая печатается на болгарском языке в Харькове. В ее содержание входят: 1) культурно-исторический очерк болгарского народа с древнейших времен до XIX в.; 2) краеведческий очерк нашего болгарского населения (история, колонизация, этнография, хозяйство, язык). Готовлю к изданию на русском языке “Историю Болгарии”¹⁰, мне осталось написать только XIX–XX вв. Без Вашего труда, конечно, обойтись нельзя»¹¹ [1, с. 107].

В письме В. Н. Златарскому Н. С. Державин указывает на развитие культурных связей СССР с зарубежными государствами: «Советское правительство, с исключительной заботливостью и вниманием относящееся к научным работникам, всемерно поддерживает культурные связи с заграницей и прекрасно содействует их развитию и укреплению. У нас имеется Общество культурной связи с заграницей¹², которое в этом смысле развивает колоссальную энергию. Я принимаю в его работе активное участие. <...> Мы не теряем надежды, что и у вас в Болгарии по примеру прочих стран культурной Европы, Азии и Америки в ближайшее время в среде профессуры и интеллигенции создастся кружок друзей новой России, и тогда наши культурные связи разовьются и окрепнут еще больше. Кстати, могу сообщить Вам, что согласно хлопотам нашего советского правительства в ближайшее время возобновляет свою работу наш археологический институт в Константинополе¹³, но он будет работать не только в области археологии, но по всем гуманитарным наукам в связи с Ближним Востоком» [1, с. 107–108].

Рассказывая о развитии советской науки и культуры в письме В. Н. Златарскому, Н. С. Державин отмечает заботу советского правительства об ученых: «Славистика у нас в университете поставлена хорошо, если не качественно, то количественно. Это результаты моей деятельности в качестве ректора университета (1922–1925 гг.) и декана факультета

языковедения и материальной культуры (с 1920-го и по сей день)» [1, с. 108].

В письме В. Н. Златарскому от 10 января 1927 г. Н. С. Державин с воодушевлением описывает свою деятельность в советский период: «...вместе с революцией и начавшимся вместе с ней у нас огромным культурным возрождением на мою долю выпала большая организационно-административная работа, потребовавшая от меня огромных сил и времени. Ректорство, которому, по общему признанию, университет нам обязан своими успехами и возрождением, уже осталось позади¹⁴. Я создал исследовательский институт¹⁵, просуществовавший уже пять лет, и состою бессменно его директором. Я же реорганизовал и наш факультет и пока состою его деканом; факультет наш лучший во всем Союзе по организации и по преподавательскому составу. Кроме того, я же состою заместителем директора публичной библиотеки, директором ее состоит профессор Н. Я. Марр (академик и бывший декан восточного факультета)¹⁶. Кроме того, мне приходится нести и большую общественную работу. Все это, конечно, мешает успехам научной работы, но я успеваю работать и в этой области. <...> Много работаю сейчас в области культурного возрождения наших болгар, которые после революции получили школу и самоуправление на родном языке. Необходимо создавать учебники, которых у нас нет: буквари, хрестоматии, историю, историю литературы» [1, с. 108–109]. Некоторые письма Н. С. Державина демонстрируют некое самолюбование ученого, его стремление показать свои достижения, особенно в административной деятельности. Исследователь Н. С. Гусев оценивает ученого следующим образом: «В славистике Н. С. Державин остался фигурой неоднозначной. Тщеславный карьерист и трибун, он сыграл огромную роль в восстановлении авторитета славяноведения в СССР, его попытки создания специализированных центров, какими бы ни были его мотивы, объективно оказали позитивное влияние на науку. Как бы ни воспринимались его научные изыскания, каков бы ни был реальный их уровень, Н. С. Державин болел за свое дело» [4].

Заключение

Переписка Н. С. Державина с болгарскими коллегами демонстрирует позицию ученого по поводу общественно-политического положения в России

и Болгарии в начале XX в., а также касательно ряда значимых событий европейской и мировой истории этого периода. Н. С. Державин сыграл большую

¹⁰Державин Н. С. История Болгарии : в 4 т. М. : Акад. наук СССР, 1945–1948.

¹¹Имеется в виду работа В. Н. Златарского «История Болгарского государства в Средние века».

¹²Речь идет о Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей.

¹³Русский археологический институт в Константинополе (Царьграде) был основан в 1894 г. Его специалисты занимались изучением византийской истории и археологии, а также истории и археологии балканских стран. В 1896–1912 гг. сотрудники института проводили раскопки в столице Первого Болгарского царства.

¹⁴В 1922 г. Н. С. Державин стал ректором Петроградского государственного университета.

¹⁵Имеется в виду ленинградское отделение Института славяноведения Академии наук СССР.

¹⁶Н. С. Державин был сторонником яфетической теории Н. Я. Марра, которая не выдержала проверки временем и была развенчана.

роль в развитии отечественной и зарубежной славистики, внес весомый вклад в изучение истории, этнографии и культуры болгарских поселений юга России. В своей неутомимой исследовательской, педагогической, административной и общественной деятельности он всецело был связан с судьбой Болгарии. Н. С. Державин был лично знаком со многими болгарскими учеными и деятелями культуры и способствовал развитию российско-болгарских научных связей. Его взгляд, пусть и субъективный, на события в Болгарии и России в начале XX в. имеет немало-

важное значение для формирования представлений об истории славянских государств в частности и Европы в целом.

Выдержки из писем Н. С. Державина свидетельствуют о его неравнодушии к событиям в России и Болгарии в начале XX в., невероятной работоспособности и исследовательской пылкости. Не со всеми научными оценками ученого можно согласиться, но нельзя не согласиться с тем, что он был необычайно талантлив и внес большой вклад в развитие отечественной славистики.

Библиографические ссылки

1. Костандинова ЛИ, Фролова ВЙ, Димитрова БД, компилатори. *Българо-руски научни връзки XIX–XX век: писма и документи*. София: БАН; 1968. 408 с.
2. Вартаньян ЭГ. Н. С. Державин о болгарских поселенцах юга России: несколько сюжетов из эпистолярного наследия (1897–1927). В: Борисёнок ЮА, редактор. *Славянский мир в поисках идентичности: в ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. Книга 8*. Москва: Институт славяноведения РАН; 2011. с. 1070–1088.
3. Вартаньян ЭГ. Академик Н. С. Державин: три сюжета из эпистолярного наследия. В: Матвеев ОВ, редактор и со-ставитель. *Мир славян Северного Кавказа. Выпуск 3*. Краснодар: Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»; 2007. с. 15–25.
4. Гусев НС. *Н. С. Державин – болгарист, добившийся успеха в большевистской и советской науке* [Электронный ресурс]. 2020 [процитировано 26 июля 2023 г.]. Доступно по: https://inslav.ru/sites/default/files/2020_materialy_derzhavin.pdf.

References

1. Kostandinova LI, Frolova VJ, Dimitrova BD, compilers. *Blgaro-ruski nauchni vrzki XIX–XX vek: pisma i dokumenti* [Bulgarian-Russian scientific relations 19–20th centuries: letters and documents]. Sofia: BAN; 1968. 408 p. Bulgarian.
2. Vartanyan EG. [N. S. Derzhavin on the Bulgarian settlers of the South of Russia: several plots from the epistolary heritage (1897–1927)]. In: Borisenok YuA, editor. *Slavyanskii mir v poiskakh identichnosti: v oznamenovanie 70-letiya kafedry i 175-letiya uchrezhdeniya slavisticheskikh kafedr v universitetakh Rossiiskoi imperii. Kniga 8* [The Slavic world in search of identity: in commemoration of the 70th anniversary of the department and the 175th anniversary of the establishment of Slavic departments at universities of the Russian Empire. Book 8]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; 2011. p. 1070–1088. Russian.
3. Vartanyan EG. [Academician N. S. Derzhavin: three plots from the epistolary heritage]. In: Matveev OV, editor and compiler. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza. Vypusk 3* [The world of the Slavs of the North Caucasus. Issue 3]. Krasnodar: Nauchno-issledovatel'skii tsentr traditsionnoi kul'tury GNTU «Kubanskii kazachii khor»; 2007. p. 15–25. Russian.
4. Gusev NS. *N. S. Derzhavin – bolgarist, dobivshiysya uspekha v bol'shevistskoi i sovetskoi nauke* [N. S. Derzhavin: a Bulgarian, who succeeded in bolshevik and Soviet academic studies] [Electronic resource]. 2020 [cited 2023 July 26]. Available from: https://inslav.ru/sites/default/files/2020_materialy_derzhavin.pdf. Russian.

Получена 11.12.2023 / принята 04.04.2024.
Received 11.12.2023 / accepted 04.04.2024.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ ДО 1917 г.: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. ЛАПАЕВА¹⁾, О. В. МОИСЕЕВА¹⁾

¹⁾ Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
ул. Интернациональная, 33, 392036, г. Тамбов, Россия

Аннотация. Анализируются основы пенсионного обеспечения и страхования в дореволюционной России. Описываются ключевые этапы развития российского законодательства в сфере пенсионного страхования. Приводится мысль о том, что идея социальной поддержки пожилых лиц, инвалидов и вдов зародилась еще на ранних этапах развития человеческого общества и была закреплена в древних законодательных актах. К XIX в. значительно эволюционировало российское законодательство в сфере пенсионных накоплений за счет средств эмеритальных касс. Делается вывод о том, что к 1914 г. законодательство в сфере пенсионного страхования в России имело высокий уровень развития.

Ключевые слова: благотворительность; государственное призрение; пенсионное обеспечение; социальное страхование; общественная взаимопомощь; пенсия; старость; пенсионный возраст; нетрудоспособность.

ЗАКАНАДАЎСТВА Ў СФЕРЫ ПЕНСІЙНАГА СТРАХАВАННЯ Ў РАСІІ ДА 1917 г.: ГІСТАРЫЧНЫ КАНТЭКСТ І ПЕРСПЕКТЫВЫ

А. В. ЛАПАЕВА^{1*}, В. В. МАІСЕЕВА^{1*}

^{1*} Тамбоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Г. Р. Дзяржавіна,
вул. Інтэрнацыянальная, 33, 392036, г. Тамбоў, Расія

Анацыя. Аналізуюцца асновы пенсійнага забеспячэння і страхавання ў дарэвалюцыйнай Расіі. Апісваюцца ключавыя этапы развіцця расійскага заканадаўства ў сферы пенсійнага страхавання. Прыводзіцца думка аб тым, што ідэя сацыяльнай падтрымкі пажылых асоб, інвалідаў і ўдоў зарадзілася яшчэ на ранніх этапах развіцця чалавечага грамадства і была замацавана ў старажытных заканадаўчых актах. Да XIX ст. значна эвалюцыянавала расійскае заканадаўства ў сферы пенсійных назапашванняў за кошт сродкаў эмерытальных кас. Робіцца выснова аб тым, што ў 1914 г. заканадаўства ў сферы пенсійнага страхавання ў Расіі мела высокі ўзровень развіцця.

Ключавыя словы: дабрачыннасць; дзяржаўны догляд; пенсійнае забеспячэнне; сацыяльнае страхаванне; грамадская ўзаемадапамога; пенсія; старасць; пенсійны ўзрост; непрацаздольнасць.

Образец цитирования:

Лапаева АВ, Моисеева ОВ. Законодательство в сфере пенсионного страхования в России до 1917 г.: исторический контекст и перспективы. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024;2:41–48 (на англ.). EDN: POEVLU

For citation:

Lapayeva AV, Moiseyeva OV. Pension insurance legislation in Russia before 1917: historical background and prospects. Journal of the Belarusian State University. History. 2024;2: 41–48. EDN: POEVLU

Авторы:

Ангелина Вячеславовна Лапаева – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности.

Ольга Васильевна Моисеева – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права, помощник директора по воспитательной работе Института права и национальной безопасности.

Authors:

Angelina V. Lapayeva, PhD (law), docent; head of the department of theory and history of state and law, Institute of Law and National Security.

anlapaeva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9430-5344>

Olga V. Moiseyeva, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law and assistant director for educational work, Institute of Law and National Security.

moiseewaolga@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6126-7812>

PENSION INSURANCE LEGISLATION IN RUSSIA BEFORE 1917: HISTORICAL BACKGROUND AND PROSPECTS

A. V. LAPAYEVA^a, O. V. MOISEYEVA^a

^aDerzhavin Tambov State University, 33 Internatsional'naya Street, Tambov 392036, Russia

Corresponding author: A. V. Lapayeva (anlapaeva@gmail.com)

Abstract. The fundamentals of pension provision and insurance in pre-revolutionary Russia are analysed. The key stages of the development of Russian legislation in the field of pension insurance are established. It is suggested that the idea of social support for the elderly, the disabled and widows originated at the early stages of the development of human society and was enshrined in ancient legislative acts. By the 19th century, Russian legislation in the field of pension provision at the expense of emerital funds. The study concludes that by 1914, legislation on pension insurance in Russia was at a high level of development.

Keywords: charity; state welfare; pension provision; social insurance; public mutual aid; pension; old age; retirement age; incapacity for work.

Introduction

Current trends in pension provision for citizens are conditioned by historical prerequisites of the economic, political, legal, and moral development of the state and society. Today's crisis in the pension system in Russia calls for a search for solutions in the depths of time, relying on the experience and traditions of ancestors. The issue of pension provision is especially acute in conditions of the demographic crisis, which further complicates and hinders the resolution of issues in social security benefits for old age, disability, or even the death of a citizen.

In light of this study aims to investigate the condition of Russian legislation on pension insurance in pre-revolutionary Russia, it is important to take into account the evolutionary features of the formation and development of social security, which makes it possible to understand the causes of the condition of pension development.

At the beginning, in Rus, social support for those in need consisted of charity and encouragement of almsgiving to the poor and those unable to work [1]. One of the first legal acts in support of those in need was the Decree of Ivan IV «On alms», which provided for the erection of specialised buildings for the infirm, elderly, and lepers, as well as the possibility of retirement from service in the event of old age, sickness, and injury [2], and retired military personnel were sent to the monastery for lifelong maintenance as state support.

The period of Peter the Great's reign was marked by the adoption of several normative acts regulating the issues of social support for military personnel, as persons who were deprived of the opportunity to actively

engage in material support due to severe wounds and injuries during hostilities, of which there were enough at this historical stage, in particular the Azov campaigns (1695–1696) and the long-lasting Northern War (1700–1721). As a result, in 1712, the Decree «On the establishment of hospitals in all provinces» was issued, focusing on the support of maimed and elderly soldiers. In 1719, an order was issued to legislate the legal position of monasteries in the upkeep of certain categories of citizens¹.

A new stage in the historical development of Russia was marked by the formation of a regular army, which required a quality solution to the issues of the legal regulation of the material provision of servicemen. The programme legal act issued to this end was the Marine Charter of 1720, which established social support measures for warriors who were injured in battle or reached an advanced age in service, as well as their widows and orphans. Considering the high importance and necessity of military activity at a specific historical stage, the state, in order to ensure the proper level of support, takes under its guardianship not only military personnel but also their dependents. Further development of pension legislation relates to the expansion of the range of people covered by it, and the addition of the grounds giving the right to state support.

During the reign of Catherine II, the sums allocated from the budget within the framework of state pension provision increased, and the range of subjects of pension legal relations expanded (now including honored soldiers and civil servants)².

¹Сенатский приказ от 29 июля 1719 года «Об отсылке не имеющих пропитание, отставных от воинской службы чинов в монастыри и о даче им жалования из монастырских доходов» // Полн. собр. законов Рос. империи : [собр. 1-е: с 1649 по 12 дек. 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 5, № 3409.

²Указ именной, данный Военной коллегии президенту кн. Потёмкину. О призрении заслуженных солдат от 26 февраля 1784 г. // Там же. Т. 22, № 15941.

The end of the 18th century is distinguished by a systematised approach to the processing of pensions for both military and civil service officials at the expense of the state budget. The stated period is seen as a period of legalisation of the priority of pensions over other types of social security for retired servicemen and their family members. The scheme for calculating pension payments for civil servants was based on length of service, besides, a list of preferential categories of citizens was fixed for the granting of pensions.

By the beginning of the 20th century, the system needed serious reorganisation. To solve this problem, legislation was supplemented by the Statute «On pensions and lump-sum allowances for military officers and their families» (1912 June 23)³. The statute delineated a list of those eligible for pension: officers and state civilian and municipal service ranks, wounded

campaigners and their families, and those with at least 25 years of service. The statute retained the provision of a pension in the amount of a full salary only after 35 years of service. If a serviceman was dismissed due to an inability to serve further, a pension of 30 % of the pay was granted for 10 years of service, and for each additional year of service, it was increased by 2 % of the allowance received. Servicemen wounded during hostilities, mutinies, and riots, i. e., those ranked in the first class, received a pension equal to 100 % of their pay, which was extended to their widows and children.

The aim of this research is to analyse the state of pension insurance legislation within the historical context of 1917, taking into account the background and peculiarities of the evolution of Russian legislation on pension provision and insurance in Russia.

Materials and methods

Issues related to social security are closely connected with the problem of protection against poverty (old age, widowhood, orphanhood – key social risks leading to poverty), as well as the overall social activities of the state. As evident from the above, ideas of social support for the elderly emerged as far back as in the era of the Ancient World, and the first legislative provisions for the protection of widows, orphans, and the elderly can be found in the oldest legal documents.

Analysis of political and legal doctrines of the 18th and 19th centuries confirms the recognised duty of the state to care for those in need but does not indicate the inclusion in the content of this duty of the right to social (including pension) security, as pointed out, in particular, by P. I. Novgorodtsev and I. A. Pokrovskii [3].

Marxism had a significant influence on the theoretical research on the problem of poverty, viewing it as a result of deepening economic differentiation, while F. Engels insisted on the need for lifelong support for incapacitated workers [4].

At the end of the 19th and the beginning of the 20th century, the concept of the welfare state received its conceptual framework, closely related to the formation of social and, in particular, pension legislation as such. In Russia, the development of the doctrine of the right to social security, as rightly noted by M. V. Lushnikova, «took place primarily in the early stages within the framework of the science of police (administrative) law and civil law, and then, with the emergence of workers'

insurance, within the framework of the emerging science of labour law»⁴ [5, p. 101].

At the turn of the 19th and 20th centuries, leading Russian legal theorists considered issues of social solidarity (and the necessity of social support for citizens by the state) in connection with the problems of the rule of law and the protection of the rights and freedoms of individuals. In particular, P. I. Novgorodtsev [6] and B. A. Kistjakovskii [7] developed the idea of the right to a dignified human existence.

Questions of providing for those in need in connection with the theory of personal rights were considered in the works of other pre-revolutionary Russian scholars: V. M. Gessen and his colleagues [8], M. M. Kovalevskii [9], S. A. Kotlyarevskii [10], G. F. Shershenevich [11].

Among the studies on social insurance issues, it is necessary to mention the works of the following scholars (not only lawyers but also economists, engineers, and doctors): B. F. Maleshevskii [12], V. G. Yarotskii [13], A. Yu. Vegner [14], N. A. Vigdorchik [15] and V. P. Litvinov-Falinskii [16].

The conceptual foundations of social security are addressed in the works of contemporary legal scholars, such as N. V. Putilo [17], G. B. Chelnokova⁵, T. Yu. Baryshnikova⁶ and M. V. Lushnikova [5].

Among the works published in recent years that address the issues of this research, we should highlight the works of the following authors: T. Ya. Khabrieva [18], N. G. Semionkina [19], A. G. Myslivchenko [20], V. A. Cherepanov [21] and others.

³Устав о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семействам (3 ПСЗ. Т. 32, № 37442. Собрание узаконений. 1912. 10 июля. Отд. 1, ст. 1225) // Программа реформ: документы и материалы : в 2 т. Т. 2 / П. А. Столыпин. М. : Росспэн, 2011. С. 325–337.

⁴Hereinafter translated by us. – A. L., O. M.

⁵Челнокова Г. Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2009. 104 с.

⁶Барышникова Т. Ю. Право социального обеспечения. Часть особенная : учеб. пособие. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2009. 123 с.

Results and discussion

Indeed, on the verge of the 20th century, particular attention was given to human social rights based on social justice and equality. Representatives of Russian political and legal thought viewed them through the prism of freedom. P. I. Novgorodtsev [6] indicates that the realisation of freedom was considered possible only as a result of assisting those in need to improve the conditions of social and industrial life. The elements of the right to a decent living include the right to work and to social security in case of inability to work, illness, or old age [22]. I. A. Pokrovskii, being a proponent of Novgorodtsev's ideas, emphasised the moral foundations of the principle of determining the amount of social aid [3].

B. A. Kistyakovskii advocated the idea of a socialist state with the solidary interests of individuals and the common good. It was also indisputable that the law must be just. Modern declarations are considered by the legal scholars A. V. Kornev and A. V. Borisov⁷ from the position of mandatory substantive proclamation, including the social rights of the citizen. Guarantees of such rights had to come from the state, emphasising the need for their legislative enshrinement and further realisation.

G. F. Shershenevich advocated for the need to establish private insurance. The scientist believed that only rendering assistance to the weakest, unprotected categories of subjects could mitigate their hatred towards the ruling class and inspire additional trust in the state [11, p. 250].

The teaching of N. M. Korkunov in the matter of social rights centres around protecting the interests of individuals, including through the provision of sanitary conditions by the state. At the same time, the state itself, taking an active part in social activities (care), nevertheless pursued its own goals and was driven by coercion. Indeed, it is first necessary to collect material resources, including forcibly, and in the future, the available funds are to be directed to public goods⁸.

Specific issues of providing social support measures to needy persons were developed in Russia within the science of police (administrative) law, particularly in the works of N. Kh. Bunge [23], V. F. Deryuzhinskii⁹, and others. The need to provide for the livelihoods of the elderly and other persons unable to work was recognised by most authors, but there were serious differences regarding the means of provision and the sources of funding for payments (funding from contributions, from the budget, from the individual's own resources, etc.).

In addition, a significant role in initiating the formation and subsequent organisation of pension legislation was played by the historical circumstances of the early 20th century, which exposed the problematic aspects of the social development vector. The revolutionary events

of 1905–1906 marked acute moments in the realisation of labour and social rights of citizens. The peasant community suffered from a shortage of land and lingering remnants of serfdom, which manifested in peasant uprisings. Many attempted to solve the problem by moving to the city, but the lack of developed industry and job opportunities did not resolve the situation; instead, it exacerbated it. The fragmentation and lack of structure in the enterprise system, a decrease in production at existing enterprises, and a rapid rise in inflation – all of these factors contributed to the increasing economic tension, and the poor harvests of 1901 and 1903 only worsened the already acute political, economic, and social situation [24].

Amid the international economic crisis, revolutionary movements grew in Russia, one of which was the consideration of the issue of social welfare for the population, guaranteeing material support in cases of disability for the able-bodied population and dependents. Revolutionary sentiments also found their reflection in mass strikes, which by 1905 had spread to almost the entire country of Russia. One of the largest sectors affected was the railway workers, joined by representatives of the energy supply complexes (lighting, water supply), as well as the media and communication sectors. The people demanded the declaration and legislative confirmation of their rights and freedoms, which was expected to contribute to the «implementation of rational principles in practical reality» [25, p. 50].

However, it is worth noting a historical paradox – despite the substantial revision of political, legal, and economic aspects following the revolutionary movement, the issue of pension insurance was not fundamentally reconsidered by the Soviet government compared to the tsarist regime. The list of grounds for pension provision remained almost unchanged. At the same time, the problem was identified, and a legal framework was established, which later became the foundation for reforming the pension system within the framework of the Prague Workers' Insurance Programme of 1912 and, by 1918, found expression in the Labour Code and the Regulation on the Social Security of Workers.

Political-legal thought, represented by its brightest figures, undoubtedly had a significant impact on the further formation of social foundations. The turn of the 20th century was marked by the development of the basis of private pension provision for civil servants, which appeared to be one of the first recognised experiments of such a system in Russian legal realities. There were two models of such provision, namely, the emerital model – from 3 to 6 % of compulsory deductions from the salary, through which citizens' personal funds were

⁷Корнев А. В., Борисов А. В. Правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России. М. : Эксмо, 2005. 284 с.

⁸Там же. С. 127.

⁹Дерюжинский В. Ф. Полицейское право : пособие для студентов. Петроград : Сенат. тип., 1917. 524 с.

accumulated (with the insurance element being the basis), and the savings and assistance model.

Those who had contributed for 20 to 30 years were entitled to the full amount of the emerital pension (this model was applied to ground forces, zemstvo emeritals, clergy, etc.)¹⁰. The first experience with insurance-type pension funds was that of private railroads in 1888¹¹. What distinguished the emeritus and savings-assisted models were both the manner in which pension rights were secured and the principles themselves, namely, pay-as-you-go and contributory.

Further on, in 1900, the Ministry of National Education organised a pension fund for teachers of primary public schools who were considered the least advantaged. The rules of allocation of emerital pensions were regulated by such regulations as the Statute of the Emerital Pension Fund of the Ministry of Justice, the Statute of the Emerital Pension Fund of Mining Engineers, the Statute of the Emerital Pension Fund of Railway Engineers, etc.¹²

Emeritus funds operated in Russia successfully until the October Revolution. According to the Russian Pension Fund, as of 1917, there were about 200 of them¹³. The creation of emeritus funds was a justified step towards the expansion of pension support for citizens. This was the first experience with state administration of contributory pension capital. In this regard, it is important to emphasise that the operation of pre-revolutionary emeritus funds was similar to that of today's private pension funds.

The predominantly agricultural nature of the Russian economy in the period considered predetermined the fact that the country never achieved a well-developed industrial system of mutual assistance. As rightly noted by N. A. Vigdorchik, «the development of voluntary insurance was hindered by the agricultural character of the country, which only in the last quarter of the 19th century began to change noticeably towards capitalism» [26, p. 141].

One of the first normative acts to regulate the issues of social insurance were the regulations of 1861¹⁴, which enshrined the need to create special partnerships under large mining factories and mines to provide for workers who reached old age or developed diseases. Temporary and permanent allowances and pensions were to be paid from the auxiliary funds of these part-

nerships not only to the members of the partnerships but also to their family members. In the upcoming decades, similar normative acts were adopted with respect to workers in other occupations, and the legislative provisions enacted provided for both voluntary and compulsory participation in pension funds for workers or employees.

A new phase in the development of pension legislation came in the 1880s, when a decision was made on the need to create government commissions to delegate to them the mission of developing projects of compulsory insurance [26].

The year 1901 marked the adoption of temporary rules for granting pensions to workers of state mining factories and mines who had lost the ability to work, as well as their family members¹⁵.

The adoption of laws (in the strict sense of the word) on social insurance became possible after the establishment of the Russian parliament, the State Duma, in 1906. The result of many years of work on draft laws on social insurance was a package of laws adopted in 1912 June 23: «On the provision of workers in case of sickness», «On the insurance of workers against accidents at work», «On the approval of the workers' insurance board», «On the establishment of the workers' insurance presence». The totality of these acts provided, in particular, for the establishment of health insurance funds. By paying contributions to these funds, workers became entitled to sickness, injury, death, and maternity benefits.

The Law of the Russian Empire «On insurance of workers against workplace accidents»¹⁶ secured disability pensions for workers injured in accidents and, in the event of a worker's death, a survivor's pension for their family members. Upon the occurrence of an insured event, payments to victims were made from the funds of insurance partnerships as benefits and pensions, and payments to their family members – only in the form of pensions, the amount of which was determined as a proportion of the employee's annual allowance [27].

The bill drafted by the Ministry of Finance in 1905, which laid down provisions on social insurance for disability and old age, was not implemented due to the dissolution of the State Duma. This topic was developed further only by 1912 as «the bill on the state insurance

¹⁰ Гусаков Д. Б. История пенсионного обеспечения и социального страхования в России : учеб. пособие. СПб. : С.-Петербург. гос. ин-т психологии и соц. работы, 2010. 259 с.

¹¹ Устав эмеритальной кассы при Московском учетном банке : утв. 7 авг. 1895 г. М. : Тип. Т. И. Гаген, 1895. 18 с.

¹² Свод законов Российской империи. Т. 3, кн. 4. Уставы эмеритальных касс гражданского ведомства. СПб. : Гос. тип., 1886. 108 с.

¹³ История Социального фонда России // Социальный фонд России : сайт. URL: <https://sfr.gov.ru/about/history/> (дата обращения 08.05.2023).

¹⁴ Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов от 8 марта 1861 года. СПб. : [б. и.], 1861. 14 с.

¹⁵ Временные правила о пенсиях рабочим казенных горных заводов и рудников, утративших трудоспособность на заводских или руднических работах // Полн. собр. законов Рос. империи : [собр. 1-е: с 1649 по 12 дек. 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го отд.-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 21, № 20087.

¹⁶ Закон Российской империи от 23 июня 1912 года «О страховании рабочих от несчастных случаев» (3 ПСЗ. Т. 26, № 37447. Собрание узаконений. 1912. 11 июля. Отд. 1, ст. 1230) // Программа реформ: документы и материалы : в 2 т. Т. 1 / П. А. Столыпин. М. : Росспэн, 2011. С. 517–535.

of workers for old age and disability, developed in 1905, disappeared» [28, p. 133]. Thus, pre-revolutionary legislation in Russia was marked by a lack of compulsory pension insurance for old age, and pension provision for disability was available only in cases resulting from a work accident [15].

A drawback of the 1912 Law of the Russian Empire «On insurance of workers against workplace accidents» was that its scope was limited to the European part of

the country and the Caucasus and to enterprises with a specific number of workers and with specific equipment, thus covering about 15 % of the total number of workers in Russia¹⁷. Social insurance became prevalent only in 1917 when several thousand insurance funds were established in Russia. It is noted that in these years, «our country was not only not an outsider in the field of compulsory social insurance, but occupied a respectable place among civilised states»¹⁸.

Conclusions

The analysis of historical prerequisites that created the possibility of state social security for needy citizens, as well as the economic, political, legal, and social situation at the historical turning point of 1917, allowed for the assessment of the state and determination of the prospects for the development of pension insurance legislation in pre-revolutionary Russia. It was precisely at this juncture that objective conditions emerged, necessitating a complete replacement of the state's indirect support for the destitute citizens through charity with genuine state legal provision and legislative regulation of pension-related matters.

By 1917, the foundation for the subsequent development of the pension provision sector had been laid, and the initial attempts to legislatively establish citizens' pension rights had been made. However, the list of individuals

falling under the state's protection was limited, and the normative regulation was predominantly sector-specific.

The above-mentioned factors not only characterise the historical state of legal regulation of pension insurance in 1917 but also explain the complexity of a detailed analysis of the legal support for pension provision, as there is a lack of systematic normative establishment of the fundamentals of legal regulation.

The perspective of this study is expressed in identifying the patterns of the legislative and legal implementation processes at a specific historical juncture, determined by economic, political, legal, and social prerequisites. These patterns allow for the identification of stable connections between the legal experience and the practice of implementing legal provisions and socially conditioned expectations.

Библиографические ссылки

1. Владимир Мономах. *Русская правда. Устав. Поучение*. Лихачев ДС, переводчик; Жемерова А, редактор. Москва: Эксмо; 2014. 480 с.
2. Горский АД, редактор. *Русское законодательство X–XX вв. Том 2, Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства*. Москва: Юридическая литература; 1985. 519 с.
3. Новгородцев ПИ, Покровский ИА. *О праве на существование: социально-философские этюды*. Санкт-Петербург: М. О. Вольф; 1911. 48 с.
4. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 2*. Москва: Госполитиздат; 1955. 630 с.
5. Лушникова МВ. Право на социальное обеспечение: история, теория, законодательство. *Вестник трудового права и права социального обеспечения*. 2007;2:88–116.
6. Новгородцев ПИ. *Введение в философию права. Кризис современного правосознания*. Санкт-Петербург: Лань; 2000. 347 с.
7. Кистяковский БА. *Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права*. Москва: М. и С. Сабашниковы; 1916. 704 с.
8. Гессен В, Мякотин В, Водовозов В, Чернышев И. *Правовое государство и народное голосование*. Санкт-Петербург: Н. Лаголев; 1906. с. 9–62.
9. Ковалевский ММ. *Учение о личных правах*. Москва: Издательство В. М. Саблина; 1905. 42 с.
10. Котляревский СА. *Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов*. Москва: Зерцало-М; 2014. 340 с.
11. Шершеневич ГФ. *Общая теория права*. Москва: Издание Бр. Башмаковых; 1911. 698 с.
12. Малешевский БФ. *Теория и практика пенсионных касс. Том 1*. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения; 1890. 526 с.
13. Яроцкий ВГ. *Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей. Том 1*. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке; 1895. 496 с.
14. Вегнер АЮ. *Пенси престарелым или страхование на случай старости?* Харьков: Типография Б. Бенгис; 1907. 76 с.
15. Вигдорчик НА. *Социальное страхование. Систематическое изложение истории, организации и практики всех форм социального страхования*. Санкт-Петербург: Практическая медицина; 1912. 295 с.
16. Литвинов-Фалинский ВП. *Новые законы о страховании рабочих. Текст законов с мотивами и подробными разъяснениями*. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина; 1912. 364 с.

¹⁷ Мачульская Е. Е., Горбачева Ж. А. Право социального обеспечения : учеб. пособие. М. : Книж. мир, 2001. 286 с.

¹⁸ Роик В. Д. Пенсионное страхование и обеспечение : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2020. С. 34–35.

17. Путило НВ. *Социальные права граждан: история и современность*. Москва: Юриспруденция; 2007. 320 с.
18. Хабриева ТЯ. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства. *Журнал российского права*. 2014;8:5–15.
19. Семионкина НГ. Факторы развития российского социального права в начале XX века. *Российское государство-ведение*. 2013;1:22–27.
20. Мысливченко АГ. Социальное государство: генезис, становление, перспективы. *Государство и право*. 2019;3:105–116.
21. Черепанов ВА. К вопросу о правовой возможности уменьшения уровня социальной защиты российских граждан. *Государство и право*. 2019;5:82–89.
22. Туманова АС, Киселев РВ. *Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2011. 279 с.
23. Бунге НХ. *Полицейское право. Том 1, Введение и государственное благоустройство*. Киев: Университетская типография; 1873. 146 с.
24. Пищулина АР. Предпосылки расширения политических прав и свобод подданных Российской империи и их отражение в актах конституционного значения 1905–1906 гг. *Государство и право в XXI веке*. 2015;2:34–39.
25. Моисеева ОВ. Нравственные основы права: корреляция воззрений Бориса Николаевича Чичерина с современными правовыми трендами. *Российская юстиция*. 2023;10:46–50. DOI: 10.52433/01316761_2023_10_45.
26. Вигдорчик НА. *Социальное страхование в общедоступном изложении*. Москва: Вопросы труда; 1927. 190 с.
27. Лапаева АВ. Столыпинская программа социальных преобразований: рабочий вопрос. В: Стромов ВЮ, редактор. *Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако. Материалы V Международной научно-практической конференции; 28–29 мая 2021 г.; Тамбов, Россия. Том 1*. Тамбов: Державинский; 2021. с. 38–40.
28. Левшук МВ. Становление правовой основы дореволюционного государственного пенсионного обеспечения. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2011;14:125–138.

References

1. Vladimir Monomakh. *Russkaya pravda. Ustav. Pouchenie* [Russian truth. Charter. Instruction]. Likhachev DS, translator; Zhemerova A, editor. Moscow: Eksmo; 2014. 480 p. Russian.
2. Gorskii AD, editor. *Russkoe zakonodatel'stvo X–XX vv. Tom 2, Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva* [Russian legislation in 10–20th centuries. Volume 2, Legislation of the period of formation and consolidation of the Russian centralised state]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1985. 519 p. Russian.
3. Novgorodtsev PI, Pokrovskii IA. *O prave na sushchestvovanie: sotsial'no-filosofskie etyudy* [On the right to existence: socio-philosophical studies]. Saint Petersburg: M. O. Vol'f; 1911. 48 p. Russian.
4. Marks K, Engels F. *Sochineniya. Tom 2* [Collected works. Volume 2]. Moscow: Gospolitizdat; 1955. 630 p. Russian.
5. Lushnikova MV. [The right to social security: history, theory, legislation]. *Vestnik trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya*. 2007;2:88–116. Russian.
6. Novgorodtsev PI. *Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya* [Introduction to the philosophy of law. Crisis of contemporary legal consciousness]. Saint Petersburg: Lan'; 2000. 347 p. Russian.
7. Kistyakovskii BA. *Sotsial'nye nauki i pravo: ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchei teorii prava* [Social sciences and law: essays on the methodology of social sciences and the general theory of law]. Moscow: M. i S. Sabashnikov; 1916. 704 p. Russian.
8. Gessen V, Myakotin V, Vodovozov V, Chernyshev I. *Pravovoe gosudarstvo i narodnoe golosovanie* [The rule of law and popular vote]. Saint Petersburg: N. Glagolev; 1906. p. 9–62. Russian.
9. Kovalevskii MM. *Uchenie o lichnykh pravakh* [The doctrine of personal rights]. Moscow: Izdatel'stvo V. M. Sablina; 1905. 42 p. Russian.
10. Kotlyarevskii SA. *Konstitutsionnoe gosudarstvo. Yuridicheskie prepodysylki russkikh osnovnykh zakonov* [Constitutional state. Legal preconditions of the Russian basic laws]. Moscow: Zertsalo-M; 2014. 340 p. Russian.
11. Shershenevich GF. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Izdanie Br. Bashmakov; 1911. 698 p. Russian.
12. Maleshevskii BF. *Teoriya i praktika pensionnykh kass. Tom 1* [Theory and practice of pension funds. Volume 1]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya; 1890. 526 p. Russian.
13. Yarotskii VG. *Strakhovanie rabochikh v svyazi s otvetstvennost'yu predprinimatelei. Tom 1* [Insurance of workers in connection with entrepreneurial liability. Volume 1]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Benke; 1895. 496 p. Russian.
14. Vegner AYU. *Pensii prestarelym ili strakhovanie na sluchai starosti?* [Pensions for the elderly or insurance for old age?]. Kharkiv: Tipografiya B. Bengis; 1907. 76 p. Russian.
15. Vigdorichik NA. *Sotsial'noe strakhovanie. Sistematicheskoe izlozhenie istorii, organizatsii i praktiki vseh form sotsial'nogo strakhovaniya* [Social insurance. Systematic presentation of the history, organisation, and practice of all forms of social insurance]. Saint Petersburg: Prakticheskaya meditsina; 1912. 295 p. Russian.
16. Litvinov-Falinskii VP. *Novye zakony o strakhovanii rabochikh. Tekst zakonov s motivami i podrobnymi raz'yasneniyami* [New laws on workers' insurance. Texts of laws with motivations and detailed explanations]. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina; 1912. 364 p. Russian.
17. Putilo NV. *Sotsial'nye prava grazhdan: istoriya i sovremennost'* [Social rights of citizens: history and contemporary issues]. Moscow: Yurisprudentsiya; 2007. 320 p. Russian.
18. Khabrieva TYa. Main vectors and problems of development of social legislation. *Journal of Russian Law*. 2014;8:5–15. Russian.
19. Semionkina NG. [Factors of the development of Russian social law in the early 20th century]. *Rossiiskoe gosudarstvovedenie*. 2013;1:22–27. Russian.
20. Myslivchenko AG. Social state: genesis, formation and perspectives. *State and Law*. 2019;3:105–116. Russian.

21. Cherepanov VA. On the legal possibility of reducing the level of social protection of Russian citizens. *State and Law*. 2019;5:82–89. Russian.
22. Tumanova AS, Kiselev RV. *Prava cheloveka v pravovoi mysli i zakonotvorchestve Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Human rights in legal thought and lawmaking of the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th century]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2011. 279 p. Russian.
23. Bunge NKh. *Politseiskoe pravo. Tom 1, Vvedenie i gosudarstvennoe blagoustroistvo* [Police law. Volume 1, Introduction and public improvement]. Kyiv: Universitetskaya tipografiya; 1873. 146 p. Russian.
24. Pishchulina AR. [Preconditions for the expansion of political rights and freedoms of subjects of the Russian Empire and their reflection in acts of constitutional significance in 1905–1906]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*. 2015;2:34–39. Russian.
25. Moiseyeva OV. Moral foundations of law: correlation of Boris Nikolaevich Chicherin's views with modern legal trends. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2023;10:46–50. Russian. DOI: 10.52433/01316761_2023_10_45.
26. Vigdorchik NA. *Sotsial'noe strakhovanie v obshchedostupnom izlozhenii* [Social insurance in a generally accessible presentation]. Moscow: Voprosy truda; 1927. 190 p. Russian.
27. Lapayeva AV. [Stolypin's programme of social transformation: the labour question]. In: Stromov VYu, editor. *Tambovskie pravovye chteniya imeni F. N. Plevako. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 28–29 maya 2021 g.; Tambov, Rossiya. Tom 1* [Tambov legal readings named after F. N. Plevako. Proceedings of the 5th International scientific and practical conference; 2021 May 28–29; Tambov, Russia. Volume 1]. Tambov: Derzhavinskii; 2021. p. 38–40. Russian.
28. Levshuk MV. Formation of the legal basis of pre-revolutionary state pension provision. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*. 2011;14:125–138. Russian.

Received 30.08.2023 / revised 03.04.2024 / accepted 03.04.2024.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 327(437.6:470)(091):930(437.6)

СЛОВАЦКО-РОССИЙСКИЕ КОНТАКТЫ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М. ДАНИШ^{1), 2)}

¹⁾Университет Коменского, пл. Шафарика, 6, 81499, г. Братислава, Словацкая Республика

²⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Описываются основные подходы словацкой историографии к исследованию личности Петра Великого и словацко-российских контактов в период его правления. Подчеркивается, что традиции изучения данной проблематики были заложены в первой половине XX в. Одним из наиболее ярких исследователей этого направления являлся профессор Е. Ю. Перфецкий, работавший в Университете Коменского в 1921–1947 гг. и специализировавшийся на истории Восточной Европы и Подкарпатской Руси. Анализируются наиболее значимые работы Е. Ю. Перфецкого, при этом особое внимание уделяется тем публикациям, которые ввели в научный оборот новые архивные сведения о периоде правления Петра Великого в контексте исследования словацко-российских контактов. Отмечается, что после 1945 г. представители словацкой историографии сконцентрировались на путешествиях Петра Великого в Европу, на отношениях между Россией и Габсбургской монархией в период сословного восстания Ференца II Ракоци, а также на данных путевого дневника Д. Крмана, посвященных событиям в Беларуси и на Украине в годы Северной войны.

Ключевые слова: словацкая историография; Петр Великий; словацко-российские контакты; XVIII в.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта 23-78-10045.

Образец цитирования:

Даниш М. Словацко-российские контакты в период правления Петра Великого сквозь призму словацкой историографии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;2:49–57.
EDN: RTIDKE

For citation:

Daniš M. Slovak-Russian contacts during the reign of Peter the Great through the prism of Slovak historiography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;2:49–57. Russian.
EDN: RTIDKE

Автор:

Мирослав Даниш – кандидат исторических наук; профессор кафедры всеобщей истории философского факультета¹⁾, научный сотрудник²⁾.

Author:

Miroslav Daniš, PhD (history); professor at the department of general history, faculty of arts^a, and researcher^b.
miroslav.danis@uniba.sk

СЛАВАЦКА-РАСІЙСКІЯ КАНТАКТЫ Ў ПЕРЫЯД ПРАЎЛЕННЯ ПЯТРА ВЯЛІКАГА СКРОЗЬ ПРЫЗМУ СЛАВАЦКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

М. ДАНИШ^{1*, 2*}

^{1*} Універсітэт Каменскага, пл. Шафарыка, 6, 81499, г. Браціслава, Славацкая Рэспубліка

^{2*} Санкт-Пецярбургскі дзяржаўны ўніверсітэт,
Універсітэцкая набярэжная, 7–9, 199034, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Анотацыя. Апісваюцца асноўныя падыходы славацкай гістарыяграфіі да даследавання асобы Пятра Вялікага і славацка-расійскіх кантактаў у перыяд яго праўлення. Падкрэсліваецца, што традыцыі вывучэння гэтай праблематыкі былі закладзены ў першай палове XX ст. Адным з найбольш яркіх даследчыкаў дадзенага накірунку з’яўляўся прафесар Я. Ю. Пярфецкі, які працаваў ва Універсітэце Каменскага ў 1921–1947 гг. і спецыялізаваўся на гісторыі Усходняй Еўропы і Падкарпацкай Русі. Аналізуюцца найбольш значныя працы Я. Ю. Пярфецкага, пры гэтым асабліва ўвага надаецца тым публікацыям, якія ўвялі ў навуковы зварот новыя архіўныя звесткі аб перыядзе праўлення Пятра Вялікага ў кантэксце вывучэння славацка-расійскіх кантактаў. Адзначаецца, што пасля 1945 г. прадстаўнікі славацкай гістарыяграфіі засяродзіліся на падарожжах Пятра Вялікага ў Еўропу, на адносінах паміж Расіяй і Габсбургскай манархіяй падчас саслоўнага паўстання Ферэнца II Ракацы, а таксама на даных падарожжнага дзённіка Д. Крмана, прысвечаных падзеям у Беларусі і на Украіне ў гады Паўночнай вайны.

Ключавыя словы: славацкая гістарыяграфія; Пётр Вялікі; славацка-расійскія кантакты; XVIII ст.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду ў рамках праекта 23-78-10045.

SLOVAK-RUSSIAN CONTACTS DURING THE REIGN OF PETER THE GREAT THROUGH THE PRISM OF SLOVAK HISTORIOGRAPHY

M. DANIS^{a, b}

^aComenius University, 6 Šafaríka Square, Bratislava 81499, Slovak Republic

^bSt Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia

Abstract. The main approaches of Slovak historiography to the study of the personality of Peter the Great and Slovak-Russian contacts during his reign are described. It is emphasised that the traditions of the study of this problem were laid down in the first half of the 20th century. One of the most prominent representatives of this field was professor E. Yu. Perfetsky, who worked at the Comenius University in 1921–1947 and studied the history of Eastern Europe and Subcarpathian Rus'. The most significant works of E. Yu. Perfetsky are analysed, with special attention being paid to those publications that introduced new archival information about the reign of Peter the Great into scientific circulation in the context of the study of Slovak-Russian contacts. It is noted that after 1945, representatives of Slovak historiography focused on Peter the Great's travels to Europe, relations between Russia and the Habsburg Monarchy during the class uprising of Ferenc II Rakoczy, as well as on the data in D. Krman's travel diary devoted to events in Belarus and Ukraine during the Northern War.

Keywords: Slovak historiography; Peter the Great; Slovak-Russian contacts; 18th century.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation under the project 23-78-10045.

Введение

В 1993 г. была образована Словацкая Республика. Уже начатый процесс институционализации национальной науки продолжился в рамках Словацкой академии наук, а также в стенах университетов и институтов. К изучению истории Восточной Европы, прежде всего России как неотъемлемой части европейского историко-географического региона, в словацкой историографии сформировались собствен-

ные подходы. В историографических исследованиях нашли отражение как традиции славянских взаимоотношений, так и концепты новой политической реальности. Уже в первой половине XX в. научно обоснованная концепция Восточной Европы, предложенная словацкими историками, начала формироваться в рамках чехословацкого академического знания. В современной словацкой науке изучение

восточноевропейской истории является одним из ключевых направлений, о чем свидетельствуют фундаментальные архивные исследования.

Подходы словацкой историографии к изучению истории России уже выступали предметом публика-

ций Л. Гарбулевой и М. Даниша [1–3]. Данная статья преследует цель показать эволюцию оценок словацкой науки в отношении истории России в период правления Петра Великого (именно в это время словацко-русские контакты получили интенсивное развитие).

Модернизация России в петровский период в оценках словацкой историографии

Период правления Петра Великого стал предметом изучения словацкой историографии уже в XIX в., но исследования на эту тему были эпизодическими, носили научно-популярный характер и имели цель подчеркнуть историческую роль реформаторской деятельности российского императора в развитии Европы¹. Систематическая историографическая работа словацких ученых в этом направлении началась в первой половине XX в.

Одним из историков, изучавших личность Петра Великого и словацко-русские контакты в период его правления, был Е. Ю. Перфецкий². В 1921 г. он приехал в Чехословакию из России. Благодаря ходатайству профессоров В. Ягича и Л. Нидерле Е. Ю. Перфецкий был приглашен на работу в Университет Коменского, где читал курсы по истории Подкарпатской Руси, славянской истории восточноевропейского региона и истории западноевропейского Средневековья. На философском факультете он преподавал на протяжении 25 лет (вплоть до своей смерти в 1947 г.), причем начал работать в должности гостевого доцента, а после стал деканом факультета [4].

В 1925 г. была опубликована статья Е. Ю. Перфецкого о значении реформаторской политики Петра Великого для развития России. В работе автор подверг критике славянофилов и подчеркнул вклад Петра Великого в модернизацию монархии. Примечательно, что статья вышла в годовщину смерти первого российского императора [5]. В том же, 1925-м, году Е. Ю. Перфецкий опубликовал обширную статью, в которой отметил влияние идей немецкого ученого и философа Г. В. Лейбница, лично знакомого с Петром Великим, на организацию российской науки [6]. Данное исследование основывалось не только на известных, но и на новых архивных источниках. Е. Ю. Перфецкий доказал влияние Г. В. Лейбница на ход и содержание культурных и административных реформ, проводимых при Петре Великом. Не-

мецкий ученый отмечал, что древние русские институты, сохранившиеся в России, демонстрируют эффективность реформаторской политики Петра Великого [6, s. 18]. В 1927 г. Е. Ю. Перфецкий опубликовал еще одну статью, посвященную идейным взглядам научных деятелей петровской эпохи [7]. В этом тексте он уделил особое внимание идеям Г. В. Лейбница и К. Вольфа, которые во многом повлияли на реформаторскую политику российского императора в сфере науки, образования и государственного управления. В публикации был отмечен интерес русского царя к трудам славянских ученых из Богемии, Моравии, Словакии и Силезии, а также к работам чешского религиозного мыслителя и педагога Я. А. Коменского. Кроме того, внимание Петра Великого привлекли выпускники Киево-Могилянской академии (одно из первых высших учебных заведений в Восточной Европе). Выпускники этой академии Феофан Прокопович и Стефан Яворский внесли значительный вклад в реформирование церковных институтов в России в петровский период. Еще один выпускник академии Димитрий Ростовский известен своей активной культурной и духовной деятельностью в России в начале XVIII в. Продолжателями данной традиции стали украинский философ Г. С. Сковорода, русский религиозный мыслитель В. С. Соловьёв, а также русские славянофилы [7, s. 546–547].

В 1923 г. была опубликована научная работа чешского русиста и словакиста Й. Йирасека на тему словацко-русских отношений, которая имела историографическую направленность [8–10]. Й. Йирасек представил характеристику отдельных событий в истории России раннего Нового времени (в том числе периоды правления Петра Великого, Екатерины II, Александра I и Николая I), данную словацкими учеными Ф. В. Сасинеком, Я. Колларом, Л. Штуром, С. Гурбаном-Ваянским и Й. Шкултети.

¹Mladost' Petra I. Veľkého. Obrázok zo slavianskej histórie // Nár. hlásn. 1891. № 10 ; Peter I. Veľký a Francúzsko // Nár. nov. 1897. № 197 ; Peter I. Veliký, car ruský // Slov. pozorník. 1844. S. 84–91 ; Peter I. Veliký z ohľedu náboženského // Ibid. 1847. S. 107–110.

²Е. Ю. Перфецкий родился 11 апреля 1888 г. в д. Носово Холмской губернии в семье православного священника. После окончания классической гимназии в г. Седлеце в 1908 г. Е. Ю. Перфецкий занимался изучением истории в университетах таких городов, как Москва и Санкт-Петербург, под руководством А. А. Шахматова и А. Ф. Платонова (русская история), а также П. А. Лаврова и Н. В. Ястребова (история славян). Он являлся стипендиатом славянского отделения Санкт-Петербургской академии наук в Венском университете (его консультировали профессора В. Ягич, К. Иречек, О. Редлих). После защиты магистерской диссертации в 1919 г. Е. Ю. Перфецкий занял должность доцента русской истории в Киевском университете (ученое звание доцента он получил 2 сентября 1919 г.). Здесь он преподавал в 1919/20 и 1920/21 учебных годах. В этот период ученый опубликовал несколько работ по истории Подкарпатской Руси. После закрытия Киевского университета в 1921 г. он эмигрировал в Чехословакию, где работал в Университете Коменского (создан в 1919 г.).

Отражение словацко-российских научных связей первой четверти XVIII в. в исследованиях словацких историков

Представители словацкой историографии активно интересовались сюжетами словацко-российских отношений XVIII в., изучая жизнь и деятельность словаков в Российском государстве и жизнь русских на землях словацкой части Венгерского королевства. В эпоху Просвещения активизировались словацко-русские научные контакты в сфере медицины. Словацкие врачи, получившие образование за рубежом, добились серьезных результатов в области акушерства, фармакологии, эпидемиологии. Об этом свидетельствует успешная работа многих из них в России. Петр Великий, а после него и другие царствующие особы приглашали в страну иностранных специалистов, предлагая им выгодные финансовые условия. Многие словацкие врачи соглашались на эти предложения и уезжали в Россию.

Одним из первых приехал врач Я. Миллетер, уроженец с. Спишске Влахи. В 1718 г. он приехал в Санкт-Петербург в целях создания минералогической коллекции. Через год по неизвестным причинам он вернулся на родину [11, s. 98].

Основы словацко-российских научных контактов были заложены уже в первой половине XVIII в., о чем свидетельствует корреспонденция представителей Венгерского королевства М. Бела и С. Муковини с петербургскими академиками Т. С. Байером, Х. Гольдбахом и И. Г. Гmeliным [12]. Ряд писем из данной корреспонденции опубликованы Я. Ваврой [13; 14]. Наиболее ранним известным фактом переписки М. Бела и Т. С. Байера стали письма, представленные в 1735 г. в 1-м томе документальной работы М. Бела «*Adparatus ah historiam Hungariae sive Collectio miscella monumentorum indeditorum partim, partim editorum, sed fungentium*» («Подготовительные материалы по истории Венгрии, или Собрание различных памятников, частично неопубликованных, частично опубликованных»³). В данной работе М. Бел провел критический анализ важных исторических источников XVI–XVII вв.

Значение Санкт-Петербурга как нового европейского научного центра М. Бел осмыслил одним из

первых. Обмен письмами между М. Белом и Х. Гольдбахом зафиксирован еще во время нахождения последнего на территории Словакии в 1722–1723 гг.⁴ Тогда М. Бел отправил Х. Гольдбаху первые два письма. Позднее они были опубликованы Я. Ваврой. Таким образом, первый задокументированный словацко-российский научный контакт был датирован 1722 г. [14, s. 217–218]. Ранее же считалось, что первым адресатом писем М. Бела являлся Т. С. Байер. Анализ двух писем подтверждает, что в Венгерское королевство Х. Гольдбах привел научный интерес к рудникам горных городов Словакии. В ходе своего путешествия Х. Гольдбах находился в Братиславе с сентября по декабрь 1722 г. С сентября 1723 г. по январь 1724 г. он останавливался в таких городах, как Банска-Бистрица и, вероятно, Банска-Штьявница.

Переписка М. Бела демонстрирует его желание включить зарождающуюся на рубеже эпохи барокко и Просвещения словацкую науку в пространство европейского академического знания. В конце XVII – начале XVIII в. наука и образование на территории Венгерского королевства и всей Габсбургской монархии находились под влиянием ордена иезуитов, который имел цель оборвать все связи ученых с зарубежными коллегами. М. Бел стремился противостоять этой изоляции и создать предпосылки для восстановления международных научных контактов словаков. По этой причине он обратил внимание на Россию, которая благодаря реформаторской активности Петра Великого устанавливала связи преимущественно с не католической Европой. Переписка М. Бела с академиками петровской эпохи, многие из которых были выходцами из протестантских немецких регионов, свидетельствует о просветительском характере инициативы словацкого ученого [15].

В 1969 г. была опубликована научно-просветительская статья словацкого медиевиста А. Авенариуса, посвященная жизни и реформаторской деятельности Петра Великого [16].

Внешнеполитический контекст словацко-российских отношений в период правления Петра Великого в словацкой историографии

Рельефным сюжетом словацко-российских связей является визит Петра Великого в Братиславу (18–20 июня 1698 г.) в ходе его европейского путешествия. Хроника Прессбурга не сохранила каких-либо упоминаний данного события. Вероятно, это связано с тем, что царь путешествовал инкогнито,

под именем Петра Михайлова. В начале марта 1697 г. Великое посольство отправилось в свой почти 500-дневный путь. Главными целями дипломатической миссии были ознакомление с политической ситуацией в Западной Европе и получение сведений о научных технологиях в промышленности,

³Здесь и далее перевод наш. – М. Д.

⁴С 1725 г. Х. Гольдбах был профессором математики в Петербургской академии наук. Кроме того, там же он выполнял обязанности секретаря и советника. В 1742 г. Х. Гольдбах перешел на службу в Коллегию иностранных дел Российской империи.

инженерии и военном деле. Результат визита Петра Великого в Англию и Нидерланды был не совсем положительным. После царь направился в Вену, где в это время велись предварительные мирные переговоры между императором Священной Римской империи Леопольдом I Габсбургом и турецким султаном Мустафой II. После посещения Праги и Зноймо свита русского царя направилась в городок Штоккерау в окрестностях Вены, где произошла первая встреча Петра Великого с габсбургскими дипломатами (11 июня 1698 г.). Габсбурги уже приняли решение подписать мир. Представитель габсбургского правительства верховный канцлер Чешского королевства князь Франц де Паула Ульрих Кински дал понять русской стороне, что интересы России как союзника Австрии по Священной лиге не пострадают и это будет гарантировано сохранением подконтрольных ей территорий. В то же время русская сторона была настроена на продолжение боевых действий на Балканах. В результате подписания Карловицкого мирного договора 26 января 1699 г. антиосманский союз Священной лиги, включавший с 1684 г. Польшу, Австрию, Венецианскую республику, а с 1686 г. и Русское царство, прекратил свое существование.

Таким образом, дипломатическая миссия российского правителя закончилась неудачей и в Вене. Петр Великий сосредоточился на других задачах. Он посетил Братиславу, являвшуюся на тот момент столицей Венгерского королевства. В ходе визита наибольший интерес Петра Великого вызвали дунайская речная флотилия и пресбургская верфь, где строились речные корабли. Развитие речного судоходства было важной стратегической задачей обширного Российского государства. Кораблестроительный цех в Прессбурге, существовавший почти 400 лет, обладал богатым опытом в создании речных судов. Сопровождавший Петра Великого представитель габсбургского двора патер Фридрих Вольф фон Людинггаузен (бывший духовник императора Леопольда I) курировал вопросы строительства и реорганизации флота на Дунае и мог проконсультировать русского царя по поводу речного кораблестроения.

Поскольку адмирал дунайской флотилии был выходцем из Голландии, а среди моряков было немало голландцев, Петр Великий не нуждался в услугах переводчика. Мастера братиславской верфи специализировались на строительстве небольших 12-пушечных кораблей галерного типа, предназначенных для малых экипажей. Такие корабли были гораздо быстрее и маневреннее, чем 50- или 60-пушечные суда. Внимание Петра Великого привлек и пресбургский арсенал, где хранились военное снаряжение, парусина, канаты, якоря и другие материалы для кораблестроения.

Путешествие Петра Великого из Вены в Братиславу также проходило по Дунаю. Недавняя столи-

ца Венгерского королевства (до 1684 г.) имела особый статус, так как являлась резиденцией примаса Венгрии и архиепископа Эстергома и насчитывала 25 тыс. жителей. Записи городской хроники за 1698 г. утеряны, а хроника Братиславы не содержит информации о визите Петра Великого, однако в источниках сохранились сведения о посещении русским царем полководца графа Яноша Пальфи. Знакомство с ним император мог совершить в Вене. Кроме того, еще в Вене Петр Великий принял от братиславского городского главы приглашение посетить его имение – замок в Ступаве у подножия Малых Карпат. Вскоре Великое посольство настигла новость о начале стрелецкого восстания в Москве, поэтому запланированный визит царя в Венецию был отменен [17].

Еще один сюжет словацко-российского сотрудничества связан с антигабсбургским сословным восстанием (1703–1711) под руководством трансильванского князя Ференца II Ракоци. В словацкой историографии данное событие изучено достаточно подробно. В контексте его исследования затрагивается проблематика международной политики начала XVIII в., в частности отношения петербургского двора к событиям в Венгрии и к личности руководителя мятежа. Сословное восстание было описано в материалах петербургской газеты «Ведомости» за 1703–1707 гг. Самое раннее упоминание о Ференце II Ракоци содержится в одном из выпусков газеты за октябрь 1703 г. Боевые действия в ходе восстания происходили преимущественно на землях современной Словакии, что нашло отражение в газетных публикациях. Последние хоть не являются первостепенными источниками информации, связанной с историей восстания, но показывают дипломатическую заинтересованность петровской России к событиям в Карпато-Дунайском регионе в начале XVIII в. После заключения Сатмарского мирного договора 1711 г. российский правитель предложил Ференцу II Ракоци и его сподвижникам переехать в Россию. Трансильванский князь отверг это предложение и предпочел эмигрировать в Турцию. Тем не менее интерес российской периодики петровского времени к князю оставался заметным и после указанных событий.

Сословное восстание Ференца II Ракоци повлияло на антигабсбургскую дипломатию многочисленных противников Австрии и других стран Европы, в том числе петровской России, которая, вступив в конфронтацию со Швецией и Османской империей, продолжала пристально следить за событиями в Венгрии. Словацкая историография содержит большое количество сведений на эту тему. Приведем лишь некоторые работы словацких историков, которые демонстрируют широту проблем, связанных с данными событиями [18–30]. Изучая самые разные аспекты международных отношений этого периода,

особое внимание словацкие историки уделяли исследованию позиции Российского государства. Еще в 1930 г. А. Гашпарикова подготовила научную работу, в которой дала характеристику отношениям Ференца II Ракоци и российских властей [31]. Многие выводы, представленные в публикациях, сохранили значение до настоящего времени.

Интерес современной словацкой историографии к словацко-российским связям в контексте словенского восстания носит скорее периферийный характер и затрагивает прежде всего переговоры с трансильванским князем по поводу его избрания на польский королевский трон в 1707 г., а также касательно попыток повстанцев заручиться военной и дипломатической поддержкой России накануне подписания Сатмарского мирного договора в 1711 г. [32, s. 386–392]. Подробный научный анализ этих сюжетов представлен в более ранних публикациях автора данной статьи [33–34].

Связи российских дипломатов с Ференцем II Ракоци в 1760-х гг. детально исследовали историки Г. Виктори и Й. Минарик. Они сосредоточили внимание на путешествии суперинтенданта венгерской евангелической церкви Д. Крмана в Речь Посполитую и Россию в 1708–1709 гг. Данная миссия направилась к королю Швеции Карлу XII, которому Петр Великий противостоял в ходе Северной войны [35, s. 7–54].

Д. Крман был выходцем из словацкой лютеранской семьи. В 1706 г. на синодальном собрании словацких евангеликов он был избран суперинтендантом лютеранской церкви Венгерского королевства. Д. Крман пытался инициировать открытие в Словакии публичных библиотек, книжных лавок и типографии, а также учредить в Прешове университет. С целью получить финансовую поддержку для осуществления этих планов лютеранский синод принял решение направить миссию в северные протестантские страны – Пруссию и Швецию. В состав делегации вошли Д. Крман и представитель словацкого дворянства С. Подгорский. Поскольку шведский монарх Карл XII вел боевые действия против Петра Великого на территории современной восточной Беларуси и Украины, туда направились словацкие посланники. Пройдя через земли Пруссии и Речи Посполитой,

они прибыли в лагерь шведского короля в Могилёве [36, s. 16–39]. На официальных приемах Д. Крман добился успеха: словацким протестантам была обещана материальная и политическая поддержка. Однако из-за опасностей военного характера дипломатам пришлось продолжить путь со шведским войском до Полтавы, откуда после поражения шведов они вернулись на родину через Молдавию и Закарпатье.

Путевые записи Д. Крмана впервые были опубликованы в многотомном документальном издании, посвященном истории Венгерского королевства. В источнике представлено уникальное описание Северной войны и Полтавской битвы 1709 г., а также многих других событий из истории России и Украины начала XVIII в. [35; 37].

Повествуя, например, о ходе Северной войны, Д. Крман отмечает роль женщин в обороне Веприка – небольшой крепости на Полтавщине: «Стоя на крепостном валу, они обливали кипятком и осыпали градом камней поднимавшихся по штурмовым лестницам шведов. Когда же Веприк пал, победители зарубили женщин мечами» [35, s. 426].

Во время путешествия, длившегося почти два года, Д. Крман делал записи своих наблюдений. Он фиксировал сведения, касающиеся истории, географии, этнографии, особенностей быта, языка, привычек, традиций и религиозных практик отдельных народов⁵. Свои наблюдения Д. Крман сопровождал оригинальной оценкой. В ходе путешествия он занимался освоением русской грамоты по кириллическим книгам [36, s. 73]. Находясь при штабе шведского монарха, Д. Крман и его спутник С. Подгорский имели возможность регулярно общаться с кругом доверенных лиц и союзников Карла XII. Наблюдения Д. Крмана содержат яркие характеристики русского царя Петра Великого, шведского короля Карла XII, украинского гетмана И. С. Мазепы, трансильванского князя Ференца II Ракоци и многих других знаменитых исторических личностей начала XVIII в. [37, s. 37–38; 38]. В Словакии путевые записки Д. Крмана считаются не только уникальным источником исторических сведений, но и ярким произведением барочной литературы.

К истории изучения экономических связей словацких земель и России в первой четверти XVIII в.

В словацкой историографии теме экономических отношений России и Венгерского королевства в период правления Петра Великого пока не уделяется достаточно внимания. Она частично отражена в одной из статей автора [39], где рассказы-

вается о систематическом ввозе венгерского вина в Россию в начале XVIII в. Так, Петр Великий неоднократно направлял в Венгрию своих людей для покупки вина. Для защиты интересов своих купцов за границей он учредил российские торговые

⁵Приведем некоторые выдержки из описаний Д. Крмана: «Мы ночевали под открытым небом недалеко от бани. Некоторые из нас, избавившись от стыда, решились в нее войти и попариться. Это была очень темная халупка с небольшим медным котлом и несколькими раскаленными камнями. Камни следовало поливать водой... Это была знаменитая парная баня. <...> В с. Лукнов местные жители поднесли своему воеводе (И. С. Мазепе. – М. Д.) и королю (шведскому королю Карлу XII. – М. Д.) хлеб и соль с рыбой, медом и сыром» [36, s. 36, 69].

консульства. В Вене такое консульство было создано в 1718 г. [40].

В 1716 г. в Венгерское королевство для покупки вина был направлен грек С. Горгорович. Находясь в Ярославле, он отправил в Москву канцлеру графу Г. И. Головкину «список товаров, необходимых для покупки вин в Венгрии: 2000 или 1000 лисиц ленских, 3000 лисиц колских красных, 300 лисиц подсибирских, 150 лисиц бурых хребтовых, 1000 пудов юфти, 30 000 белок, соболей несколько пар, драгоценные камни разные, 1000 рублей» [39, с. 37]. За эти товары С. Горгорович купил в Венгрии 165 анталов и 89 бочек вина. Для провоза вина через территорию Венгерско-

го королевства он воспользовался услугами местных извозчиков – фурманов⁶, которым заплатил 1153 тынфов⁷. Особый интерес представляют знаки для каждого сорта вина. Знак указывал на область, где вино созрело или было куплено. В источнике указывается, что через год С. Горгорович снова отправился в Венгрию за вином. В своем письме от 12 декабря 1717 г. он рассказывает об очень слабом урожае винограда по причине дождей. Те люди, которые покупали виноград год назад в количестве 100 бочек, «в этом году едва ли 20 могли купить, а еще виноград был на деревьях и платили вперед за бочку хорошего по 300–350 тынфов» [39, с. 41].

Заключение

В современной словацкой историографии период правления Петра Великого отражен не только в указанных публикациях, но и в ряде обзорных и аналитических работ, посвященных истории Европы XVIII в. Содержание этих источников не стало предметом настоящего исследования, поскольку они не являются работами фундаментального характера (это, например, учебники, научно-популярные и компаративные работы, в которых использованы результаты анализа, проведенного иностранными авторами).

Интерес словацких ученых к рассматриваемому периоду российской истории очевиден. До образования Чехословацкого государства исторические работы, публикуемые в словацких периодических изданиях, носили скорее просветительский характер и выступали отражением традиций славянской

взаимности. В межвоенный период основной интерес словацких ученых к петровскому периоду был обусловлен активной научной деятельностью представителей российской академической науки в эмиграции (главной фигурой здесь выступает Е. Ю. Перфецкий). В социалистический период исследование научных, культурных и политических словацко-российских связей происходило в рамках тренда на изучение общих сюжетов в истории дружественных славянских народов. За это время была создана серьезная источниковая и фактологическая база, которая в постсоциалистический период позволила рассматривать опыт словацко-российских отношений как с позиции славянской взаимности, так и с позиции исторической памяти о культурном сотрудничестве двух стран в публичном дискурсе современной Словакии.

Библиографические ссылки

1. Harbuľová L. Slovenská povojnová historiografia o ruských a sovietskych dejinách 20. storočia. V: Veber V, redaktor. *Ruské a sovietské dejiny v českej poválečnej historiografii*. Praha: Karolinum pro Hist. ústav AV ČR; 1996. s. 81–94.
2. Daniš M. Dejiny Ruska v slovenskej a českej historiografii (1918–1938). *Acta historica Posoniensia*. 2018;35:129–165.
3. Гарбулева Л. История России до конца XVIII века в исследованиях словацких и чешских историков в 2000–2020 гг. *RussianStudiesHu*. 2022;1:109–122. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.3.
4. Daniš M. Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy. *Acta historica Posoniensia*. 2015;29:20–28.
5. Perfeckij EYu. Car Peter Veliký ako reformátor štátu. *Prúdy*. 1925;5:290–294.
6. Perfeckij EYu. Car Petr I. a Leibniz. *Sborník filozofickej fakulty University Komenského*. 1925;8:1–22.
7. Perfeckij EYu. Myšlienkové Rusko v dobe cára Petra I. a pozdejšie. *Prúdy*. 1927;10:541–548.
8. Jirásek J. Slováci a Rusko (časť 1). *Prúdy*. 1923;7:325–334.
9. Jirásek J. Slováci a Rusko (časť 2). *Prúdy*. 1923;8:395–402.
10. Jirásek J. Slováci a Rusko (časť 3). *Prúdy*. 1923;9–10:441–461.
11. Tibenský J. *Dejiny vedy a techniky na Slovensku*. Martin: Osveta; 1979. 534 s.
12. Кулябко ЕС. К истории словацко-русских научных связей в XVIII в. В: Берков ПН, Серман ИЗ, редакторы. *Русская литература XVIII века и другие славянские литературы*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. с. 168–171.
13. Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I. *Historické štúdie*. 1963;8:199–240.
14. Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům II. *Historické štúdie*. 1967;7:211–224.
15. Даниш М. Из истории словацко-российских связей в 18 веке. *Zanad – Vostok*. 2017;10:20–47. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-20-47.
16. Avenarius A. Peter Veľký. *Príroda a spoločnosť*. 1969;6:12–15.
17. Даниш М. Петр I в городе на Дунае. *Девин*. 2017;2:79–82.

⁶Извозничество было широко распространено среди словацкого населения.

⁷Так называлась польская полусеребряная монета, которая чеканилась во Львове, Быдгоще и, возможно, Кракове.

18. Haraksim L. Slovenská účasť v protihabsburských povstaniach v druhej polovici 17. storočia a na začiatku 18. storočia. V: Bahurinská L, redaktor. *Príspevky k dejinám východného Slovenska*. Bratislava: Slovenská akadémia vied; 1964. s. 157–167.
19. Horváth P. O účasti poddaných v protihabsburských povstaniach. *Historický časopis*. 1979;3:357–368.
20. Kočíš J. Príspevok k vzťahu Rákócziho Františka II. k Slovensku (Turčianska stolica a Onódsky snem). *Historický časopis*. 1978;2:272–282.
21. Kónya P. Onódsky snem v kontexte udalostí povstania Františka II. Rákócziho. V: Dzuriak K, Čaplovič D, Uličný F, Kohútová M, Kónya P, Segeš V, et al., redaktori. *Memorialis historický spis slovenských stolíc*. Martin: Slovenská národná knižnica; 2008. s. 27–41.
22. Kónya P. *Prešov, Bardejov a Sabinov počas protireformácie a protihabsburských povstaní (1670–1711)*. Prešov: Biskupský úrad Východného distriktu Evanjelickej cirkvi a. v. na Slovensku; 2000. 225 s.
23. Kónya P. *Za Boha, vlast a slobodu. Pohnuté osudy kuruckého generála Juraja Ottlyka*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity; 2009. 336 s.
24. Mesároš J. *Uhorsko, spoluzitie jeho národov*. Bratislava: Kubko Goral; 1996. 46 s.
25. Mrva I. Hlavné príčiny povstania Františka II. Rákócziho roku 1703. *Historický časopis*. 1994;4:640–660.
26. Mrva I. Kurucká vojna na Slovensku a jej dôsledky v rokoch 1704–1711. *Historický časopis*. 1996;4:583–611.
27. Špiesz A. Absolutistické snahy Habsburgovcov a uhorské stavy v druhej polovici 17. a na začiatku 18. storočia. *Historický časopis*. 1979;2:279–295.
28. Varsík B. Národnostný profil Uhorska a národnostné aspekty protihabsburského odboja. *Historický časopis*. 1978;1:63–75.
29. Vozár J, Kohútová M. *Hospodárske dejiny Slovenska 1526–1848*. Bratislava: Veda; 2006. 160 s.
30. Vozár J. Baníctvo na Slovensku v čase protihabsburských povstaní. *Historický časopis*. 1985;1:85–98.
31. Gašparíková A. *Povstanie Rákócziho a Slovania*. Bratislava: Filozofickej fakulty Univerzity Komenského; 1930. 94 s.
32. Kónya P, Mrva I, Gurnák D. *Dejiny Uhorska*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity; 2013. 787 s.
33. Даниш М. Сословное восстание под руководством Ференца Ракоци Второго в контексте российской дипломатии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020;3:865–882. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2020.310.
34. Daniš M. Stavovské povstanie Františka II. Rákócziho v ruskej periodickej tlači v rokoch 1703–1707. V: Kónya P, redaktor. *Povstanie Františka II. Rákócziho 1703–1711 (v novšom priblížení)*. Prešov: Prešovská univerzita; 2005. s. 247–255.
35. Krman D. *Itinerárium: cestovný denník z rokov 1708–1709*. Bratislava: Slovenská akadémia vied; 1969. 975 s.
36. Krman D. *Itinerárium: cestovný denník (1663–1740)*. Bratislava: Tatran; 1984. 216 s.
37. Даниш М. Словакия и Россия в записках словацких и российских путешественников XVIII века. *Запад – Восток*. 2016;9:36–44.
38. Daniš M. *Slovensko, husári a cárovní*. Bratislava: Stimul; 1992. 131 s.
39. Даниш М. Словакия в венгерско-российских экономических отношениях в XVIII в. *Российские и славянские исследования*. 2016;11:36–43.
40. Уляницкий ВА. *Русские консульства за границей в XVIII в. Часть 1*. Москва: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля; 1899. 879 с.

References

1. Harbuľová L. Slovenská povojnová historiografia o ruských a sovietskych dejinách 20. storočia. V: Veber V, redaktor. *Ruské a sovietské dejiny v českej poválečnej historiografii*. Praha: Karolinum pro Hist. ústav AV ČR; 1996. s. 81–94.
2. Daniš M. Dejiny Ruska v slovenskej a českej historiografii (1918–1938). *Acta historica Posoniensia*. 2018;35:129–165.
3. Harbuľová L. History of Russia until the end of the 18th century in the studies of Slovak and Czech historians in 2000–2020. *RussianStudiesHu*. 2022;1:109–122. Russian. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.3.
4. Daniš M. Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy. *Acta historica Posoniensia*. 2015;29:20–28.
5. Perfeckij EYu. Car Peter Veliký ako reformátor štátu. *Prúdy*. 1925;5:290–294.
6. Perfeckij EYu. Car Petr I. a Leibniz. *Sborník filozofickej fakulty University Komenského*. 1925;8:1–22.
7. Perfeckij EYu. Myšlienkové Rusko v dobe cára Petra I. a pozdejšie. *Prúdy*. 1927;10:541–548.
8. Jirásek J. Slováci a Rusko (časť 1). *Prúdy*. 1923;7:325–334.
9. Jirásek J. Slováci a Rusko (časť 2). *Prúdy*. 1923;8:395–402.
10. Jirásek J. Slováci a Rusko (časť 3). *Prúdy*. 1923;9–10:441–461.
11. Tibenský J. *Dejiny vedy a techniky na Slovensku*. Martin: Osveta; 1979. 534 s.
12. Kulyabko ES. [On the history of Slovak-Russian scientific relations in the 18th century]. In: Berkov PN, Serman IZ, editors. *Russkaya literatura XVIII veka i drugie slavyanskije literatury* [Russian literature of the 18th century and other Slavic literatures]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1963. p. 168–171. Russian.
13. Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I. *Historické štúdie*. 1963;8:199–240.
14. Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům II. *Historické štúdie*. 1967;7:211–224.
15. Daniš M. From the Slovak-Russian ties in the 18th century. *West – East*. 2017;10:20–47. Russian. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-20-47.
16. Avenarius A. Peter Velký. *Príroda a spoločnosť*. 1969;6:12–15.
17. Daniš M. [Peter the Great in the city on the Danube]. *Devin*. 2017;2:79–82. Russian.
18. Haraksim L. Slovenská účasť v protihabsburských povstaniach v druhej polovici 17. storočia a na začiatku 18. storočia. V: Bahurinská L, redaktor. *Príspevky k dejinám východného Slovenska*. Bratislava: Slovenská akadémia vied; 1964. s. 157–167.
19. Horváth P. O účasti poddaných v protihabsburských povstaniach. *Historický časopis*. 1979;3:357–368.
20. Kočíš J. Príspevok k vzťahu Rákócziho Františka II. k Slovensku (Turčianska stolica a Onódsky snem). *Historický časopis*. 1978;2:272–282.

21. Kónya P. Onódsky snem v kontexte udalostí povstania Františka II. Rákócziho. V: Dzuriak K, Čaplovič D, Uličný F, Kohútová M, Kónya P, Segeš V, et al., redaktori. *Memorialis historický spis slovenských stolíc*. Martin: Slovenská národná knižnica; 2008. s. 27–41.
22. Kónya P. *Prešov, Bardejov a Sabinov počas protireformácie a protihabsburských povstaní (1670–1711)*. Prešov: Biskupský úrad Východného dištriktu Evanjelickej cirkvi a. v. na Slovensku; 2000. 225 s.
23. Kónya P. *Za Boha, vlasť a slobodu. Pohnuté osudy kuruckého generála Juraja Ottlyka*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity; 2009. 336 s.
24. Mesároš J. *Uhorsko, spoluzitie jeho národov*. Bratislava: Kubko Goral; 1996. 46 s.
25. Mrva I. Hlavné príčiny povstania Františka II. Rákociho roku 1703. *Historický časopis*. 1994;4:640–660.
26. Mrva I. Kurucká vojna na Slovensku a jej dôsledky v rokoch 1704–1711. *Historický časopis*. 1996;4:583–611.
27. Špiesz A. Absolutistické snahy Habsburgovcov a uhorské stavy v druhej polovici 17. a na začiatku 18. storočia. *Historický časopis*. 1979;2:279–295.
28. Varsík B. Národnostný profil Uhorska a národnostné aspekty protihabsburského odboja. *Historický časopis*. 1978;1:63–75.
29. Vozár J, Kohútová M. *Hospodárske dejiny Slovenska 1526–1848*. Bratislava: Veda; 2006. 160 s.
30. Vozár J. Baníctvo na Slovensku v čase protihabsburských povstaní. *Historický časopis*. 1985;1:85–98.
31. Gašparíková A. *Povstanie Rákócziho a Slovania*. Bratislava: Filozofickej fakulty Univerzity Komenského; 1930. 94 s.
32. Kónya P, Mrva I, Gurnák D. *Dejiny Uhorska*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity; 2013. 787 s.
33. Daniš M. The uprising of Francis Rákóczi the Second in the context of Russian diplomacy. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020;3:865–882. Russian. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2020.310.
34. Daniš M. Stavovské povstanie Františka II. Rákócziho v ruskej periodickej tlači v rokoch 1703–1707. V: Kónya P, redaktor. *Povstanie Františka II. Rákócziho 1703–1711 (v novšom priblížení)*. Prešov: Prešovská univerzita; 2005. s. 247–255.
35. Krman D. *Itinerárium: cestovný denník z rokov 1708–1709*. Bratislava: Slovenská akadémia vied; 1969. 975 s.
36. Krman D. *Itinerárium: cestovný denník (1663–1740)*. Bratislava: Tatran; 1984. 216 s.
37. Daniš M. Slovakia and Russia in notes of Slovak and Russian travelers of the 18th century. *East – West*. 2016;9:36–44. Russian.
38. Daniš M. *Slovensko, husári a cárovná*. Bratislava: Stimul; 1992. 131 s.
39. Daniš M. Slovakia in Hungarian-Russian economic relations in the 18th century. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya*. 2016;11:36–43. Russian.
40. Ulyanitskii VA. *Russkie konsul'stva za granitsej v XVIII v. Chast' I* [Russian consulates abroad in the 18th century. Part 1]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya; 1899. 879 p. Russian.

Получена 11.12.2023 / исправлена 10.04.2024 / принята 11.04.2024.
Received 11.12.2023 / revised 10.04.2024 / accepted 11.04.2024.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 94.902.904

РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В УЗБЕКИСТАН

Б. В. ЭШКУВАТОВ¹⁾

¹⁾Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека,
ул. Университетская, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекистан

Аннотация. Отмечается, что согдийская культура имеет почти двухвековую историю, однако многие ее сюжеты остаются малоизученными, в частности распространение христианства среди местного населения. Освещаются вопросы появления и распространения христианства на территории Узбекистана. Подчеркивается, что проникновение христианства в этот регион связано с именем апостола Фомы. Описывается влияние христиан на развитие историко-культурных процессов в Средней Азии, а также установление политических, религиозных и социокультурных связей местного населения с жителями Среднего Востока и Ближнего Востока. Исследуются археологические памятники Узбекистана, свидетельствующие о появлении христианства в среднеазиатском обществе. Анализируется роль письменных источников и археологических находок, подтверждающих распространенность христианства в Самарканде, Хорезме, Ташкенте. На основе проведенных археологических исследований показывается взаимодействие христианской и согдийской культур, а также формирование новой синкретичной культуры.

Ключевые слова: христианство в Средней Азии; раннехристианские общины в Узбекистане; христианская митрополия в Самарканде; согдийская культура; поселение Суфьян; поселение Афрасиаб; христианские памятники Хорезма.

Образец цитирования:

Эшкуватов БВ. Роль археологических исследований в изучении проникновения христианства в Узбекистан. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;2:58–67.
EDN: XWCUEL

For citation:

Eshkuvatov BV. The role of archaeological research in the study of the penetration of Christianity into Uzbekistan. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;2: 58–67. Russian.
EDN: XWCUEL

Автор:

Бобир Валикул Эшкуватов – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры всемирной истории исторического факультета.

Author:

Bobir V. Eshkuvatov, PhD (history); senior lecturer at the department of world history, faculty of history.
bobir_eshkuvatov@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-5759-1140>

РОЛЯ АРХЕОЛОГІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ У ВЫВУЧЭННІ ПРАНІКНЕННЯ ХРЫСЦІЯНСТВА ВА ЎЗБЕКІСТАН

Б. В. ЭШКУВАТАЎ^{1*}

^{1*} *Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека,
вул. Універсітэцкая, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекістан*

Анотацыя. Адзначаецца, што сагдыйская культура мае амаль двухвекавую гісторыю, аднак многія яе сюжэты застаюцца малавывучанымі, у прыватнасці распаўсюджванне хрысціянства сярод мясцовага насельніцтва. Асвятляюцца пытанні з'яўлення і распаўсюджвання хрысціянства на тэрыторыі Узбекістана. Падкрэсліваецца, што пранікненне хрысціянства ў гэты рэгіён звязана з імем апостала Фамы. Апісваецца ўплыў хрысціян на развіццё гісторыка-культурных працэсаў у Сярэдняй Азіі, а таксама ўсталяванне палітычных, рэлігійных і сацыякультурных сувязей мясцовага насельніцтва з жыхарамі Сярэдняга Усходу і Блізкага Усходу. Даследуюцца археалагічныя помнікі Узбекістана, якія сведчаць пра з'яўленне хрысціянства ў сярэднеазіяцкім грамадстве. Аналізуецца роля пісьмовых крыніц і археалагічных знаходак, якія пацвярджаюць распаўсюджванне хрысціянства ў Самаркандзе, Харэзме, Ташкенце. На аснове праведзеных археалагічных даследаванняў паказваецца ўзаемадзеянне хрысціянскай і сагдыйскай культур, а таксама фарміраванне новай сінкрэтычнай культуры.

Ключавыя словы: хрысціянства ў Сярэдняй Азіі; раннехрысціянскія абшчыны ва Узбекістане; хрысціянская мітраполія ў Самаркандзе; сагдыйская культура; паселішча Суфіян; паселішча Афрасіаб; хрысціянскія помнікі Харэзма.

THE ROLE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE STUDY OF THE PENETRATION OF CHRISTIANITY INTO UZBEKISTAN

B. V. ESHKUVATOV^a

^a *National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
4 Universitetskaya Street, Tashkent 100174, Uzbekistan*

Abstract. It is noted that the Sogdian culture has almost two centuries of history, but many of its subjects remain poorly understood, for example, the spread of Christianity among the local population. The issues of the emergence and spread of Christianity in Uzbekistan are highlighted. It is emphasised that the penetration of Christianity into this region is associated with the name of the Apostle Thomas. The article describes the influence of Christians on the development of historical and cultural processes in Central Asia, the establishment of political, religious and socio-cultural ties between the local population and the inhabitants of the Middle East and Near East. The archaeological sites of Uzbekistan, testifying to the emergence of Christianity in Central Asian society, are being investigated. The role of written sources and archaeological finds confirming the prevalence of Christianity in Samarkand, Khorezm, and Tashkent is analysed. Based on the conducted archaeological research, the interaction of Christian and Sogdian cultures and the formation of a new syncretic culture are shown.

Keywords: Christianity in Central Asia; early Christian communities in Uzbekistan; Christian metropolis in Samarkand; Sogdian culture; Sufi settlement; Afrasiab settlement; Christian monuments of Khorezm.

Введение

Христианство, которое является одной из самых распространенных религий, занимает особое место в духовной и культурной жизни народов Центральной Азии. В религиозных преданиях возникновение и развитие христианских общин в Средней Азии, в частности на территории Узбекистана, связано с именем апостола Фомы. В церковных текстах отмечается, что христианство проникло на территорию Узбекистана через Византию и Иран в III–IV вв. вместе с торговыми караванами. Археологические памятники Узбекистана – городища Суфиян и Куштепа (Самаркандская область), Шулукутепа (Каш-

кадарьинская область), Миздахкан (Хорезмская область) – свидетельствуют о значительной роли христианства в среднеазиатском обществе.

Распространенность христианства в Узбекистане подтверждают результаты археологических раскопок в центральных, западных и южных районах Согда – древней исторической области в Центральной Азии. В ходе исследований, проведенных В. В. Бартольдом, Л. В. Вяткиным, М. Е. Массоном, Л. И. Альбаумом и другими археологами, были обнаружены исторические памятники, связанные с христианской религией. Описание этих памятников представлено в работах

Ю. Ф. Бурякова, Г. А. Путаchenковой, А. А. Раимкулова, Л. И. Альбаума, Э. В. Ртвеладзе, А. А. Грициной. Условия проникновения христианства в Узбекистан в контексте истории Центральной Азии, экономические, культурные и политические факторы распространения этой религии, а также особенности возведения христианских археологических объектов исследовали П. Л. Карло, А. В. Савченко, Г. П. Иванов, А. А. Михеева, Б. Б. Ашуров.

Установление места христианства в системе верований народов Центральной Азии, изучение его влияния на образ жизни и формирование ценностей

местного населения, классификация археологических памятников, связанных с проникновением христианства в этот регион, являются актуальными задачами узбекской исторической науки. Целями настоящей статьи выступают анализ роли археологических исследований в изучении распространения христианства в Узбекистане и описание влияния данной религии на духовную и культурную жизнь местного населения.

В ходе подготовки статьи были использованы ретроспективный, историко-типологический, историко-хронологический и сравнительно-исторический методы исследования.

Основная часть

Фактором распространения христианства в Центральной Азии были не только гонения христиан в Римской империи, но и активизация торговых связей, установившихся благодаря маршруту Великого шелкового пути. Первые общины христиан в Центральной Азии состояли преимущественно из представителей торгово-ремесленного сословия и формировались на территориях, где было хорошо развито сельское хозяйство, а именно в районах Мургаба, Шаша, Тохаристана и Согда. В эти места христиан привлекала возможность успешно заниматься торговлей и другой коммерческой деятельностью. Кроме того, появившиеся в регионе христианские общины имели свободу в выборе религии. Местное население с гостеприимством относилось к христианам, считая их миролюбивыми миссионерами и отличными посредниками в развитии внешних торговых связей.

Точных сведений о появлении первых христианских общин и миссионеров в Центральной Азии нет. В церковных преданиях указано лишь то, что распространение христианства в Индии и соседних странах связано с именем апостола Фомы. Он проповедовал христианство не только среди индийцев, но и среди бактрийцев и парфян, которые считаются древними предками центральноазиатских народов. Истинность этого предания может быть подтверждена тем, что представители современных индийских христианских общин называют себя христианами апостола Фомы [1, с. 27].

Известно, что апостол Фома, проповедуя христианство, совершал дальние странствия. Двигаясь по южной ветви Великого шелкового пути, соединявшей Малую Азию с Центральной Азией, он пересек территорию современного Ирана и обосновался в Мервском оазисе, а именно в богатом городе Антиохия Маргианская. Продолжая свою проповедническую деятельность, апостол Фома дошел с купеческим караваном до Хорезма и оттуда направился в Мавераннахр. Далее он присоединился к каравану индийских купцов и продолжил свой миссионерский путь. В повествовании Ипполита о деятельности апостолов IV в. приводятся сведения о том, что апостол Фома распространял христианство среди «парфян,

мидян, персов, гирканцев, бактрийцев и маргианцев» [2, с. 62–63]. Кроме того, письменные исторические источники свидетельствуют о том, что проповедническую деятельность в Центральной Азии вел и апостол Андрей.

Согласно научным данным христианские общины, возникшие в Византии, Сирии, Палестине и Иране в III–IV вв., распространились на территорию Узбекистана через торговые пути. В то время важную роль в международной торговле играли согдийские купцы. Развитие торговых отношений способствовало активному культурному обмену. В рамках такого взаимодействия распространение получали и религиозные взгляды и идеи.

О том, что на территорию Узбекистана христианство проникло через Мерв, свидетельствуют результаты археологических раскопок, в частности такие артефакты, как бронзовый сосуд с изображением сцены христианского обряда, обнаруженный в 1916 г. на территории Ургута [3], керамические изделия с образцами сирийской письменности и крестовой символикой, найденные в 1922 г. в поселении Суфиен (Ургутский район Самаркандской области), а также бронзовый крест, обнаруженный в 1946 г. в поселении Афросиаб (Самарканд) [4, с. 166]. Кроме того, на территории Южного Согда и Западного Согда археологи выявили большое количество монет, содержащих христианскую символику. В ходе археологических раскопок в поселении Афросиаб была найдена монета, относящаяся к периоду правления Шишпира – одного из согдийских ихшидов VII в. На ней изображен правитель, вокруг головы которого нарисовано 2 креста. Присутствие на монете символа в виде креста допускалось некоторыми согдийскими правителями, хотя христианство не имело статуса государственной религии.

Изображения христианской символики можно обнаружить не только на археологических находках, но и на музейных экспонатах. В 1929 г. во время посещения Государственного краеведческого музея Туркменистана в Ашхабаде археолог М. Е. Массон заинтересовался 2 надгробными камнями с надписями. Для дешифровки надписей камни были отправлены в Ленинград. Их исследованием занялась

известный ученый А. В. Байкова. Надпись на одном из надгробий гласила: «Алка периодевт», что может быть интерпретировано как наименование религиозного титула. На втором надгробии было написано: «В этой могиле похоронен сын Петиона» [5, с. 620]. Нанесение подобных надписей на надгробные камни было распространено на территории Западного Согда, т. е. исследованные надгробия связаны именно с этим регионом.

Еще одной интересной находкой на территории современного Самарканда является ампула святого Мины, хранящаяся в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Это небольшой керамический сосуд с 2 ручками, предназначенный для ношения на пояском ремне. На поверхности сосуда изображен священник с разведенными в стороны руками, на каждом его плече запечатлен крест, а у ног нарисовано 2 лежащих верблюда. Установлено, что сосуды такого вида датируются VI–VII вв. Они были предназначены для хранения святой воды или масла, используемого христианами при обряде крещения. Точно такие же керамические изделия находятся в монастыре святого Мины в Александрии [6, с. 108]. Каким образом этот экспонат попал на территорию Самарканда, неизвестно. Согласно одной из гипотез данный сосуд принадлежал переселившимся в эти места христианам или был изготовлен местными мастерами, которые вдохновились несторианскими идеями.

С начала VII в. популярность христианства в центральных и западных регионах Средней Азии стала возрастать. В хрониках восточной церкви встречаются сведения об учреждении христианской митрополии в Самарканде во время правления патриарха Йешубе II (628–643 гг.). Однако, по мнению В. В. Бартольда, христианская митрополия здесь появилась гораздо раньше, еще во времена патриаршества Ахая (410–416 гг.) [7, с. 125].

Сведения о христианах Самарканда можно найти в работе арабского историка и путешественника X в. Ибн Хаукаля. В одной из своих работ он пишет: «На горе Савдаре есть христианская церковь; здесь собираются христиане, и здесь находятся их кельи. Я нашел там много иракских (месопотамских) христиан, удалившихся туда вследствие плодородия места, его уединенного положения и здорового воздуха. Церковь, в которой постоянно обитает много христиан, владеет недвижимой собственностью; место господствует над большей частью Согда и известно под именем Вазгарда, и отношение мусульман к христианам здесь хорошее...» (цит. по [6, с. 123]). Информация о существовании христианского храма на территории Самарканда есть также в работах известных ученых В. В. Бартольда, Л. В. Вяткина и М. Е. Массона.

Первые исследования, проведенные с целью определить точное местоположение христианской церкви в этом районе, не принесли результатов. И только в 1995 г. удалось обнаружить памятник. Успех был достигнут благодаря тому, что украинский археолог и востоковед А. В. Савченко, внимательно изучив

труд Ибн Хаукаля, предположил, что слово «Вазгард» могло быть написано с ошибкой (рукопись переписывали каллиграфы) и что, следовательно, упомянутый храм находится в Ургутском районе Узбекистана.

В 1996 г. в горных ущельях Ургутского района начались археологические работы. В результате древнее христианское сооружение было найдено в поселении Суфиен, недалеко от водораздела рек Ургутсай и Кумлоксай. В 1999 г. специалисты приступили к раскопкам. Работы продолжались до 2006 г. [6, с. 123–124]. Было обнаружено здание квадратной формы, построенное из жженого кирпича и относящееся к периоду правления династий Саманидов и Караханидов. Архитектурное оформление этого здания и найденные на его территории артефакты свидетельствуют о существовании христианства в этом регионе.

Интерес представляет также поселение Куштепа, расположенное на левом берегу древнего Даргомского канала (Ургутский район Самаркандской области). Раскопки на этом археологическом объекте велись с 1977 г. Памятник состоит из 2 зданий, стоящих друг напротив друга, и круглого зала, диаметр которого составляет 8 м. Здания построены из битой глины. Единственный вход в памятник расположен в его северо-восточном углу. В первом здании установлено п-образное возвышение, в восточной части которого находится место для небольшого очага. Там не были найдены предметы бытового назначения, поэтому выдвинута гипотеза о том, что очаг использовался для проведения религиозных обрядов. Во втором здании обнаружена верхняя часть хума с печатью, на которой изображено двое мужчин. Один из них, одетый в церемониальную мантию, в одной руке держит книгу, предположительно Библию, а в другой руке – крест. Напротив него изображен мужчина, стоящий на коленях. Очевидно, что на рисунке запечатлена сцена христианского обряда крещения. По мнению специалистов, расположение здания и его инженерные решения напоминают архитектуру византийских церквей. Памятник датируется VI–VIII вв. То, что на одном археологическом объекте обнаружены символы разных религий, вызывает много споров. По словам М. М. Исхакова, исследовавшего памятник, изначально храм принадлежал огнепоклонникам-зороастрийцам, позже они уступили место христианам. По мнению А. А. Грициной, религиозные атрибуты относятся к манихейству и христианству [6, с. 122]. Поселение Куштепа является одним из первых христианских храмов на территории Согда.

По мнению В. В. Бартольда, в раннем Средневековье на территории Самарканда существовала христианская митрополия [8, с. 275]. Разумеется, что она бы не была образована, если бы среди местного населения не было достаточного количества последователей христианства. Обоснованность данного вывода подтверждают результаты широкомасштабных археологических раскопок в Самарканде и его окрестностях.

В ходе раскопок, проводимых Ю. Ф. Буряковым на территории поселения Афросиаб и площади Регистан в Самарканде в 1969–1971 гг., было вскрыто и изучено несколько могил [9, с. 209–210]. Могилы сложены из жженных кирпичей размерами $21 \times 21 \times 3$ и $30 \times 16 \times 4$ см. Общая длина курганов составляет 192–195 см, ширина – 60–63 см, высота – 40–45 см. Они датируются концом X – началом XI в. Могилы расположены таким образом, что их головная часть обращена к востоку. О связи памятника с христианством свидетельствует то, что в захоронениях обнаружены металлические украшения, напоминающие несторианский крест, а также то, что в северной части здания найдены плиты типа несторианской майолики [9, с. 209].

Еще одним археологическим объектом, подтверждающим распространение христианства в Согде, является поселение Дурмонтепа. Оно расположено в 14 км к северо-западу от Самарканда, на территории нынешнего Пастдаргомского района. В 1975–1979 гг. памятник был изучен специалистами Самаркандского областного отделения Института археологии Академии наук Республики Узбекистан [10, с. 540]. Площадь поселения составляет 25 га. На его территории находится 2 шахристана, окруженные арком и рабадом. Предположительно, памятник имеет отношение к средневековым городам Касралкаму и Ишбишкату. Также на его месте обнаружены находки, датируемые III в. до н. э. – XII в. н. э. [10, с. 540].

В 1981 г. исследование этого памятника начала Г. А. Пугаченкова. В 1986 г. раскопки здесь были продолжены специалистами Государственного музея искусств народов Востока (Москва) под руководством Г. В. Шишкиной. В восточной части поселения и вдоль его западной стены было обнаружено 2 кладбища [6, с. 137–138]. Досконально археологи исследовали 3 могилы. В одной из могил находился деревянный гроб. Умерший был уложен головой на запад, под его головой размещался кирпич размером $25 \times 8 \times 4$ см. По мнению Г. В. Шишкиной, могила принадлежала монаху или религиозному деятелю. Среди предметов, обнаруженных в захоронении, был несторианский крест из золота [11, с. 57].

Распространение христианства не ограничивалось лишь центральными районами Согда. Христианские символы найдены также в оазисах Южного Согда и Западного Согда, а также в оазисах Чача, Илака и Хорезма. В Кашкадарьинском оазисе, который считается территорией Южного Согда, был обнаружен один из самых ранних христианских памятников в Средней Азии – поселение Шуллактепа [12, с. 237]. Памятник находится в кишлаке Шайхали (Кашкадарьинская область). В 1997 г. раскопки на этом археологическом объекте проводил А. А. Раимкулов. Размеры памятника составляют 25×100 м, он имеет форму холма, вытянутого с севера на юг. Общая высота памятника достигает 13 м, в его южной

части находится крепость [13, с. 110]. В ходе раскопок было обнаружено 13 помещений. Вход в здание осуществляется через крестообразный коридор. Вдоль него на стенах имеются специальные углубления для размещения кувшинов. В западном конце коридора находится помост, за которым расположен очаг полукруглой формы [13, с. 110]. Из 7 помещений южной части сооружения 4 комнаты заполнены песком и грунтом. В 2 комнатах обнаружены глиняные сосуды цилиндрической формы [13, с. 110].

По мнению А. А. Раимкулова, данное поселение датируется началом VII в. Оно находится не в центре, а на окраине города. План памятника соответствует типичным христианским архитектурным планам, например плану поселения Сулаймонтепа в Самарканде, а также плану церковных построек на территории современного Кыргызстана. Археолог выдвигает гипотезу о том, что цилиндрические сосуды, найденные в поселении, использовались христианами для проведения обряда захоронения. По размерам и особенностям расположения они напоминают сосуды, обнаруженные на территории кургана в древнем городище Мерв [14].

Одним из крупных археологических памятников, связанных с христианством, является храм в Термезе (оазис Чаганиан). Первые раскопки здесь проводились в 1979 г. Было установлено, что помещение имеет квадратную форму, вход в него выполнен в виде креста [15, с. 34]. Сооружение состоит из 16 помещений прямоугольной формы размером 40×20 м. Архитектурная планировка здания имеет направление с юго-запада на северо-восток. Вход в храм расположен на юго-западной стороне, за ним находится поперечный неф длиной 16,0 м и шириной 3,5 м. На расстоянии около 5,0 м от входа его пересекает центральный неф длиной 20,5 м и шириной 20,5 м. Площадь сводчатого потолка здания составляет $4,5 \times 4,5$ м². Каждый из 8 углов здания поддерживают полукруглые столбы, окрашенные в красный и синий цвета. Стены поперечного нефа хорошо сохранились. На отдельных стенах имеются декорированные панели. Над ними проходит лента, чуть выше которой черной краской нанесены цветочные узоры [15, с. 34]. Учитывая особенности расположения и наличие колодцев, можно предположить, что это помещение являлось комнатой для омовения.

В третьей комнате, расположенной в южной части храма, находится сооружение, напоминающее трапезную. Кухонный комплекс имеет 2 входа [15, с. 36]. Первоначально помещение было квадратной формы, позднее в его стенах появились прямоугольные ниши. Стены комнаты несколько раз были оштукатурены густым гипсовым раствором. Во время перестроек помещение обрело крестообразную форму и было покрыто куполом.

Наибольший интерес вызывает пятая комната храма. Северо-западная стена комнаты хорошо со-

хранилась. Ее верхняя часть разделена на 5 квадратов, каждый из которых имеет свой орнамент. Рисунки пересекаются, в середине образовавшейся фигуры изображен крест с расширяющимися концами. На каждом конце нарисован орнаментальный круг. Крест на стене очень похож на византийские несторианские кресты. В целом помещения памятника построены в стиле средневековой несторианской церковной архитектуры.

План храма в Термезе частично повторяет планы таких армянских храмов, как Макараванк и Хоранашат [6, с. 153]. Макараванк первоначально был представлен лишь купольной церковью, построенной в X в. Остальные части комплекса появлялись постепенно. У западной стороны Макараванка находится небольшое здание без алтаря, план которого соответствует плану четвертой комнаты христианского храма в Термезе [15, с. 40]. Наличие общих архитектурных решений при строительстве церквей свидетельствует о том, что между христианами общинами Центральной Азии (в частности, Узбекистана) и Кавказа (Армении) были налажены тесные религиозные и социокультурные связи. Кроме того, схожие архитектурные особенности имеют постройки городища Ак-Бешим, расположенного на территории Кыргызской Республики [6, с. 128]. Тенденция использовать крестообразную планировку при строительстве христианских храмов восходит к архитектурным особенностям сирийских церквей IV–VI вв.

Раннехристианские церкви и монастыри встречаются также в Семиречье, Таласе, Мерве и Хорезмском оазисе. По мнению некоторых исследователей, проникновение христианства на территорию Хорезма связано с деятельностью апостолов. Одним из них был патриарх Иов, которому местные жители поклонялись с древних времен. По преданию, патриарх Иов прибыл в Хорезм в тот период, когда население страдало от нехватки воды. Люди обратились за помощью к Иову. Тот помолился, ударил посохом о землю, и случилось чудо: из иссохшей земли стала пробиваться целебная вода [1, с. 29–30]. Эту информацию подтверждает один из латинских миссионеров по имени Паскаль, посетивший Хорезм в 1335 г. По его воспоминаниям, святыня, которой первоначально поклонялись христиане, в более поздний период стала святым местом для мусульман [6, с. 115].

В работе [16] отмечается, что археолог С. П. Толстов, проводивший обширные исследования на территории Хорезма, под местностью, которая упоминается как «Хвалская епархия» в перечне митрополий «*Nototia episcopatum*», датируемом VIII в., подразумевает территорию древнего Хорезма. В труде Абу Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда аль-Бируни «Памятники минувших поколений» приводятся ценные сведения о христианских общинах, проживавших на территории Хорезма. В работе подробно описывается их

образ жизни, при этом указывается, что христиане могли свободно отмечать свои религиозные праздники [17, с. 87–88].

Христианство и связанные с ним традиции оставили значительный след в жизни местного населения. В произведениях средневековых арабских историков отмечается, что в X–XI вв. в Хорезме было 33 города, являвшихся крупными торговыми и ремесленными центрами. Одним из них было поселение Миздахкан, расположенное на склонах горы Ходжейли (Ходжейлинский район Республики Каракалпакстан). Его площадь составляет более 200 га. Комплекс включает крепость Гяуркала, сеть ирригационных систем, а также кладбища [18, с. 56]. Раскопки археологического памятника были начаты А. Ю. Якубовским в 1928–1929 гг. В 1962, 1964 и 1965 гг. поселение было исследовано археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова. В ходе раскопок была получена ценная информация, касающаяся истории региона. На территории поселения расположены 3 холма, на том из них, который имеет высоту 30 м, находится кладбище площадью более 60 га [16, с. 8].

В результате детального изучения кладбища В. Н. Ягодин пришел к выводу о том, что христианство распространилось среди жителей поселения Миздахкан в VII–VIII вв. В 8 оссуариях на кладбище обнаружены христианские символы – изображение креста и звезд. В центре полиморфной композиции захоронений нарисован крест прямоугольной формы с расширяющимися концами [16, с. 93]. Также в некоторых оссуариях были найдены кресты византийского типа. В Средней Азии древние знаки в виде креста использовались в интерьере христианских храмов, однако символы крестов из поселения Миздахкан за пределами данного объекта не встречаются [6, с. 117]. Большое количество христианских могил, обнаруженных в данном поселении, свидетельствует о том, что здесь проживало много христиан.

Еще одним христианским центром на территории Хорезма является древний город Куюк-кала, где расположена средневековая крепость Кердер [19, с. 89]. Здесь найдены каменные бусы с изображением креста [6, с. 117–118]. Их длина составляет 1,5 см, а толщина – 1,0 см². Изображение креста практически повторяет изображения на поверхности оссуариев поселения Миздахкан, что свидетельствует о широком распространении христианства на территории всего оазиса. Известно, что христианские символы в виде креста, найденные на территории Средней Азии, стали популярны в этой местности в V–VII вв. [20].

Наряду с символом креста на монетах и других предметах несторианцы изображали священных животных. В христианской религии рыба, голубь, лев, слон, олень, ягненок и козел имеют особое значение. Например, рыба олицетворяет обряд крещения,

голубь символизирует пророка Иисуса, а ягненок связан с ритуалом жертвоприношения. Большое количество предметов с изображением священных животных найдено в поселениях Средней Азии. Так, в крепости Кердер обнаружена керамическая чаша, датируемая IX–X вв. Примечательно, что на внешней стороне чаши изображены птица (на наш взгляд, это голубь, по мнению исследователя объекта, это орел), две рыбы и змея [21, с. 286–288]. находка указывает на то, что в районе крепости жили христианские общины или это место посещали представители христианской религии [22, с. 30].

Свидетельством проживания христиан на территории Хорезмского оазиса является городище Девкесганкала, расположенное в 60 км к северо-западу от Куны-Ургенча. Первые раскопки памятника проведены С. П. Толстовым в середине 1940-х гг. [23, с. 53], но христианские кресты и могилы христиан были открыты только в 1997 г. Во время монгольского нашествия христианские храмы в Хорезме, как и во всей Средней Азии, были сильно повреждены и обречены на исчезновение.

На северо-востоке Узбекистана находится еще один историко-культурный регион – Чачский оазис. В древности в этой местности были хорошо развиты торговля, ремесленная деятельность и орошаемое земледелие. Важно отметить, что представителей христианских общин привлекали местные климатические условия. Кроме того, на территории, по которой проходил один из маршрутов Великого шелкового пути, не могло не быть памятников, связанных с христианством. Однако на протяжении многих лет проведение раскопок в данном регионе считалось бессмысленным, что обусловлено практически полным отсутствием в исторических источниках сведений о христианских общинах, существовавших в Чачском оазисе.

В начале XX в. после основательного исследования путевых заметок и мемуаров средневековых арабских историков впервые были опубликованы данные, связанные с проникновением христианства в Чачский оазис. Например, в работах арабских путешественников Ибн Хаукаля и Абу Исхак аль-Истахри отмечено, что западные части Чача, крупного торгово-ремесленного центра, граничили с христианским поселением Винкерд. Абу Исхак аль-Истахри пишет: «Одна граница доходит до впадения реки Чач (вероятно, Сырдарья. – Б. Э.) в Хорезмское море, другая граница тянется до железных рудников на границе Сафиджаба (современный казахский город Сайрам. – Б. Э.), [еще одна граница]... распространяется до Винкерда христиан» [24, с. 76]. Тот факт, что при описании границ Чача автор упоминает название «Винкерд», означает, что в X в. это поселение было известным местом.

Определение точного положения христианского поселения Винкерд в Чачском оазисе началось с исследования руин древнего города Кангхи, которое да-

тируется III в. до н. э. – началом XII в. н. э. В 1898 г. к изучению памятника приступил член туркестанского кружка любителей археологии Е. Т. Смирнов. В 1934 г. поселение исследовал М. Е. Массон. В 1969–1972 гг. раскопки здесь проводили научные сотрудники Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры во главе с К. Ф. Абдуллаевым.

В ходе раскопок, проводимых учеными Института археологии Академии наук Республики Узбекистан в 2010 г., в южной части памятника были обнаружены остатки жилища христиан [6, с. 141]. Строение возведено по особому плану. За южной стороной здания находится полукруглая стена, которая в точности повторяет архитектуру овального дома христианской общины близ Мерва. В южной части здания находится помещение со специальным углублением в стене, где, по всей видимости, размещалась одна из христианских святынь. Внутри здания и близ него обнаружены предметы с христианской символикой: несколько скатертей с изображением креста, крышки и ручки от посуды, а также часть сосуда для хранения или переноса воды, датируемого первой половиной XI в. [6, с. 141–142]. В общем зале третьего шахристана памятника также встречаются крестообразные символы. На изображениях крест имеет правильную форму с вытянутым основанием, он нанесен на гипсовую штукатурку красной краской. Еще одной находкой является фрагмент бронзового креста [25, с. 73]. Раскопки, проводимые на руинах поселения Кангха в последние годы, доказывают, что на месте памятника проживала христианская община.

Внимание известного ученого-палеолингвиста и согдолога В. А. Лившица привлекла согдийская печать, хранящаяся в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. На печати было написано: «Аспасак Санак Каватенак» («Епископ Санак – сын Каваты»). Палеографический анализ показал, что надпись относится к концу V – началу VI в. Слово «аспасак» в древней надписи имеет значение «служаший». Таким образом могли называть епископа (архиепископа) или дьякона. По мнению В. А. Лившица, слово «аспасак» указывает на связь с христианством, которое было распространено на землях Чача в III–IV вв. [6, с. 109].

Первые признаки существования христианства в Ташкентском оазисе были обнаружены в 1922 г. у канала Салар [25, с. 72]. находки были обнаружены случайно. Местные дети во время прогулки набрали на небольшую полянку и нашли там человеческий скелет. Вскоре были начаты раскопки. Вместе со скелетом были обнаружены серебряные четки, 6 золотых и 20 серебряных монет, небольшая статуя Иисуса Христа, сидящего на осле, бронзовый бокал, фрагменты серебряных кувшинов, а также фрагменты кувшина розового цвета. Изучением находок занимался И. А. Анбоев. Обнаруженный бокал из бронзы имеет бледно-желтый цвет и конусообразную форму. Его длина составляет 7–8 см. На поверхности бокала изо-

бражена молящаяся женщина [25, с. 72]. Положение женщины, ее одежда, бусы и ленты указывают на то, что в VI–VII вв. в этой местности было поселение христиан.

В 1980-х гг. было проведено археологическое исследование поселения Турткултапа, расположенного в Чарвакской долине (Ташкентский оазис). На территории памятника найден христианский крест из меди, датируемый IX–XII вв. Крест предназначался для ношения на груди (на мантии христианского священника). Длина креста составляет около 7,0 см. Верхний поперечный элемент сломан. Длина нижнего поперечного элемента составляет 3,5 см, на обоих его концах имеются отверстия для пришивания к одежде. Согласно данным исторических источников в поселении Турткултапа жили христиане, среди которых было много священников, что имело большое значение для распространения христианства [24, с. 77].

Во время археологических исследований в Норбексайской долине (Ахангаранский район Ташкентской области) обнаружен круглый холм диаметром 50 м и высотой 10–11 м. Внутри этого холма находятся большие древние пещеры, известные среди местного населения под названием «Пещеры Корхона». В 1930-х гг. М. Е. Массон составил их планы [26, с. 100–103]. Археолог утверждал, что с северной стороны комплекса, где находится терраса длиной 14 м, расположен вход в главный зал. Данный зал имеет крестообразную форму, его длина составляет 17 м, ширина – 4 м. На западной стене зала находится алтарь. Помимо главного зала, комплекс включает и другие пещерообразные комнаты.

По мнению А. А. Раимкулова, комплекс пещер изначально являлся христианской церковью-монастырем, а позже был преобразован в мечеть, о чем свидетельствует план памятника. Терраса, занимающая северную сторону комплекса, была возведена позже, уже после того как храм стал мечетью. До этого вход в него находился на южной стороне, а в главный зал вели 10 широких и высоких ступеней, которые расширялись книзу [24, с. 76]. Крыльцо было установлено уже после того, как сооружение переоборудовали в мечеть [24, с. 77]. С южной и юго-восточной стороны комплекса находится внутренний двор, что является доказательством того, что главный вход находился именно здесь.

Версия о том, что на территории памятника могли скрытно проводиться любовные встречи или связанные с этим ритуалы, не была доказана. Местное население отвергло эту гипотезу. Если бы подобные

мероприятия проводились в пещерах, то впоследствии превратить их в мечеть, которая считается священным местом для мусульман, было бы невозможно [24, с. 77].

В средневековых письменных источниках имеется много сведений о превращении христианских, зороастрийских, манихейских и буддийских храмов и святынь на завоеванных арабами территориях в мусульманские мечети. Христианская церковь, расположенная возле ворот Аттарон в Бухаре, после арабского завоевания (VIII в. н. э.) была превращена в мечеть арабского племени бану ханзала [27, с. 444]. Позже на ее месте была построена мечеть Калян. После завоевания Таласской долины в 893–894 гг. великий саманидский правитель Исмаил Самани преобразовал находившуюся там христианскую церковь и церковь древнего города Мирки в соборные мечети [8, с. 287]. Вероятно, так же был превращен в мусульманский храм и комплекс пещер Корхона.

Крестообразная форма пещер свидетельствует о том, что комплекс был возведен согласно специальному плану [12, с. 237]. Архитектурные решения и время строительства пещер подтверждают гипотезу о том, что памятник был создан древними христианами. К концу раннего Средневековья в Центральной Азии активно распространялось христианство и повсеместно строились храмы. К сожалению, предметов, связанных с христианством, на территории памятника не обнаружено. На этом месте в течение веков проживали люди, поэтому возможные раннехристианские артефакты были утеряны или уничтожены.

По мнению ученого А. А. Раимкулова, исследовавшего комплекс пещер, сооружение подземных церквей и монастырей и совершение богослужения в этих местах свидетельствуют о том, что в ранний период своего существования христианство на территории Средней Азии подвергалось жестоким гонениям. В данном контексте уместно упомянуть поселение Хароба-Кошук в Мерве, поселения Коджартепа и Культепа в Кашкадарье, подземное сооружение на площади Регистан в Самарканде, пещеру с крестообразной планировкой в Узгене и т. д.

Практика строительства подземных храмов получила распространение в Центральной Азии в результате переселения христианских общин из Ближнего Востока, Месопотамии и Сирии. У христиан установились хорошие отношения с местным населением, однако христианская религия не смогла обрести статус государственной религии.

Заключение

Распространение христианства в Центральной Азии было обусловлено влиянием политических и культурных связей местных жителей с населением Среднего Востока и Ближнего Востока. Важное значение в этом процессе имела северная ветвь Ве-

ликого шелкового пути. Определенную роль сыграли политические преследования несторианцев.

Регионом, с которого началось распространение христианства в Центральной Азии, является территория современной Республики Туркменистан.

Наиболее ранние артефакты, связанные с существованием христианства в данном регионе, датируются III в. н. э. Первые христианские церкви и монастыри на территории Центральной Азии появились в Семиречье, Таласе, Мерве, Самарканде и Хорезмском оазисе. В VI–VII вв. идеи христианства стали распространяться в Восточном Туркестане, Китае, Монголии, а также на Дальнем Востоке. На соседних с Уз-

бекистаном территориях Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана также начали появляться христианские общины.

Археологические исследования, проведенные в Узбекистане в последние годы, позволяют более объективно и глубоко проанализировать не только политические, но и социально-экономические и культурные сюжеты в истории страны.

Библиографические ссылки

1. Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким). *По стопам апостола Фомы: христианство в Центральной Азии*. Москва: М-сканрус; 2011. 752 с.
2. Кошаленко ГА, Губаев А, Бадер АН, Гаибоев ВА, составители. *Древний Мерв в свидетельствах письменных источников*. Ашгабат: Юрт; 1994. 160 с.
3. Залеская ВН. Сирийское бронзовое кадило из Ургута. В: Иванов АА, Сорокин СС, редакторы. *Средняя Азия и Иран*. Ленинград: Аврора; 1972. с. 57–60.
4. Тереножкин АИ. Согд и Чач. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1950;33:152–169.
5. Минасянц ВС. Намогильные камни-кайраки с крестами и сирийскими надписями, хранящиеся в археологическом фонде Государственного музея истории АН РУз. В: Пиотровский МБ, редактор. *Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Том 6*. Москва: Индрик; 2013. с. 615–630.
6. Грицина АА. Трансоксиана-мавераннахр: христианство и манихейство. В: Байпаков КМ, Терновская ГА, Кольченко ВА, Грицина АА, Халилов МДж, Алышов НА. *Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том 4, Христианство*. Самарканд: Мидаи; 2018. с. 104–156.
7. Никитин АБ. Христианство в Центральной Азии (древность и Средневековье). В: Литвинский БА, редактор. *Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1984. с. 121–137.
8. Бартольд ВВ. *Сочинения. Том 2, часть 2*. Гафуров БГ, редактор. Москва: Наука; 1964. О христианстве в Туркестане в домонгольский период; с. 265–302.
9. Буряков ЮФ, Бурякова ЭЮ. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969–1971 гг.). *Афрасиаб*. 1973;2:174–223.
10. Ростовцев ОМ, Иваницкий ИД. Работы в Самаркандской области. В: Рыбаков БА, редактор. *Археологические открытия 1976 года*. Москва: Наука; 1977. с. 540–541.
11. Шишкина ГВ. Несторианское погребение в Согде Самаркандском. В: Жукова ЛИ, редактор. *Из истории древних культов Средней Азии. Христианство*. Ташкент: Главная редакция энциклопедий; 1994. с. 56–63.
12. Раимкулов АА. Новые археологические материалы к истории христианства Средней Азии. В: Березкин ЮЕ, редактор. *Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; 2000. с. 232–238.
13. Раимкулов АА. Своеобразный культовый комплекс Южного Согда. *История материальной культуры Узбекистана*. 1997;28:110–116.
14. Обельченко ОВ. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.). *Труды Южно-Туркменистанской археолого-комплексной экспедиции*. 1969;14:86–99.
15. Альбаум ЛИ. Христианские памятники Туркмении. В: Жукова ЛИ, редактор. *Из истории древних культов Средней Азии. Христианство*. Ташкент: Главная редакция энциклопедий; 1994. с. 34–41.
16. Ягодин ВН, Ходжайов ТК. *Некрополь древнего Миздахана*. Ташкент: Фан; 1970. 255 с.
17. Толстов СП. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI в. *Советская этнография*. 1946;2:87–108.
18. Туребеков МТ. С. П. Толстов и некоторые результаты исследований городища Миздахкан. В: Ягодин ВН, редактор. *Тезисы докладов Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур»; 2–4 октября 2007 г.; Нукус – Бустан – Беруни, Узбекистан*. Нукус: Фан; 2007. с. 55–56.
19. Мамбетуллаев М. Куюк-кала – раннесредневековая столица Кердера. *Археологические исследования в Узбекистане*. 2013;9:89–92.
20. Мусакаева АА. О несторианах в Средней Азии (по нумизматическим данным). В: Жукова ЛИ, редактор. *Из истории древних культов Средней Азии. Христианство*. Ташкент: Главная редакция энциклопедий; 1994. с. 42–55.
21. Мамбетуллаев М. Кердерская чаша. *История материальной культуры Узбекистана*. 1999;30:286–290.
22. Церен Э. *Лунный бог*. Москва: Наука; 1976. 381 с.
23. Толстов СП. *По следам древнехорезмийской цивилизации*. Москва: Академия наук СССР; 1948. 328 с.
24. Раимкулов АА. Тошкент вохасидаги қадимги динлар тарихидан (христианлик). В: Салихов ШИ, редактор. *Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы Международной научной конференции, посвященной 2200-летию юбилею города Ташкента; 15–17 июня 2009 г.; Ташкент, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 2009. с. 75–79.
25. Богомолов ГИ. О христианстве в Чаче. В: Жукова ЛИ, редактор. *Из истории древних культов Средней Азии. Христианство*. Ташкент: Главная редакция энциклопедий; 1994. с. 71–78.
26. Массон МЕ. *Ахангеран. Археолого-топографический очерк*. Ташкент: Академия наук УзССР; 1953. 145 с.
27. Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар ан-Наршахи. *История Бухары*. Камолиддин ШК, переводчик. Ташкент: Smi-asia; 2011. 600 с.

References

1. Mitropolit Tashkentskii i Sredneaziatskii Vladimir (Ikim). *Po stopam apostola Fomy: khristianstvo v Tsentral'noi Azii* [In the footsteps of the Apostle Thomas: Christianity in Central Asia]. Moscow: M-skansrus; 2011. 752 p. Russian.
2. Koshalenko GA, Gubaev A, Bader AN, Gaiboev VA, compilers. *Drevnii Merv v svidetel'stvakh pis'mennykh istochnikov* [Ancient Merv in written sources]. Ashgabat: Yurt; 1994. 160 p. Russian.
3. Zalesskaya VN. [Syrian bronze censer from Urgut]. In: Ivanov AA, Sorokin SS, editors. *Srednyaya Aziya i Iran* [Central Asia and Iran]. Leningrad: Avrora; 1972. p. 57–60. Russian.
4. Terenozhkin AI. [Sogd i Chach]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury*. 1950;33:152–169. Russian.
5. Minasyants VS. [Grave stones-kayraks with crosses and Syrian inscriptions, stored in the archaeological fund of the State Museum of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan]. In: Piotrovskii MB, editor. *Khristianskii Vostok. Seriya, posvyashchennaya izucheniyu khristianskoi kul'tury narodov Azii i Afriki. Tom 6* [The Christian East. A series dedicated to the study of the Christian culture of the peoples of Asia and Africa. Volume 6]. Moscow: Indrik; 2013. p. 615–630. Russian.
6. Gritsina AA. [Transoxiana-Maverannahr: Christianity and Manichaeism]. In: Baipakov KM, Ternovaya GA, Kol'chenko VA, Gritsina AA, Khalilov MDzh, Alyshov NA. *Religii Tsentral'noi Azii i Azerbaidzhana. Tom 4, Khristianstvo* [Religions of Central Asia and Azerbaijan. Volume 4, Christianity]. Samarkand: Mitsai; 2018. p. 104–156. Russian.
7. Nikitin AB. [Christianity in Central Asia (antiquity and the Middle Ages)]. In: Litvinskii BA, editor. *Vostochnyi Turkestan i Srednyaya Aziya. Istoriya. Kul'tura. Svyazi* [Eastern Turkestan and Central Asia. Story. Culture. Connections]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1984. p. 121–137. Russian.
8. Bartol'd VV. *Sochineniya. Tom 2, chast' 2* [Essays. Volume 2, part 2]. Gafarov BG, editor. Moscow: Nauka; 1964. [On Christianity in Turkestan in the pre-Mongol period]; p. 265–302. Russian.
9. Buryakov YuF, Buryakova EYu. [New archaeological materials on the stratigraphy of medieval Samarkand (based on excavations of Registan Square in 1969–1971)]. *Afrasiab*. 1973;2:174–223. Russian.
10. Rostovtsev OM, Ivanitskii ID. [Work in the Samarkand region]. In: Rybakov BA, editor. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda* [Archaeological discoveries of 1976]. Moscow: Nauka; 1977. p. 540–541. Russian.
11. Shishkina GV. [Nestorian burial in Sogd Samarkand]. In: Zhukova LI, editor. *Iz istorii drevnikh kul'tov Srednei Azii. Khristianstvo* [From the history of ancient cults of Central Asia. Christianity]. Tashkent: Glavnaya redaktsiya entsiklopedii; 1994. p. 56–63. Russian.
12. Raimkulov AA. [New archaeological materials on the history of Christianity in Central Asia]. In: Berezkin YuE, editor. [The interaction of cultures and civilisations. In honor of V. M. Masson]. Saint Petersburg: IIMK RAN; 2000. p. 232–238. Russian.
13. Raimkulov AA. [A unique cult complex of Southern Sogd]. *Istoriya material'noi kul'tury Uzbekistana*. 1997;28:110–116. Russian.
14. Obel'chenko OV. [Necropolis of ancient Merv (excavation materials of 1955)]. *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoi arkheologo-kompleksnoi ekspeditsii*. 1969;14:86–99. Russian.
15. Al'baum LI. [Christian monuments of Turkmenistan]. In: Zhukova LI, editor. *Iz istorii drevnikh kul'tov Srednei Azii. Khristianstvo* [From the history of ancient cults of Central Asia. Christianity]. Tashkent: Glavnaya redaktsiya entsiklopedii; 1994. p. 34–41. Russian.
16. Yagodin VN, Khodzhaiov TK. *Nekropol' drevnego Mizdakhkana* [Necropolis of ancient Mizdakhkan]. Tashkent: Fan; 1970. 255 p. Russian.
17. Tolstov SP. [New Year's holiday «kalandas» among Khorezm Christians at the beginning of the 11th century]. *Sovetskaya etnografiya*. 1946;2:87–108. Russian.
18. Turebekov MT. [S. P. Tolstov and some results of the Mizdakhkan settlement research]. In: Yagodin VN, editor. *Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo simpoziuma «Priaral'e na perekrestke kul'tur»; 2–4 oktyabrya 2007 g.; Nukus – Bustan – Beruni, Uzbekistan* [Abstracts of the International Symposium «Aral Sea region at the crossroads of cultures»; 2007 October 2–4; Nukus – Bustan – Beruni, Uzbekistan]. Nukus: Fan; 2007. p. 55–56. Russian.
19. Mambetullaev M. [Kuyuk-kala – the early medieval capital of Kerder]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane*. 2013;9:89–92. Russian.
20. Musakayeva AA. [On Nestorians in Central Asia (on numismatic data)]. In: Zhukova LI, editor. *Iz istorii drevnikh kul'tov Srednei Azii. Khristianstvo* [From the history of ancient cults of Central Asia. Christianity]. Tashkent: Glavnaya redaktsiya entsiklopedii; 1994. p. 42–55. Russian.
21. Mambetullaev M. [Kerder bowl]. *Istoriya material'noi kul'tury Uzbekistana*. 1999;30:286–290. Russian.
22. Tseren E. *Lunnyi bog* [Moon God]. Moscow: Nauka; 1976. 381 p. Russian.
23. Tolstov SP. *Po sledam drevnekhorezmiiskoi tsivilizatsii* [In the footsteps of the ancient Khorezmian civilisation]. Moscow: Akademiya nauk SSSR; 1948. 328 p. Russian.
24. Raimkulov AA. [From the history of ancient religions in the Tashkent oasis (Christianity)]. In: Salikhov ShI, editor. *Stolitse Uzbekistana Tashkentu 2200 let. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 2200-letnemu yubileyu goroda Tashkenta; dama; Tashkent, Uzbekistan* [The capital of Uzbekistan, Tashkent, is 2200 years old. Materials of the International scientific conference dedicated to the 2200th anniversary of the city of Tashkent; 2009 June 15–17; Tashkent, Uzbekistan]. Tashkent: Fan; 2009. p. 75–79. Uzbek.
25. Bogomolov GI. [About Christianity in Chach]. In: Zhukova LI, editor. *Iz istorii drevnikh kul'tov Srednei Azii. Khristianstvo* [From the history of ancient cults of Central Asia. Christianity]. Tashkent: Glavnaya redaktsiya entsiklopedii; 1994. p. 71–78. Russian.
26. Masson ME. *Akhangeran. Arkheologo-topograficheskii ocherk* [Ahangeran. Archaeological and topographical sketch]. Tashkent: Akademiya nauk UzSSR; 1953. 145 p. Russian.
27. Abu Bakr Muhammad ibn Dzhafar an-Narshakhi. *Istoriya Bukhary* [History of Bukhara]. Kamoliddin ShK, translator. Tashkent: Smi-asia; 2011. 600 p. Russian.

УДК 902/904(902.01)

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ГОНЧАРСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1-м ТЫСЯЧЕЛЕТИИ НАШЕЙ ЭРЫ

В. Н. БАХМАТОВА¹⁾, П. С. КУРЛОВИЧ²⁾

¹⁾Калмыцкий научный центр РАН, ул. Илишкина, 8, 358000, г. Элиста, Россия

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Приведены некоторые результаты изучения гончарной технологии, использовавшейся населением отдельных памятников 1-го тыс. н. э. на территории Верхнего Поднепровья, Полесья и Верхнего Понеманья. Исследование керамических комплексов осуществлялось в рамках историко-культурного подхода. Составлено представление о навыках населения изучаемых территорий по отбору исходного пластичного сырья, подготовке формовочных масс и обжигу сосудов. В качестве массовой традиции зафиксировано использование природной ожелезненной глины с минимальным количеством песка как естественной примеси. В большинстве изученных керамических комплексов в качестве искусственных отошителей выделены дресва и выжимка из навоза. Выявлена специфическая органическая примесь отходов от обмола зерна зерновых культур. Отмечено, что традиция использования шамота и песка характерна для гончарства на территории Пошарья и Полесья. Обжиг сосудов в очаге или печи в условиях полувосстановительной газовой среды являлся массовой традицией термической обработки керамических сосудов. Сделан вывод о том, что общий уровень гончарной технологии был археогончарным. Зафиксирована тенденция перехода от домашнего изготовления посуды к ремесленному производству на заказ.

Ключевые слова: археология; археологические памятники 1-го тыс. н. э.; керамика; гончарная технология; историко-культурный подход.

Благодарность. Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Системы землепользования в лесной зоне Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.)» (грант № 20-59-04002). Авторы выражают благодарность Е. Ф. Касюк, Н. С. Мясникову, В. Н. Тарасевич и В. А. Маковской за помощь в подборе материалов.

НЕКОТОРЫЯ ЗВЕСТКІ ПРА ГАНЧАРСТВА НАСЕЛЬНІЦТВА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1-м ТЫСЯЧАГОДДЗІ НАШАЙ ЭРЫ

В. М. БАХМАТАВА^{1*}, П. С. КУРЛОВІЧ^{2*}

^{1*}Калмыцкі навуковы цэнтр РАН, вул. Ілішкіна, 8, 358000, г. Эліста, Расія

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Прыведзены некаторыя вынікі вывучэння ганчарнай тэхналогіі, якая выкарыстоўвалася насельніцтвам асобных помнікаў 1-га тыс. н. э. на тэрыторыі Верхняга Падняпроўя, Палесся і Верхняга Панямоння. Даследаванне керамічных комплексаў ажыццяўлялася ў рамках гісторыка-культурнага падыходу. Складзена ўяўленне аб навыках

Образец цитирования:

Бахматова ВН, Курлович ПС. Некоторые данные о гончарстве населения на территории Беларуси в 1-м тысячелетии нашей эры. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;2:68–90.
EDN: XNNYQB

For citation:

Bakhmatova VN, Kurlovich PS. Some data about pottery of the population on the territory of Belarus in 1st millennium AD. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;2:68–90. Russian.
EDN: XNNYQB

Авторы:

Вера Николаевна Бахматова – кандидат исторических наук; младший научный сотрудник.

Полина Сергеевна Курлович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Authors:

Vera N. Bakhmatova, PhD (history); junior researcher.
lyna-87@yandex.ru

Palina S. Kurlovich, PhD (history), docent; head of the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history.
kurlovichp@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-8987-0162>

населенства ўказаных тэрыторый па адборы зыходнай пластычнай сыравіны, падрыхтоўцы фармовачных мас і абпале сасудаў. У якасці масавай традыцыі зафіксавана выкарыстанне прыроднай ажалезненай гліны з мінімальнай колькасцю пяску як натуральнай дамешкі. У большасці даследаваных керамічных комплексаў у якасці штучных аташчальнікаў вылучаны жарства і выжымка з гною. Выяўлены спецыфічныя арганічныя дамешкі адходаў ад абмалоту збожжавых культур. Адзначана, што традыцыя выкарыстання шамоту і пяску характэрна для ганчарства на тэрыторыі Пашчар'я і Палесся. Абпал сасудаў у ачагу або печы ва ўмовах паўаднаўленчага газавага асяроддзя з'яўляўся масавай традыцыяй тэрмічнай апрацоўкі керамічных сасудаў. Зроблена выснова аб тым, што агульны ўзровень ганчарнай тэхналогіі быў археаганчарным. Зафіксавана тэндэнцыя пераходу ад хатняга вырабу посуду да рамеснай вытворчасці на заказ.

Ключавыя словы: археалогія; археалагічныя помнікі 1-га тыс. н. э.; кераміка; ганчарная тэхналогія; гісторыка-культурны падыход.

Падзяка. Даследаванні праведзены пры фінансавай падтрымцы Расійскага фонду фундаментальных даследаванняў у рамках праекта «Сістэмы землекарыстання ў лясной зоне Усходняй Еўропы ў эпоху Вялікага перасялення народаў (III–VII стст.)» (грант № 20-59-04002). Аўтары выказваюць падзяку А. Ф. Касюк, М. С. Мяснікову, В. М. Тарасевіч і В. А. Макоўскай за дапамогу ў падборы матэрыялаў.

SOME DATA ABOUT POTTERY OF THE POPULATION ON THE TERRITORY OF BELARUS IN 1st MILLENNIUM AD

V. N. BAKHMATOVA^a, P. S. KURLOVICH^b

^aKalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 8 Ilshkin Street, Elista 358000, Russia

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: P. S. Kurlovich (kurlovichp@bsu.by)

Abstract. The article is devoted to some results of the pottery technology studying among the population of particular monuments of the 1st millennium AD in the territory of the Upper Dnieper, Polesye, Shcharya, and Upper Neman regions. The study of ceramic complexes was carried out using a historical and cultural approach. Information has been received about potters' skills in selecting the raw materials, preparing pottery paste, and firing vessels. There is a mass tradition of using natural clay with a minimum amount of natural sand inclusions, broken stone, organic solutions, and the liquid component of cow manure tempers in pottery paste. A specific organic temper in pottery paste made from waste from threshing grain crops has been identified. The tradition of using chamotte and sand is characteristic of pottery technology among the population of the Shcharya region and Polesye. The use of oven devices and stove devices for pottery firing was recorded for the firing of vessels. The general level of pottery technology is archaeo-pottery earthenware production. The trend of transitioning from home-made tableware to custom craft production has been recorded.

Keywords: archaeology; settlements of the 1st millennium AD; ceramics; pottery technology; historical and cultural approach.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the project «Land use systems in the forest zone of Eastern Europe during the era of the Great migration of peoples (3rd–7th centuries)» (grant No. 20-59-04002). The authors express sincere gratitude to E. F. Kasyuk, N. S. Myasnikov, V. M. Tarasevich, and V. A. Makovskaya for their assistance in the collecting materials.

Введение

Современная археологическая наука располагает отрывочными данными о гончарной технологии, использовавшейся населением территории Беларуси в 1-м тыс. н. э. Среди исследований, посвященных белорусской керамике этого периода, следует выделить работы Н. Н. Дубицкой. На основании данных минералого-петрографического анализа керамики автор рассматривает процессы становления, развития и преемственности гончарства культур VII в. до н. э. – V в. н. э. в Припятском Полесье и Верхнем Поднепровье. Основное внимание Н. Н. Дубицкой сосредоточено на керамике памятников милоград-

ской и зарубинецкой культур эпохи раннего железного века [1]. Результаты изучения гончарной технологии керамики ряда памятников зарубинецкой культуры приведены в монографии А. А. Бобринского [2, с. 96–97]. Некоторые сведения о гончарной технологии в указанный период содержатся в статье А. А. Бобринского, посвященной истории экономического развития гончарного производства на территории Верхнего и Среднего Поднепровья в 1-м тыс. до н. э. – 2-м тыс. н. э. [3].

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточностью имеющихся данных о культурных

и гончарных традициях раннесредневекового населения территории Беларуси. Изучение керамических комплексов было организовано таким образом, чтобы получить первичное представление о гончарстве различных культурно-хронологических групп населения, проживавших в разных частях территории Беларуси на протяжении 1-го тыс. н. э. Для анализа была отобрана серия керамики в количестве 70 сосудов, которые происходят из материалов раскопок девяти археологических памятников, расположенных на исследуемой территории (табл. 1, рис. 1).

Привлеченная для анализа выборка керамических сосудов охватывает широкий хронологический диапазон – 1-е тыс. н. э. Можно выделить керамические комплексы двух хронологических горизонтов. Первый хронологический горизонт относится

к III–VII вв. н. э. Он представлен керамическими комплексами нескольких археологических культур: верхнеднепровским вариантом киевской культуры (конец II – начало IV в. н. э.), культурой псковских длинных курганов¹, банцеровской культурой и пражской культурой (V–VII вв. н. э.). Второй хронологический горизонт охватывает период, предшествующий становлению и развитию средневекового раннефеодального государства в конце 1-го – начале 2-го тыс. н. э. Он представлен райковецкой культурой, культурой смоленско-полоцких длинных курганов, а также древнерусской культурой. Кроме того, следует отметить группу керамики с шероховатой (облито́й) поверхностью. Привлеченный к анализу сосуд этой группы, найденный на территории селища Речки-2 Вилейского района, может быть датирован IV–V вв. н. э. (рис. 2).

Таблица 1

Распределение керамических комплексов
в зависимости от их культурно-хронологической характеристики

Table 1

The distribution of ceramic complexes
depending on their cultural and chronological characteristics

Памятник	Археологическая справка	ВДКК	КШП	ПК	БК	БК (?), ПК (?)	БК (?), КПДК (?)	РК	КСПДК	ДР	БО	Всего
Селище Адаменка-1	Раскопки 1960 г., Л. Д. Поболь	9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	9
Селище Хотомель	Раскопки 1964 г., И. П. Русанова	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	2
Селище Снядин-3	Раскопки 2006 и 2012 гг., В. С. Вергей	–	–	5	–	–	–	–	–	–	–	5
Селище Речки-2	Раскопки 2020 г., П. С. Курлович	–	1	–	11	–	–	–	1	–	5	18
Селище Русаково-2	Раскопки 1970 и 1977 гг., М. М. Чернявский	–	–	–	–	23	–	–	–	–	–	23
Малое городище на р. Менке	Раскопки 1954 г., А. Г. Митрофанов	–	–	–	2	–	–	–	–	2	–	4
Селище Городище	Раскопки 2020 г., В. А. Маковская	–	–	–	–	–	–	–	4	–	–	4
Курганный могильник Навры-2	Раскопки 2017 г., А. Н. Плавинский; раскопки 2019 г., В. Н. Тарасевич	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	3
Курганный могильник Рудня	Раскопки 1961 г., А. Г. Митрофанов	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	2
Всего		9	1	5	13	23	3	2	7	2	5	70

Примечание. Составлено П. С. Курлович.

¹Керамика данной культурной общности происходит из курганных захоронений некрополя Навры II, датируемых VII в. Погребальные комплексы 3-й четверти 1-го тыс. н. э. в данном регионе изучены крайне слабо, поэтому их культурная характеристика представляется дискуссионной [4, с. 320–321].

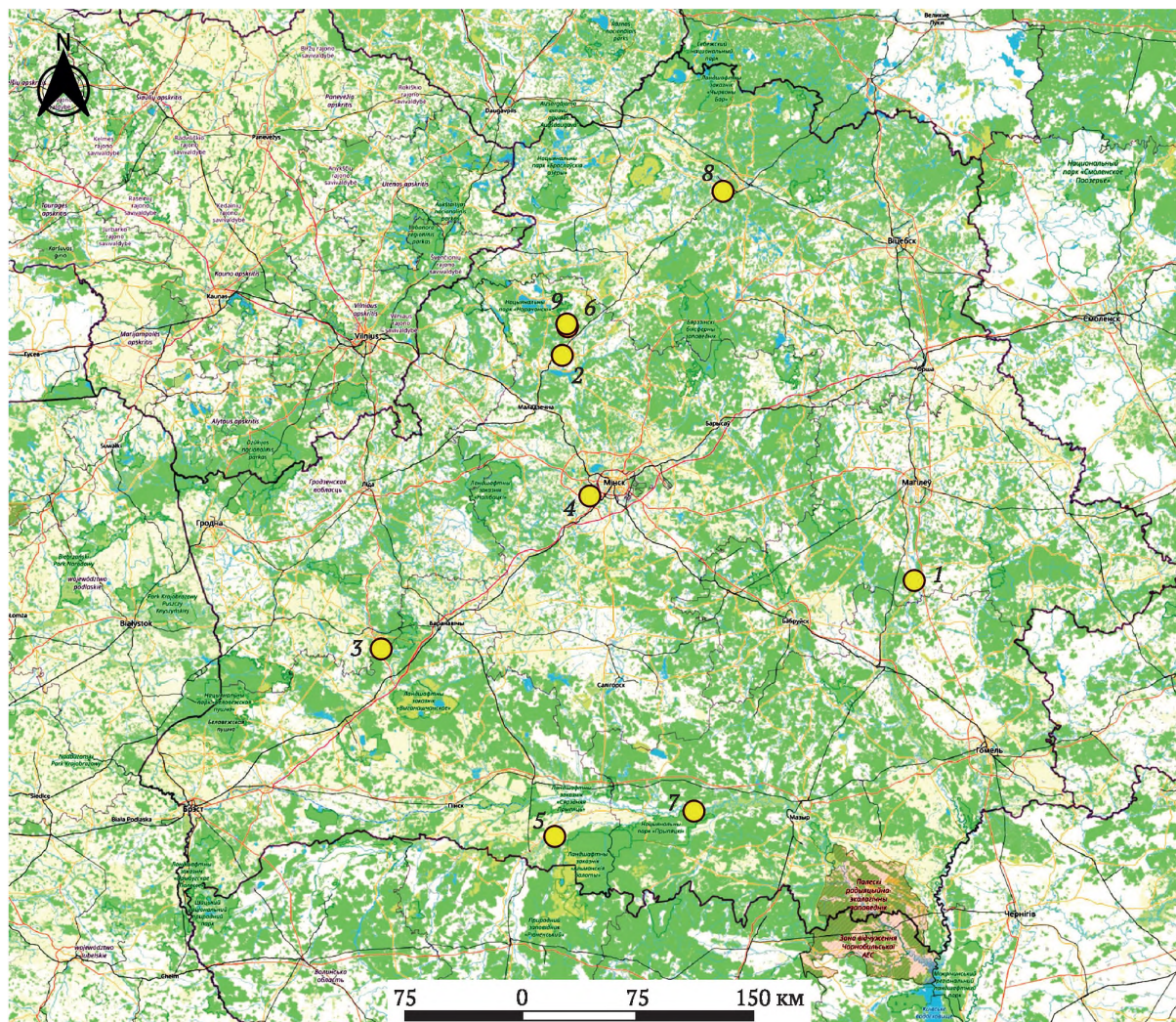

Рис. 1. Археологические памятники, керамика которых привлечена для анализа
 (1 – селище Адаменка-1; 2 – селище Речки-2; 3 – селище Русаково-2; 4 – малое городище на р. Менке; 5 – селище Хотомель;
 6 – селище Городище; 7 – селище Снядин-3; 8 – курганный могильник Рудня; 9 – курганный могильник Навры-2)
 (подготовлено В. Н. Бахматовой с помощью сервиса *Open Street Map*)

Fig. 1. Archaeological complexes involved for analysis
 (1 – Adamenka-1 settlement; 2 – Rechki-2 settlement; 3 – Rusakovo-2 settlement; 4 – small hillfort on the Menka river;
 5 – Khotomel' settlement; 6 – Gorodishche settlement; 7 – settlement Snyadin-3; 8 – the burial mound Rudnya; 9 – the burial mound Navry-2)
 (prepared by V. N. Bakhmatova with the help of the *Open Street Map* service)

Рис. 2. Фрагменты керамики, привлеченной для технологического анализа
 (1, 2 – верхнеднепровский вариант киевской культуры селища Адаменка-1; 3 – банцеровская или пражская культура селища Русаково-2;
 4, 5 – банцеровская культура селища Речки-2; 6 – культура смоленско-полоцких длинных курганов селища Городище;
 7 – райковецкая культура селища Хотомель; 8 – древнерусская культура малого городища на р. Менке)
 (фотографии и прорисовки В. Н. Бахматовой)

Fig. 2. Fragments of ceramics for technological analysis
 (1, 2 – the Upper Dnieper of the Kiev culture out of Adamenka-1 settlement; 3 – the Bantser and Prague culture out of Rusakovo-2 settlement;
 4, 5 – the Bantser culture out of Rechki-2 settlement; 6 – the Smolensk-Polotsk long barrows culture out of Gorodishche settlement;
 7 – the Raikovets culture out of Khotomel' settlement; 8 – the Ancient Russian culture out of the small hillfort on the Menka river)
 (photos and drawings by V. N. Bakhmatova)

Методика исследования

Изучение технологии изготовления керамических сосудов проводилось в рамках историко-культурного подхода к исследованию керамики, разработанного и введенного в научный оборот А. А. Бобринским [3; 5, с. 5–109], с некоторыми дополнениями и уточнениями Ю. Б. Цетлина [6; 7]. Основным методом в рамках указанного подхода выступает технико-технологический анализ керамических сосудов. Он направлен на выявление, учет и изучение навыков по изготовлению керамики. Выделение технологических данных по каждому сосуду и обобщение информации о гончарной технологии проводились в рамках естественной структуры гончарного производства [2, с. 14–15; 5, с. 9–11], которая состоит из

3 стадий и включает 10 ступеней. Данная структура предполагает следующие стадии:

1) подготовительную стадию, включающую отбор исходного сырья (ступень 1), добычу исходного сырья (ступень 2), обработку исходного сырья (ступень 3) и составление формовочной массы (ступень 4);

2) созидательную стадию, предполагающую конструирование начина сосуда (ступень 5), конструирование его полого тела (ступень 6), придание сосуду формы (ступень 7) и механическую обработку поверхностей (ступень 8);

3) закрепительную стадию, подразумевающую придание сосуду прочности (ступень 9) и устранение влагопроницаемости его стенок (ступень 10).

Результаты и их обсуждение

Подготовительная стадия. Изучение характеристик, позволяющих реконструировать технологические навыки на подготовительной стадии (ступени 1–4), осуществлялось по свежим изломам сосудов. Анализ археологической керамики и эталонных экспериментальных образцов проводился с помощью бинокулярного стереоскопического микроскопа². Зафиксировано количество включений естественного и искусственного происхождения на площади излома 1 см². Отмечены размер включений и их концентрация.

При анализе исходного пластичного сырья выявлены характеристики, которые позволили составить представление об исследованном сырье, в частности о его виде, ожелезненности, запесоченности и способах обработки [5, с. 75–85; 7, с. 157, 179; 8; 9, с. 156]. Вид специально введенной примеси идентифицирован на основе сопоставления археологических образцов керамики с эталонными образцами формовочных масс с разными примесями. В определении концентрации специально введенной примеси минерального происхождения количественные данные переведены в объемные доли³. Для этого применялись специально разработанные экспериментальные шкалы определения концентрации основных видов минеральных примесей. Концентрация примесей оценивалась как высокая (в соотношении от 1 : 2 до 1 : 1), средняя (от 1 : 5 до 1 : 3), низкая (менее 1 : 5). Для разграничения минеральных примесей по крупности использована следующая градация зерен: очень мелкие (до 0,5 мм), мелкие (до 1 мм), средние (до 2–3 мм), крупные (более 3 мм) [4, с. 33–41; 9, с. 78–81; 10].

Отбор, добычу и обработку исходного сырья (ступени 1–3) невозможно рассматривать по отдельности, так как эти процессы отражают организационную деятельность гончара и при изучении керамики

о них складывается общее представление. Все исходное сырье можно разделить на пластичное и непластичное. Исходным пластичным сырьем принято называть природные пластичные материалы, которые использовались для изготовления посуды. Во всех случаях применены природные глины и смеси из них. Зафиксированы главным образом ожелезненные глины разной степени запесоченности.

Использование незапесоченных глин является массовой традицией для изготовления посуды пражской культуры (80 %) и верхнеднепровского варианта киевской культуры (55,56 %), а также для керамики без определенной культурно-хронологической характеристики (100 %). В большинстве изученных керамических комплексов использование слабозапесоченной глины является массовой традицией (табл. 2).

Массовое применение среднезапесоченных и сильнозапесоченных глин зафиксировано в гончарной традиции населения банцеровской культуры селища Речки-2. Этому есть два объяснения. Во-первых, локальное проявление данной традиции связано с ландшафтными особенностями поселения. Во-вторых, носители данной традиции являются пришлым, возможно родственным в культурном отношении, элементом. В качестве исходного пластичного сырья в редких случаях зафиксировано применение незапесоченных и слабозапесоченных смесей природных глин (см. табл. 2).

Использование глинистого сырья в сухом дробленом состоянии является массовой традицией практически для всех изученных комплексов керамики (50–100 %). Применение пластичного сырья во влажном состоянии выступает массовой традицией для селища Речки-2, в частности для комплекса банцеровской культуры и комплекса без определенной культурно-хронологической характеристики (30–80 %) (см. табл. 2).

²Для проведения исследования использован стереоскопический микроскоп ЛОМО МСП-2 (вариант 2) (ООО «ЛОМО-микроскоп», Россия) с увеличением $\times 7-90$.

³Концентрация примеси обозначена как отношение объема искусственно введенной примеси к объему пластичного сырья.

Таблица 2

Соотношение видов ИПС при подготовке
формовочной массы для изготовления сосудов
в культурно-хронологических комплексах

Table 2

The ratio of types of initial plastic raw
in the preparation of molding mass for the manufacture
of vessels in cultural and chronological complexes

ИПС	Состояние сырья	ВДКК		КШП		ПК	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Г-ГІ	С	5	55,56	–	–	4	80
	ВЛ	2	22,22	–	–	–	–
ГІІ-ГІІІ	С	–	–	–	–	–	–
	ВЛ	–	–	–	–	–	–
ГК-ГКІ	С	2	22,22	1	100	1	20
Всего		9	100	1	100	5	100

ИПС	Состояние сырья	БК		БК (?), ПК (?)		БК (?), КПДК (?)	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Г-ГІ	С	6	46,15	9	39,13	2	66,67
	ВЛ	–	–	1	4,35	–	–
ГІІ-ГІІІ	С	2	15,38	11	47,82	1	33,33
	ВЛ	4	30,77	2	8,70	–	–
ГК-ГКІ	С	1	7,70	–	–	–	–
Всего		13	100	23	100	3	100

ИПС	Состояние сырья	РК		КСПДК		ДР	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Г-ГІ	С	1	50	5	71,42	2	100
	ВЛ	1	50	–	–	–	–
ГІІ-ГІІІ	С	–	–	1	14,29	–	–
	ВЛ	–	–	–	–	–	–
ГК-ГКІ	С	–	–	1	14,29	–	–
Всего		2	100	7	100	2	100

ИПС	Состояние сырья	БО		Всего	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Г-ГІ	С	1	20	35	50
	ВЛ	4	80	8	11,43
ГІІ-ГІІІ	С	–	–	15	21,43
	ВЛ	–	–	6	8,57
ГК-ГКІ	С	–	–	6	8,57
Всего		5	100	70	100

Примечание. Составлено В. Н. Бахматовой.

В качестве исходного непластичного сырья зафиксированы специально введенные примеси минерального происхождения (дресва, шамот, песок) и органического происхождения (навоз жвачных животных и выжимка из него, органический раствор неясного происхождения, мякина). Наиболее массовой минеральной примесью является дресва, она встречается практически во всех рассматриваемых комплексах керамики (до 92 %). Шамот встречается значительно реже (до 11 %). Примесь песка зафиксирована единично.

Дресва являет собой обломки зернистой, неоднородной по структуре горной породы (рис. 3, 1–4). Шамот представлен обломками керамических сосудов, вышедших из употребления. Специально введенная примесь песка зафиксирована дважды: в одном из сосудов пражской культуры выявлен очень мелкий песок, в сосуде райковецкой культуры – мелкий песок (рис. 3, 5, 6).

В качестве приемов обработки сырья таких минеральных примесей, как шамот и дресва, можно выделить только дробление. Анализ гранулометрического состава включений шамота и дресвы свидетельствует об отсутствии специальной калибровки данных примесей. Оценка размерности

основной части зерен показывает, что использовалась мелкая дресва (до 10 %), дресва среднего размера (до 17 %), а также крупная дресва (до 70 %). Концентрация дресвы является преимущественно средней (до 65 %), реже высокой (до 10 %) и низкой (до 3 %). Зафиксирован шамот среднего, реже крупного размера в средней или низкой концентрации (табл. 3 и 4).

В гончарстве исследуемых нами групп населения в качестве органической примеси использовались чаще всего выжимка из навоза (до 42–43 %) или другой органический раствор (до 31 %) (рис. 4, 4–9) [11].

В изломах сосудов зафиксирована специфическая категория органических остатков и отпечатков, определяемых как шелуха от зерен злаковых культур (полова). В качественный состав остатков, идентифицирующих данную примесь, входят углефицированные фрагменты и целые зерна злаков. Весь этот комплекс можно охарактеризовать как отходы от обмолота (мякина). А. А. Бобринский выделил данный вид примеси по материалам зарубинецкой культуры. Полова от зерен культурных злаков использовалась гончарами этой культуры и как примесь, и как подсыпка [2, с. 99–102].

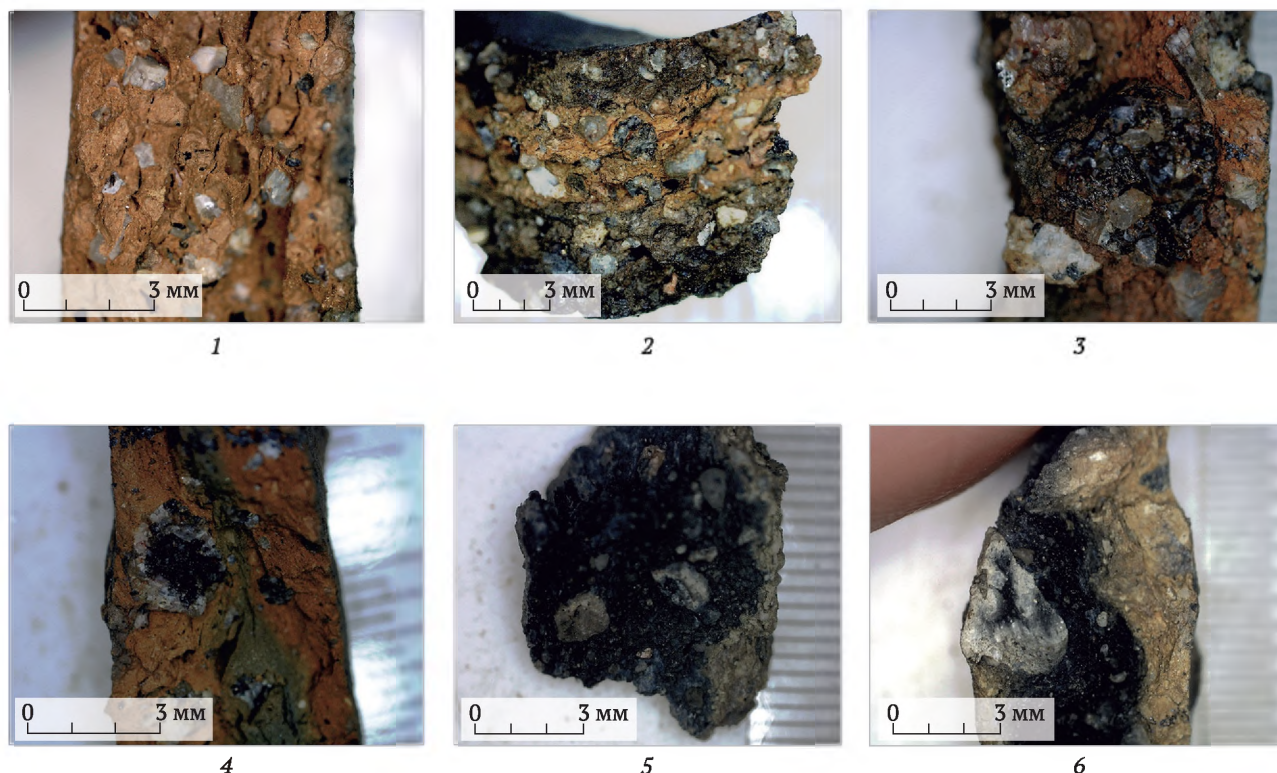

Рис. 3. Изломы сосудов с минеральными примесями в составе формовочной массы (1–4 – дресва; 5 – дресва и песок; 6 – шамот и песок) (фотографии В. Н. Бахматовой)

Fig. 3. Fresh breaks of vessels made from the pottery past with mineral tempers (1–4 – the broken stone; 5 – broken stone and sand; 6 – chamotte and sand) (photos by V. N. Bakhmatova)

Таблица 3

Распределение количества сосудов по размеру зерен
в составе минеральных примесей в культурно-хронологических комплексах

Table 3

Distribution of the number of vessels by grain size
in the composition of mineral impurities in cultural and chronological complexes

Размер зерна	ВДКК		КШП		ПК	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
<i>Дресва</i>						
До 1 мм	1	11,11	–	–	1	20
До 2 мм	–	–	–	–	1	20
До 3 мм	3	33,34	1	100	–	–
До 4 мм	–	–	–	–	–	–
До 5 мм	–	–	–	–	–	–
До 6 мм	2	22,22	–	–	–	–
До 7 мм	1	11,11	–	–	–	–
Нет примеси	2	22,22	–	–	3	60
<i>Шамот</i>						
До 2 мм	1	11,11	–	–	3	60
До 3 мм	–	–	–	–	–	–
До 5 мм	1	11,11	–	–	–	–
Нет примеси	7	77,78	1	100	2	40

Размер зерна	БК		БК (?), ПК (?)		БК (?), КПДК (?)	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
<i>Дресва</i>						
До 1 мм	–	–	2	8,70	–	–
До 2 мм	4	30,77	4	17,39	–	–
До 3 мм	6	46,15	13	56,52	2	66,67
До 4 мм	1	7,69	1	4,35	1	33,33
До 5 мм	2	15,38	2	8,70	–	–
До 6 мм	–	–	–	–	–	–
До 7 мм	–	–	–	–	–	–
Нет примеси	–	–	1	4,35	–	–
<i>Шамот</i>						
До 2 мм	–	–	–	–	–	–
До 3 мм	–	–	1	4,35	–	–
До 5 мм	–	–	–	–	–	–
Нет примеси	13	100	22	95,65	3	100

Размер зерна	РК		КСПДК		ДР	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
<i>Дресва</i>						
До 1 мм	–	–	1	14,29	1	50
До 2 мм	–	–	1	14,29	1	50
До 3 мм	–	–	5	71,42	–	–
До 4 мм	–	–	–	–	–	–

Окончание табл. 3
Ending of the table 3

Размер зерна	РК		КСПДК		ДР	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
До 5 мм	–	–	–	–	–	–
До 6 мм	–	–	–	–	–	–
До 7 мм	–	–	–	–	–	–
Нет примеси	2	100	–	–	–	–
<i>Шамот</i>						
До 2 мм	–	–	–	–	–	–
До 3 мм	1	50	–	–	–	–
До 5 мм	1	50	–	–	–	–
Нет примеси	–	–	7	100	2	100

Размер зерна	БО		Всего	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
<i>Дресва</i>				
До 1 мм	1	20	7	10
До 2 мм	1	20	12	17,14
До 3 мм	3	60	34	48,57
До 4 мм	–	–	3	4,29
До 5 мм	–	–	4	5,70
До 6 мм	–	–	2	2,86
До 7 мм	–	–	1	1,43
Нет примеси	–	–	8	11,43
<i>Шамот</i>				
До 2 мм	–	–	4	5,70
До 3 мм	–	–	2	2,86
До 5 мм	–	–	2	2,86
Нет примеси	5	100	62	88,58

Примечание. Составлено В. Н. Бахматовой.

Таблица 4

Соотношение концентрации минеральных примесей
в составе формовочных масс для изготовления сосудов
в культурно-хронологических комплексах

Table 4

The ratio of the concentration of mineral impurities
in the composition of molding masses for the manufacture
of vessels in cultural and chronological complexes

Концентрация	ВДКК		КШП		ПК	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
<i>Дресва</i>						
1 : 2	–	–	–	–	–	–
От 1 : 2 до 1 : 3	1	11,11	–	–	–	–
1 : 3	–	–	–	–	–	–
От 1 : 3 до 1 : 4	3	33,33	–	–	1	20
1 : 4	1	11,11	1	100	3	60

Продолжение табл. 4
Continuation of the table 4

Концентрация	ВДКК		КШП		ПК	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
От 1 : 4 до 1 : 5	2	22,22	–	–	–	–
1 : 5	1	11,11	–	–	1	20
От 1 : 5 до 1 : 6	1	11,11	–	–	–	–
Менее 1 : 6	–	–	–	–	–	–
Нет примеси	–	–	–	–	–	–
Шамот						
От 1 : 3 до 1 : 4	–	–	–	–	–	–
1 : 4	1	11,11	–	–	–	–
От 1 : 4 до 1 : 5	–	–	–	–	–	–
1 : 5	–	–	–	–	1	20
1 : 6	1	11,11	–	–	–	–
От 1 : 6 до 1 : 8	–	–	–	–	1	20
От 1 : 7 до 1 : 8	–	–	–	–	1	20
Нет примеси	7	77,78	1	100	2	40

Концентрация	БК		БК (?), ПК (?)		БК (?), КПДК (?)	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Дресва						
1 : 2	3	23,08	2	8,70	–	–
От 1 : 2 до 1 : 3	4	30,77	4	17,39	–	–
1 : 3	7	30,77	1	4,35	1	33,33
От 1 : 3 до 1 : 4	1	7,69	6	26,09	2	66,67
1 : 4	1	7,69	5	21,74	–	–
От 1 : 4 до 1 : 5	–	–	5	21,74	–	–
1 : 5	–	–	–	–	–	–
От 1 : 5 до 1 : 6	–	–	–	–	–	–
Менее 1 : 6	–	–	–	–	–	–
Нет примеси	–	–	–	–	–	–
Шамот						
От 1 : 3 до 1 : 4	–	–	–	–	–	–
1 : 4	–	–	–	–	–	–
От 1 : 4 до 1 : 5	–	–	1	4,35	–	–
1 : 5	–	–	–	–	–	–
1 : 6	–	–	–	–	–	–
От 1 : 6 до 1 : 8	–	–	–	–	–	–
От 1 : 7 до 1 : 8	–	–	–	–	–	–
Нет примеси	13	100	22	95,65	3	100

Концентрация	РК		КСПДК		ДР	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Дресва						
1 : 2	–	–	1	14,29	1	50
От 1 : 2 до 1 : 3	–	–	1	14,29	–	–

Окончание табл. 4
Ending of the table 4

Концентрация	РК		КСПДК		ДР	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
1 : 3	–	–	1	14,29	1	50
От 1 : 3 до 1 : 4	–	–	–	–	–	–
1 : 4	–	–	4	57,14	–	–
От 1 : 4 до 1 : 5	–	–	–	–	–	–
1 : 5	–	–	–	–	–	–
От 1 : 5 до 1 : 6	–	–	–	–	–	–
Менее 1 : 6	–	–	–	–	–	–
Нет примеси	2	100	–	–	–	–
<i>Шамот</i>						
От 1 : 3 до 1 : 4	1	50	–	–	–	–
1 : 4	1	50	–	–	–	–
От 1 : 4 до 1 : 5	–	–	–	–	–	–
1 : 5	–	–	–	–	–	–
1 : 6	–	–	–	–	–	–
От 1 : 6 до 1 : 8	–	–	–	–	–	–
От 1 : 7 до 1 : 8	–	–	–	–	–	–
Нет примеси	–	–	7	100	2	100

Концентрация	БО		Всего	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
<i>Дресва</i>				
1 : 2	–	–	7	10
От 1 : 2 до 1 : 3	–	–	10	14,29
1 : 3	–	–	46	65,71
От 1 : 3 до 1 : 4	–	–		
1 : 4	–	–		
От 1 : 4 до 1 : 5	1	20		
1 : 5	–	–		
От 1 : 5 до 1 : 6	–	–	2	2,86
Менее 1 : 6	1	20		
Нет примеси	3	60	5	7,14
<i>Шамот</i>				
От 1 : 3 до 1 : 4	–	–	5	7,14
1 : 4	–	–		
От 1 : 4 до 1 : 5	–	–	–	–
1 : 5	–	–		
1 : 6	–	–	3	4,29
От 1 : 6 до 1 : 8	–	–		
От 1 : 7 до 1 : 8	–	–		
Нет примеси	5	100	62	88,57

Примечание. Составлено В. Н. Бахматовой.

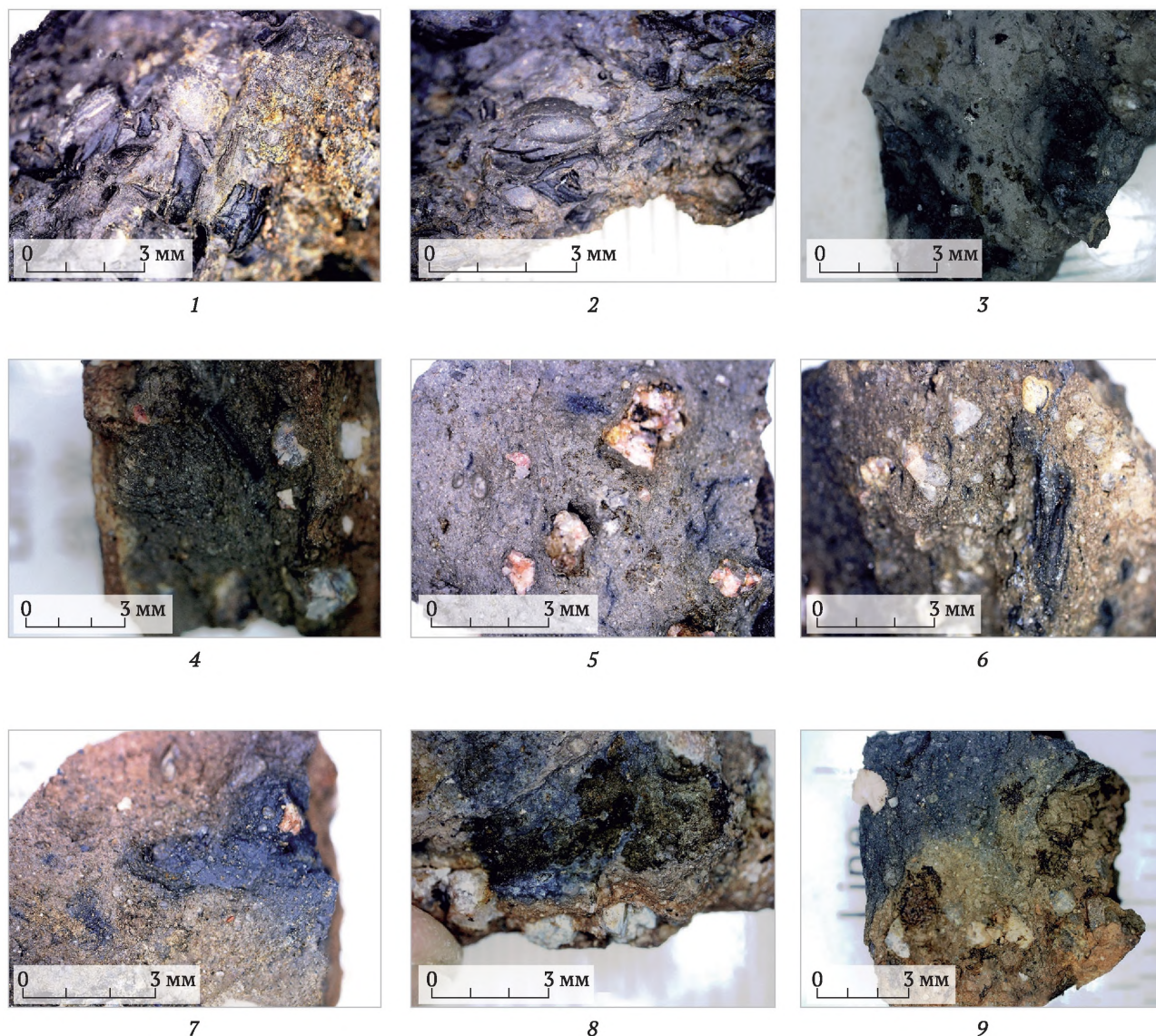

Рис. 4. Изломы сосудов с органическими примесями в составе формовочной массы
(1–3 – отходы от обмолота зерновых культур; 4–6 – выжимка из навоза; 7–9 – органический раствор)
(фотографии В. Н. Бахматовой)

Fig. 4. Fresh breaks of vessels made from the pottery past with organic tempers
(1–3 – waste from threshing grain crops; 4–6 – the liquid component of cow manure; 7–9 – the organic solutions)
(photos by V. N. Bakhmatova)

Отпечатки зерен на сосудах различных культур 1-го тыс. до н. э. – 1-го тыс. н. э. нередко становились объектом изучения археоботаников. Следует отметить отпечатки зерновок на сосудах банцеровской, пражской и райковецкой культур [12; 13, с. 216–217; 14; 15]. Проанализированы преимущественно отпечатки зерен на поверхностях стенок и дне сосудов, включения в изломах зафиксированы редко [13, с. 186, 217; 15, с. 301]. О наличии других следов органических примесей в большинстве случаев не сообщается. З. В. Янушевич зафиксировала отпечатки отходов обмолота зерна на керамике зарубинецкой культуры [16, табл. 32]. С. А. Горбаненко, изучая отпечатки зерен злаковых на керамике пражской культуры, кроме отпечатков зерен, выявил отпе-

чатки шелухи от зерен разных злаковых культур, которая использовалась в качестве подсыпки под дно сосудов при лепке [15, с. 306].

Единичные включения зерна и его отпечатки на поверхностях стенок сосудов и его изломов на одном сосуде стоит интерпретировать как компонент примеси отходов от обмолота. Кроме того, их попадание могло быть случайным (в результате подсыпки и т. д.). В комплексе керамики без культурной интерпретации селища Речки-2 зафиксировано большое количество отпечатков и углефицированных остатков половы зерен злаковых растений (выявлены единичные фрагменты зерен) в изломах и на поверхностях сосудов (рис. 4, 1, 2). Такая концентрация исключает случайный характер попадания отходов

от обмолота злаков в состав формовочной массы. Что касается керамики пражской культуры селища Снядин-3, то отпечатки зерен или шелухи от них с углистым налетом встречаются в изломах одного из сосудов (рис. 4, 3).

Среди навыков составления формовочных масс (ступень 4) выявлены только традиции, связанные с подготовкой массы с использованием одного или нескольких сортов пластичного сырья и добавлением различных видов непластичного сырья [2, с. 89–112]. По влиянию, которое вводимая примесь оказывает на керамический сосуд, все формовочные массы можно разделить на два класса: класс 1 включает формовочные массы с примесями, которые уменьшают вредное влияние усадки глины (органические массы); класс 2 включает формовочные массы с примесями, которые увеличивают огнестойкость изделий (минеральные массы). Данная классификация распространяется в первую очередь на простые рецепты, в которых к пластичному сырью добавлен только один вид примеси. Выявлены следующие рецепты формовочных масс:

- пластичное сырье и мякина (класс 1, встречается только в материалах селища Речки-2 в комплексе керамики без определенной культурно-хронологической характеристики и имеет высокую концентрацию примеси);
- пластичное сырье и дресва (класс 2, является наиболее распространенным, но массово применяется только в культурах конца 1-го тыс. н. э.);

- пластичное сырье и шамот (класс 2, зафиксирован только в отношении сосудов райковецкой культуры).

В общем комплексе изученных сосудов доля керамики с простыми рецептами формовочных масс составляет не более 17 % (табл. 5). Наиболее распространены сложные рецепты изготовления формовочных масс, где присутствуют два или более вида неглинистых компонентов. Самыми массовыми рецептами на большинстве памятников являются трехкомпонентные рецепты: пластичное сырье, минеральная примесь и органическая примесь. В качестве минеральных примесей использовалась дресва, в качестве органических примесей применялись выжимка, органический раствор и мякина. Самым массовым в большинстве комплексов является следующий рецепт: пластичное сырье, дресва и выжимка или органический раствор (66 % от всего комплекса керамики). Исключение составляют комплексы керамики пражской, райковецкой и древнерусской культур. Сложные четырехкомпонентные рецепты с двумя видами минеральных примесей и одним видом органической примеси распространены в керамических комплексах пражской и райковецкой культур. В основе этих рецептов лежит использование только незапесоченных и слабозапесоченных глин. В качестве минеральных примесей зафиксированы шамот, дресва и песок, в качестве органических примесей – навоз, выжимка и органический раствор (см. табл. 5).

Таблица 5

Соотношение компонентов в рецептах формовочных масс
для изготовления сосудов в культурно-хронологических комплексах

Table 5

The ratio of components in the recipes of molding masses
for the manufacture of vessels in cultural and chronological complexes

ИПС	Примеси	ВДКК		КШП		ПК	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Г-ГІ	Д	1	11,11	–	–	–	–
	Ш	–	–	–	–	–	–
	М	–	–	–	–	–	–
	Д + В	3	33,33	–	–	–	–
	Д + ОР	1	11,11	–	–	–	–
	Д + М	–	–	–	–	–	–
	Ш + Д + ОР	2	22,22	–	–	2	40
	Ш + Д + Н	–	–	–	–	1	20
	Ш + Д + В	–	–	–	–	–	–
	Ш + П + Н	–	–	–	–	–	–
	Д + П + ОР	–	–	–	–	1	20
ГК-ГКІ	Д + ОР	2	22,22	–	–	–	–
	Д + В	–	–	1	100	–	–
	Д + М	–	–	–	–	1	20

Продолжение табл. 5
Continuation of the table 5

ИПС	Примеси	ВДКК		КШП		ПК	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
ГП-ГПШ	Д	–	–	–	–	–	–
	Д + В	–	–	–	–	–	–
	Д + ОР	–	–	–	–	–	–
Всего		9	100	1	100	5	100

ИПС	Примеси	БК		БК (?), ПК (?)		БК (?), КПДК (?)	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Г-ГП	Д	–	–	2	8,70	–	–
	Ш	–	–	–	–	–	–
	М	–	–	–	–	–	–
	Д + В	3	23,08	3	13,04	1	33,33
	Д + ОР	3	23,08	4	17,39	1	33,33
	Д + М	–	–	–	–	–	–
	Ш + Д + ОР	–	–	–	–	–	–
	Ш + Д + Н	–	–	–	–	–	–
	Ш + Д + В	–	–	1	4,35	–	–
	Ш + П + Н	–	–	–	–	–	–
	Д + П + ОР	–	–	–	–	–	–
ГК-ГКІ	Д + ОР	–	–	–	–	–	–
	Д + В	1	7,69	–	–	–	–
	Д + М	–	–	–	–	–	–
ГП-ГПШ	Д	1	7,69	–	–	–	–
	Д + В	4	30,77	11	47,83	–	–
	Д + ОР	1	7,69	2	8,70	1	33,34
Всего		13	100	23	100	3	100

ИПС	Примеси	РК		КСПДК		ДР	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Г-ГП	Д	–	–	3	42,85	2	100
	Ш	1	50	–	–	–	–
	М	–	–	–	–	–	–
	Д + В	–	–	2	28,57	–	–
	Д + ОР	–	–	–	–	–	–
	Д + М	–	–	–	–	–	–
	Ш + Д + ОР	–	–	–	–	–	–
	Ш + Д + Н	–	–	–	–	–	–
	Ш + Д + В	–	–	–	–	–	–
	Ш + П + Н	1	50	–	–	–	–
	Д + П + ОР	–	–	–	–	–	–
ГК-ГКІ	Д + ОР	–	–	–	–	–	–
	Д + В	–	–	1	14,29	–	–
	Д + М	–	–	–	–	–	–

Окончание табл. 5
Ending of the table 5

ИПС	Примеси	РК		КСПДК		ДР	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
ГП-ГПШ	Д	–	–	–	–	–	–
	Д + В	–	–	1	14,29	–	–
	Д + ОР	–	–	–	–	–	–
<i>Всего</i>		2	100	7	100	2	100

ИПС	Примеси	БО		Всего	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Г-ГП	Д	–	–	8	11,43
	Ш	–	–	1	1,43
	М	3	60	3	4,29
	Д + В	–	–	13	18,57
	Д + ОР	–	–	9	12,85
	Д + М	2	40	2	2,86
	Ш + Д + ОР	–	–	4	5,71
	Ш + Д + Н	–	–	1	1,43
	Ш + Д + В	–	–	1	1,43
	Ш + П + Н	–	–	1	1,43
	Д + П + ОР	–	–	1	1,43
ГК-ГКІ	Д + ОР	–	–	2	2,86
	Д + В	–	–	2	2,86
	Д + М	–	–	1	1,43
ГП-ГПШ	Д	–	–	1	1,43
	Д + В	–	–	16	22,85
	Д + ОР	–	–	4	5,71
<i>Всего</i>		5	100	70	100

Примечание. Составлено В. Н. Бахматовой.

Созидательный этап. Высокая фрагментированность изучаемой серии сосудов не позволила составить представление о таких навыках гончарной технологии, как изготовление начина, полого тела и придание сосуду формы (ступени 5–7). Отсутствие следов участия гончарного круга в изготовлении сосудов позволяет определить уровень развития функций круга 0–1 и утверждать, что все изученные сосуды созданы различными способами скульптурной лепки. На донных частях некоторых сосудов селища Русаково-2, связанного с банцеровской и пражской культурами, зафиксированы следы от оси гончарного круга при отсутствии следов работы на нем, что свидетельствует об использовании круга в качестве поворотного столика. Анализ отпечатков на донных частях сосудов показал, что в качестве подсыпки в изготовлении керамики большинства изученных комплексов применялась дрсва (рис. 5, 1, 2), а в изготовлении сосудов пражской культуры – древесная зола (рис. 5, 3) и, веро-

ятно, половина зерен злаковых растений (рис. 5, 4). На сосудах древнерусской культуры выявлены признаки использования гончарного круга для заглаживания и формообразования верхней части сосуда, что соответствует уровню развития функций круга 2–3 (табл. 6).

При изучении выборки керамических сосудов зафиксированы безгрунтовочное и грунтовочное направления в развитии навыков механической обработки поверхностей (ступень 8). Приемы безгрунтовочного направления обнаружены при исследовании всех сосудов. Наиболее распространенным приемом является простое заглаживание пальцами по влажной основе. Выявлено как ручное заглаживание (характерно для всех культурных групп керамики), так и машинно-ручное заглаживание (характерно только для древнерусской керамики). Бороздчатое заглаживание (в форме площадок параллельных борозд, идентифицированных как следы от гребенки) зафиксировано на внешней поверхности стенок

некоторых сосудов верхнеднепровского варианта киевской культуры (рис. 6, 1).

В рамках грунтовочного направления зафиксирован только один прием – обмазка внешней поверхности жидким глиняным раствором. Он при-

готовлен на основе сухой дробленой глины без калибровки с примесью крупного песка. Следы обмазки выявлены только на внешней поверхности стенок сосуда группы керамики с шероховатой (облитой) поверхностью (рис. 6, 2).

Таблица 6

Распределение количества сосудов по уровню РФК
в культурно-хронологических комплексах

Table 6

Distribution of the number of vessels according to the level
of development of the functions of the potter's wheel
in cultural and chronological complexes

Уровень РФК	Подсыпка	ВДКК		КШП		ПК	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
0–1	Зола	–	–	–	–	2	40
	Дресва	–	–	1	100	–	–
	Органика (?)	–	–	–	–	1	20
	Не определена	9	100	–	–	2	40
2–3	Не определена	–	–	–	–	–	–
Всего		9	100	1	100	5	100

Уровень РФК	Подсыпка	БК		БК (?), ПК (?)		БК (?), КПДК (?)	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
0–1	Зола	–	–	1	4,35	–	–
	Дресва	2	15,38	3	13,05	–	–
	Органика (?)	–	–	–	–	–	–
	Не определена	11	84,62	19	82,60	3	100
2–3	Не определена	–	–	–	–	–	–
Всего		13	100	23	100	3	100

Уровень РФК	Подсыпка	РК		КСПДК		ДР	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
0–1	Зола	–	–	–	–	–	–
	Дресва	–	–	–	–	–	–
	Органика (?)	–	–	–	–	–	–
	Не определена	2	100	7	100	–	–
2–3	Не определена	–	–	–	–	2	100
Всего		2	100	7	100	2	100

Уровень РФК	Подсыпка	БО		Всего	
		Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
0–1	Зола	–	–	3	4,29
	Дресва	–	–	6	8,57
	Органика (?)	–	–	1	1,43
	Не определена	5	100	58	82,86
2–3	Не определена	–	–	2	2,85
Всего		5	100	70	100

Примечание. Составлено В. Н. Бахматовой.

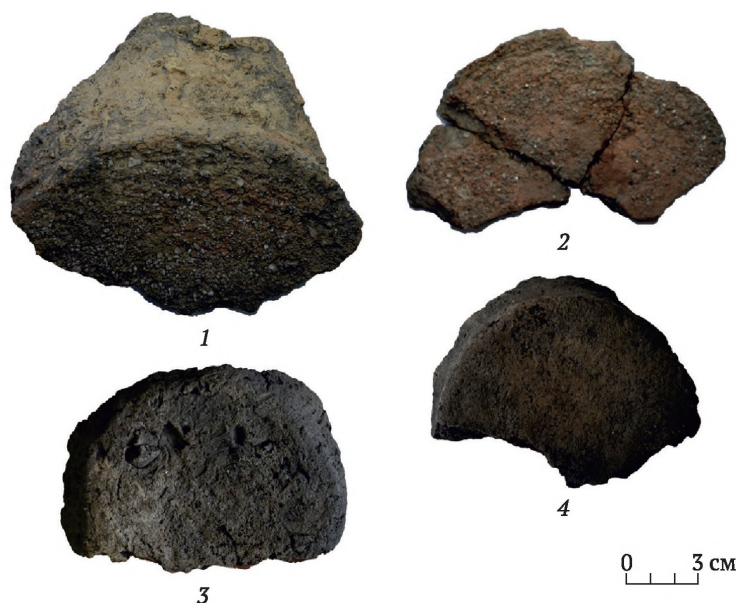

Рис. 5. Фрагменты сосудов со следами подсыпки на дне
(1-2 – дресва; 3 – полова; 4 – древесная зола)
(фотографии В. Н. Бахматовой)

Fig. 5. Fragments bottoms of vessels with traces from the filling
(1-2 – the broken stone; 3 – the husks from grains; 4 – the wood ash)
(photos by V. N. Bakhmatova)

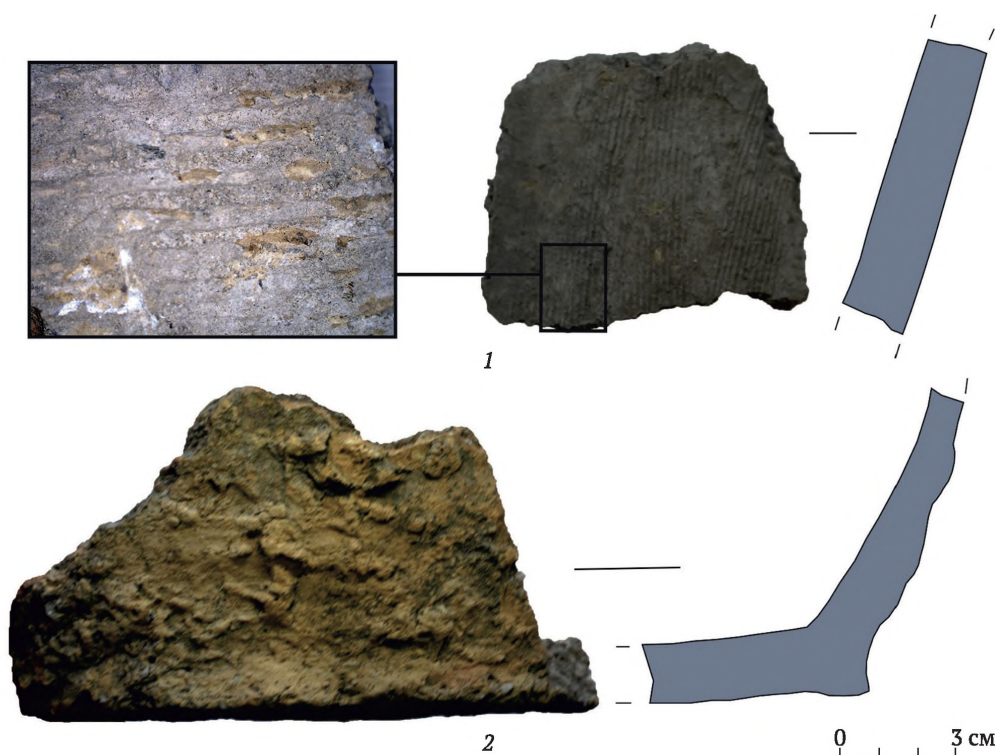

Рис. 6. Фрагменты сосудов со следами обработки поверхности
(1 – заглаживание гребенкой; 2 – обмазка глиняным раствором)
(фотографии и прорисовки В. Н. Бахматовой)

Fig. 6. Fragments of vessels with traces from the treatment of vessel surfaces
(1 – the smoothing with a comb; 2 – the slipping of clay solutions)
(photos and drawings by V. N. Bakhmatova)

Закрепительная стадия. На данной стадии были проанализированы навыки придания прочности сосуду и устранения влагопроницаемости его стенок (ступени 9–10). Зафиксирован только такой прием изготовления сосудов, как термическая обработка (обжиг). Изучение цветовых характеристик поверхностей сосуда и его изломов позволяет сделать предположение о режиме обжига. Для характеристики видов обжига использован общий подход к систематике А. А. Бобринского и Ю. Б. Цетлина [5, с. 85–107; 7, с. 140–145].

Обжиг подавляющего большинства проанализированных сосудов может быть охарактеризован как высокотемпературный (от 550–650 до 900–1100 °С), что соответствует уровню 2 (табл. 7). Он производился в полувосстановительной газовой среде с преобладанием восстановительной среды (изоляция от доступа кислорода обеспечена длительным контактом сосудов с топливом) или окислительной среды (неограниченный доступ кислорода обусловлен минимальным контактом сосудов с топливом). В таком случае сосуды получают пятнистую серо-коричне-

вую, редко равномерную коричневую окраску поверхностей и различные характеристики излома (от полностью прокаленного черепка до наличия прослоек серого цвета разной толщины). Обозначенный режим обжига может быть воссоздан не только в условиях использования простейших обжигательных устройств, очага или кострища, но и в условиях применения специальной печи [17, с. 60–62; 18].

В материалах селища Речки-2 (банцеровская керамика, керамика без определенной характеристики) и селища Русаково-2 выявлены сосуды, обжиг которых может быть охарактеризован как низкотемпературный (до 550–650 °С), что соответствует уровню 1 (см. табл. 7). Такой обжиг проводился в условиях восстановительной (редко полувосстановительной) среды с длительной выдержкой при конечной температуре. Он экспериментально реконструирован в очаге [17, с. 62–63; 19]. Сосуды с таким обжигом характеризуются серой или черно-серой равномерной окраской поверхностей и изломов. Иногда на поверхностях сосудов отмечаются более светлые прокаленные участки.

Таблица 7

Соотношение уровня обжига сосудов
в культурно-хронологических комплексах

Table 7

The ratio of the level of vessel firing
in cultural and chronological complexes

Уровень обжига сосудов	ВДКК		КШП		ПК	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Уровень 1	–	–	–	–	–	–
Уровень 2	9	100	1	100	5	100
Всего	9	100	1	100	5	100

Уровень обжига сосудов	БК		БК (?), ПК (?)		БК (?), КПДК (?)	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Уровень 1	1	7,69	3	13,04	–	–
Уровень 2	12	92,31	20	86,96	3	100
Всего	13	100	23	100	3	100

Уровень обжига сосудов	РК		КСПДК		КР	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Уровень 1	–	–	–	–	–	–
Уровень 2	2	100	7	100	2	100
Всего	2	100	7	100	2	100

Уровень обжига сосудов	БО		Всего	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Уровень 1	5	100	9	12,86
Уровень 2	–	–	61	87,14
Всего	5	100	70	100

Примечание. Составлено В. Н. Бахматовой.

Высокая фрагментированность сосудов и немногочисленность изученной выборки не позволяют дать полную характеристику процессам смешения технологических традиций в гончарстве населения территории Беларуси в 1-м тыс. н. э. Полученные данные дали возможность выделить и охарактеризовать только три первых этапа данного смешения.

На первом этапе происходит смешение традиций в отборе исходного пластичного сырья, в качестве которого выступают смеси природных глин. Этот этап длится от одного до нескольких лет и отражает процесс привыкания пришлых гончаров к местным глинам. Смешанные традиции в отборе пластичного сырья проявляются прежде всего в использовании в качестве исходного пластичного сырья смесей глин [2, с. 243; 6, с. 134]. Глиняные смеси зафиксированы в среде гончаров, использовавших незапесоченные или слабозапесоченные глины. Применение запесоченной глины как компонента смеси зафиксировано только среди гончаров верхнеднепровского варианта киевской культуры селища Адаменка-1.

Второй этап включает смешение традиций подготовки и составления формовочных масс. Данный этап охватывает несколько первых лет после начала смешения [2, с. 243; 6, с. 134] и проявляется в смешанных рецептах масс для изготовления посуды. Среди рецептов изученной выборки керамики выделены варианты, в которых присутствуют два вида минеральной примеси в нескольких комбинациях (шамот и дресва, шамот и песок, дресва и песок) и органическая примесь (навоз, выжимка или органический раствор). В основе этих рецептов лежит незапесоченное или слабозапесоченное сырье.

Предпосылкой возникновения смешанных традиций могли стать рецепты с примесью дресвы и органики или только на основе дресвы или шамота. Однако смешанные рецепты формовочных масс с примесью дресвы и шамота в готовом виде⁴, скорее всего, уже существовали и в период бытования милоградской и зарубинецкой культур (1-е тыс. до н. э. – начало 1-го тыс. н. э.) и составляли массовую традицию [1, с. 38, 42; 2, с. 96]. Использование шамота Н. Н. Дубицкая считала проявлением южных (среднеднепровских) гончарных традиций, связанных с мощным влиянием лесостепного гончарства раннего железного века, а использование дресвы – проявлением северных (верхнеднепровских) традиций [1, с. 171–172]. Добавление примеси шамота в формовочную массу распространено в гончарстве населения верхнеднепровского варианта киевской культуры (селище Адаменка-1), пражской культуры (селища Снядин-3 и Русаково-2) и райковецкой культуры (селище Хотомель), т. е. в более южных районах,

испытывавших наиболее сильное влияние шамотной традиции еще в эпоху раннего железного века.

Такие виды примесей, как песок и навоз, зафиксированы только в составе формовочных масс по смешанным рецептам и характерны для памятников одного культурного круга. Примесь песка, особенно в сочетании с шамотом, была свойственна гончарству зарубинецких памятников южных припятских традиций. Для гончарных традиций Верхнего Поднепровья рецепты с примесью песка нехарактерны [1, с. 41].

На третьем этапе происходит смешение традиций в навыках обработки поверхности сосудов. Этот процесс осуществляется в рамках жизни одного поколения [2, с. 243; 5, с. 134]. Смешанные навыки обработки поверхности зафиксированы только для древнерусской керамики: поверхности одного сосуда заглажены как вручную, так и с помощью гончарного круга.

Для заключения о месте изучаемого гончарства в эволюционной цепочке гончарных производств были привлечены представления изучаемого населения об исходном сырье [5, с. 76–77]. Во всех исследованных сосудах доля пластичного сырья в составе формовочной массы варьирует от 66 до 87–90 %. Глина несет функцию основного сырья. Это свидетельствует о частично сформированных представлениях гончаров о глине как о сырье для производства посуды и об археогончарном уровне гончарной технологии [5, с. 85].

Основываясь на полученных данных об уровне развития функций гончарного круга и обжиге посуды, исследованную керамику следует отнести к продукции домашнего производства (изготовление сосудов для нужд одного близкородственного коллектива). Данное производство характеризуется использованием простейшего центрирующего устройства (крутящейся подставки или даже гончарного круга) и различных теплотехнических сооружений для обжига керамики (кострища, очаги, печи). По имеющимся сведениям, специальные устройства для обжига керамики на поселениях 1-го тыс. н. э. пока не зафиксированы. Однокамерная конструкция для обжига керамики более раннего периода была выявлена при раскопках зарубинецкого поселения Хотомель-2 [20, с. 162, рис. 10]. В большинстве исследованных жилых построек пражской и райковецкой культур имелись печи и очаги различных конструкций [21, с. 25; 22, с. 94]. Эти конструкции могли периодически использоваться для обжига посуды. Такой вид обжига керамических изделий в обычных домашних печах сохранялся на территории Беларуси до начала XX в. [23, с. 50–51].

⁴Однозначно утверждать невозможно, так как в нашем распоряжении имеются данные петрографического изучения керамики. Специфика данного метода состоит в том, что весь его инструментарий направлен на изучение компонентов минерального происхождения.

Заключение

Результаты исследования позволили сделать несколько интересных наблюдений о гончарстве на территории Беларуси в 1-м тыс. н. э. Сформулирован ряд дискуссионных проблем, касающихся конкретных технологических навыков, прежде всего проблема использования запесоченных глин в качестве исходного пластичного сырья гончарами банцеровской культуры. Большой интерес вызывает уникальный комплекс керамики с селища Речки-2 со специально введенной примесью в формовочную массу отходов от обмолота зерновых культур. Нерешенными остаются вопросы, связанные с навыками конструирования начина и полого тела керамических сосудов гончарами на протяжении всего 1-го тыс. н. э. В рамках данной статьи поднята проблема обжига керамики с использованием теплотехнических сооружений бытового назначения (наземные очаги и печи в жилищах). Выявлены процессы смешения

культурных традиций в изучаемом регионе. Практически в каждом изученном комплексе керамики зафиксированы признаки первых двух этапов смешения гончарных традиций, связанных с адаптацией гончарных традиций после переселения гончаров в другую местность. Несмотря на домашнюю форму изготовления керамической посуды, выделяются гончары, которые начали осваивать работу с гончарным кругом и, возможно, со специальными печами для обжига. Чтобы построить детальные историко-культурные интерпретации, необходимо увеличить численность выборки керамических сосудов для технологического исследования и расширить перечень археологических памятников. Планомерное изучение керамических материалов региона значительно дополнит представления о гончарных традициях эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья на территории Восточной Европы.

Сокращения в таблицах

ВДКК – верхнеднепровский вариант киевской культуры (конец II – начало IV в. н. э.); КШП – керамика с шероховатой поверхностью (IV–V вв. н. э.); ПК – пражская культура (V–VII вв. н. э.); БК – банцеровская культура (V–VII вв. н. э.); РК – райковецкая культура (VIII–IX вв. н. э.); КСПДК – культура смоленско-полоцких длинных курганов (VIII–X вв. н. э.); ДР – культура древнерусского периода (X–XI вв. н. э.); БО – культурно-хронологическая характеристика не определена; КПДК – культура псковских длинных курганов (V–VII вв. н. э.); ИПС – исходное пластичное сырье; Г-ГП – незапесоченная и слабозапесоченная глина; ГП-ГПШ – среднезапесоченная и сильнозапесоченная глина; ГК-ГКШ – незапесоченная и слабозапесоченная смесь глин; С – сухое; ВЛ – влажное; Д – дресва; М – мякина; Ш – шамот; П – песок; В – выжимка из навоза; ОР – органический раствор; Н – навоз; РФК – развитие функций гончарного круга.

Библиографические ссылки

1. Дубицкая НН. *Производство керамической посуды населением Припятского Полесья в эпоху железа и раннего Средневековья*. Минск: Беларуская навука; 2007. 180 с.
2. Бобринский АА. *Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения*. Москва: Наука; 1978. 272 с.
3. Бобринский АА. История экономического развития гончарного производства у населения Верхнего и Среднего Поднепровья в I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. *Вестник «История керамики»*. 2020;2:21–32. DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-316-9.21-32.
4. Плавинский НА, Тарасевич ВН. Предварительные результаты раскопок некрополя второй половины 1-го тыс. н. э. Навры II в контексте изучения погребальных памятников северных регионов Республики Беларусь. *Краткие сообщения Института археологии*. 2021;263:298–326.
5. Бобринский АА. *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара: Самарский государственный педагогический университет; 1999. 232 с.
6. Цетлин ЮБ. *Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода*. Москва: ИА РАН; 2012. 379 с.
7. Цетлин ЮБ. *Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода*. Москва: ИА РАН; 2017. 346 с.
8. Бобринский АА, Васильева ИН. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства. В: Васильев ИБ, редактор. *Проблемы древней истории Северного Прикаспия*. Самара: Самарский государственный педагогический университет; 1998. с. 193–217.
9. Моргунова НЛ, редактор. *Турганинское поселение в Оренбургской области*. Оренбург: Издательский центр ОГАУ; 2017. 300 с.
10. Бахматова ВН. Методика определения концентрации примеси песка в формовочной массе керамики «джукетау» X–XV вв. *Вестник «История керамики»*. 2023;5:157–188.
11. Илюшина ВВ. К проблеме идентификации органических растворов в древней керамике. В: Лозовская ОВ, Мазуркевич АН, Долбунова ЕВ, редакторы. *Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы Международной научной конференции; 24–27 мая 2016 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; 2016. с. 78–81.
12. Лошенко М. Ботанические находки с селища Борисковичи Первые. В: Чубур АА, редактор. *Археологические исследования в евровегионе «Днепр» в 2013 г.* Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского; 2014. с. 269–271.
13. Лошенко М. *Археоботанические коллекции Беларуси*. Минск: Издательский центр БГУ; 2021. 400 с.
14. Лашанкоў М, Лябедзька У, Касюк А, Курловіч П, Тарасевіч В. Батанічныя дамешкі ў кераміцы пражскай культуры з паселішча Востраў на поўдні Беларусі. В: Дунай ВІ, редактор. *Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі*

«Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе»; 25–26 февраля 2022 г.; Пинск, Беларусь. Пинск: Полесский государственный университет; 2022. с. 141–147.

15. Горбаненко СА. Палеоэтноботанические материалы пражской культуры. *Краткие сообщения Института археологии*. 2015;238:299–318.

16. Янушевич ЗВ. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинёв: Штиинца; 1976. 214 с.

17. Васильева ИН, Салугина НП. Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды. В: Агапов СА, редактор. *Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы Международной полевой научной конференции; 6–12 августа 2012 г.; Новая Беденьга, Россия*. Ульяновск: Печатный двор; 2013. с. 57–89.

18. Волкова ЕВ. Очаг или кострище? (Экспериментальный обжиг посуды). *Самарский научный вестник*. 2015;3(12): 37–55.

19. Волкова ЕВ, Цетлин ЮБ. К методике изучения режимов обжига древней керамики. В: Лозовская ОВ, Мазуркевич АН, Долбунова ЕВ, редакторы. *Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы Международной научной конференции; 24–27 мая 2016 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; 2016. с. 76–77.

20. Бяліцкая Г. Тапаграфія і забудова паселішчаў зарубінецкай культуры ў Прыпяцкім Палессі. У: Ляўко ВМ, рэдактар. *Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян»; 29–30 верасня 2009 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларуская навука; 2011. с. 152–169.

21. Русанова ИП. *Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом*. Москва: Наука; 1973. 99 с.

22. Касюк АФ. Славянскія старажытнасці VIII–X стст. на тэрыторыі Беларускага Палесся. В: Егорейченко АА, редактор. *Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э. М. Загоруйского; 6–7 декабря 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 93–101.

23. Цетлин ЮБ, Волкова ЕВ. Печи для обжига керамики (по этнографическим и археологическим данным). *Вестник «История керамики»*. 2023;5:43–64.

References

1. Dubitskaya NN. *Proizvodstvo keramicheskoi posudy naseleniem Pripyatskogo Poles'ya v epokhu zheleza i rannego Srednevekov'ya* [Production of ceramic tableware by the population of Pripjat Polesie in the Iron Age and early Middle Ages]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2007. 180 p. Russian.

2. Bobrinsky AA. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [East-European pottery. Sources and research methods]. Moscow: Nauka; 1978. 272 p. Russian.

3. Bobrinsky AA. The history of economic development of pottery production among the population of the Upper and Middle Dnieper Region in the 1st millennium BC – 2nd millennium AD. *«History of Ceramics» Bulletin*. 2020;2:21–32. Russian. DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-316-9.21-32.

4. Plavinskii NA, Tarasevich VN. [Preliminary results of excavations of the necropolis of the second half of the 1st millennium AD Navry II in the context of studying funerary monuments of the Northern regions of the Republic of Belarus]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2021;263:298–326. Russian.

5. Bobrinsky AA. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Current issues of ancient pottery study]. Samara: Samara State Pedagogical University; 1999. 232 p. Russian.

6. Tsetlin YuB. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient ceramics. The theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 2012. 379 p. Russian.

7. Tsetlin YuB. *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ceramics. Concepts and definitions of the historical and cultural approach]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 2017. 346 p. Russian.

8. Bobrinsky AA, Vasil'eva IN. [On some features of plastic raw materials in the history of pottery]. In: Vasil'ev IB, editor. *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiya* [Problems of the ancient history of the Northern Caspian Sea]. Samara: Samara State Pedagogical University; 1998. p. 193–217. Russian.

9. Morgunova NL, editor. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti* [Turganik settlement in the Orenburg region]. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU; 2017. 300 p. Russian.

10. Bakhmatova VN. [Special aspects of determining the proportion of sand temper in the pottery paste of «Dzhuketau» ceramics of the 10–15th centuries]. *«History of Ceramics» Bulletin*. 2023;5:157–188. Russian.

11. Ilyushina VV. [On the problem of the identification of the organic solutions in ancient ceramics]. In: Lozovskaya OV, Mazurkevich AN, Dolbunova EV, editors. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 24–27 maya 2016 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Traditions and innovations in the study of ancient ceramics. Proceedings of the International scientific conference; 2016 May 24–27; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 2016. p. 78–81. Russian.

12. Loshenkov MI. [The botanical finds from the village of Borisovichi the First]. In: Chubur AA, editor. *Arkheologicheskie issledovaniya v evroregione «Dnepr» v 2013 g.* [Archaeological research in the «Dnieper» Euroregion in 2013]. Bryansk: Bryansk State University I. G. Petrovsky; 2014. p. 269–271. Russian.

13. Loshenkov MI. *Arkheobotanicheskie kollektsii Belarusi* [Archaeobotanical collections of Belarus]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2021. 400 p. Russian.

14. Lashankow M, Ljabez'ka U, Kasjuk A, Kurlovich P, Tarasevich V. [Botanical intermixtures in the ceramics of the Prague culture from the settlement Vostrau in the south of Belarus]. In: Dunai VI, editor. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Gosudarstva Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v istoricheskoi perspektive»; 25–26 fevralya 2022 g.; Pinsk, Belarus'* [Proceedings of the International scientific conference «The states of Central and Eastern Europe in historical perspective»; 2022 February 25–26; Pinsk, Belarus]. Pinsk: PolesSU; 2022. p. 141–147. Belarusian.

15. Gorbanenko SA. Palaeobotanical materials of the Prague culture. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2015; 238:299–318. Russian.

16. Yanushevich ZV. *Kul'turnye rasteniya yugo-zapada SSSR po paleobotanicheskim issledovaniyam* [Cultivated plants of the South-West of the USSR according to paleobotanical studies]. Kishinev: Shtiintsa; 1976. 214 p. Russian.
17. Vasil'eva IN, Salugina NP. [From the experience of the experimental firing pottery. Experimental archaeology]. In: Agapov SA, editor. *Eksperimental'naya arkheologiya. Vzgl'yad v XXI vek. Materialy Mezhdunarodnoi polevoi nauchnoi konferentsii; 6–12 avgusta 2012 g.; Novaya Beden'ga, Rossiya* [Experimental archaeology. A look into the 21st century. Proceedings of the International field scientific conference; 2012 August 6–12; Novaya Bedenga, Russia]. Ulyanovsk: Pechatnyi dvor; 2013. p. 57–89. Russian.
18. Volkova EV. The experience in the application of zonal patchwork modelling in the reconstruction of the methods of manufacturing the neolithic period's large vessels. *Samara Journal of Science*. 2015;3(12):37–55. Russian.
19. Volkova HV, Tsetlin YuB. [On the study of ancient ceramics firing regimes]. In: Lozovskaya OV, Mazurkevich AN, Dolbunova EV, editors. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 24–27 maya 2016 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Traditions and innovations in the study of ancient ceramics. Proceedings of the International scientific conference; 2016 May 24–27; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 2016. p. 76–77. Russian.
20. Bjalickaja G. [Topography and building of the settlement of Zarubinetsky culture in Pripyat Polesie]. In: Ljawko VM, editor. *Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi «Aktual'nyja problemy rannijaj gistoryi slavjan»; 29–30 verasnja 2009 g.; Minsk, Belarus'* [Historical and archaeological collection. Proceedings of the International scientific conference «Actual problems of early history and the Slavs»; 2009 September 29–30; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2011. p. 152–169. Belarusian.
21. Rusanova IP. *Slavyanskije drevnosti VI–IX vv. mezhd Dneprom i Zapadnym Bugom* [Slavic antiquities of the 6–9th centuries between the Dnieper and the Western Bug]. Moscow: Nauka; 1973. 99 p. Russian.
22. Kasjuk AF. [Slavic antiquities of the 8–10th centuries on the territory of the Belarusian Polesie]. In: Egoreichenko AA, editor. *Etnokul'turnye protsessy na territorii Belarusi v I – nachale II tysyacheletiya nashei ery. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu professora E. M. Zagorul'skogo; 6–7 dekabrya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Ethnocultural processes on the territory of Belarus in the 1st – beginning of the 2nd millennium AD. Proceedings of the International scientific conference, dedicated to the 90th anniversary of full professor E. M. Zagorul'skii; 2018 December 6–7; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 93–101. Belarusian.
23. Tsetlin YuB, Volkova EV. Stoves for pottery firing (according to ethnographic and archaeological data). *«History of Ceramics» Bulletin*. 2023;5:43–64. Russian.

Получена 03.01.2024 / исправлена 04.04.2024 / принята 04.04.2024.
Received 03.01.2024 / revised 04.04.2024 / accepted 04.04.2024.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 32.01(075.8)

Репин В. В. **Основы регионоведения** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0222-02 «Регионоведение» / В. В. Репин ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 100 с. Библиогр.: с. 98–100. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/308086>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 19.01.2024, № 000219012024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Основы регионоведения» предназначен для студентов специальности 6-05-0222-02 «Регионоведение». В ЭУМК содержатся материалы, способствующие более глубокому самостоятельному изучению теоретических основ регионоведения как науки. Издание состоит из четырех разделов, включающих конспект лекций, тематику практических занятий, методические рекомендации к ним, список рекомендованной литературы.

УДК 930.253(075.8)

Иванова В. С. **Архівы асабістага паходжання** [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метада. комплекс для спец. 1-23 01 13 «Гісторыка-архівазнаўства» / В. С. Иванова ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2023. 67 с. Бібліягр.: с. 66–67, бібліягр. у падрадкавых нататках. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/308502>. Загал. з экрана. Дэле. у БДУ 31.01.2024, № 000431012024.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) распрацаваны для студэнтаў спецыяльнасці 1-23 01 13 «Гісторыка-архівазнаўства». Змест ЭВМК дае магчымасці для вывучэння пытанняў па адпаведнай дысцыпліне згодна з вучэбнай праграмай. ЭВМК дазваляе сфарміраваць комплексныя веды па тэорыі і метадыцы захоўвання архіваў асабістага паходжання. Структура ЭВМК уключае тэарэтычны, практычны, дапаможныя раздзелы, а таксама раздзел кантролю ведаў.

УДК 94(=16)(075.8)

Репин В. В. **История южных и западных славян** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 03 02, 6-05-0222-02 «Регионоведение» / В. В. Репин, А. П. Сальков ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 247 с. Библиогр.: с. 246–247. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/308614>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 02.02.2024, № 000702022024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «История южных и западных славян» предназначен для студентов специальностей 1-21 03 02, 6-05-0222-02 «Регионоведение». В ЭУМК содержатся материалы, способствующие более глубокому самостоятельному изучению истории южных и западных славян. Издание состоит из четырех разделов, включающих конспект лекций, тематику практических занятий, методические рекомендации к ним, список рекомендованной литературы.

УДК 94(58)(075.8)

Меньковский В. И. **Центральная Азия в системе Нового Шелкового пути** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0222-04 «Регионоведение», профилизация «Страны и регионы Нового Шелкового пути» / В. И. Меньковский, Г. А. Петаченко, М. А. Шабасова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 62 с. Библиогр.: с. 60–62. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309959>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 01.03.2024, № 003101032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 7-06-0222-04 «Регионоведение». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: внешнеэкономические факторы развития государственности, взаимодействие политических и экономических процессов, результаты межкультурных и межэтнических контактов, основные исследования современных зарубежных и белорусских авторов.

УДК 94(100)(06)

Лістападаўскія сустрэчы – XV [Электронны рэсурс] : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акад. М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (Мінск, 15 лістап. 2023 г.) / БДУ ; [рэдкал.: І. А. Еўтухоў (адк. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2024. 319 с. : табл. Бібліягр. у тэксте. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/311302>. Загал. з экрана. Дзп. в БДУ 12.04.2024, № 007012042024.

Прадстаўлены матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Лістападаўскія сустрэчы – XV» у гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава, якая адбылася на гістарычным факультэце БДУ 15 лістапада 2023 г. У выданні разглядаюцца перыяды Старажытнага свету і Сярэдніх вякоў, апісваюцца праблемы беларускай медыявістыкі.

Зборнік адрасаваны навуковым супрацоўнікам, выкладчыкам і студэнтам устаноў вышэйшай адукацыі, а таксама ўсім, хто цікавіцца сусветнай гісторыяй.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Крючек П. С., Ракачев В. Н., Ракачева Я. В., Сергеев В. Н., Острога В. А.</i> Историческая память и национальная идентичность белорусов и россиян: опыт историко-социологического исследования	5
<i>Лукашевич А. М.</i> Полоцкий кадетский корпус в годы Первой мировой войны (1914–1918)	17

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Вартаньян Э. Г.</i> Болгария и Россия начала XX в.: из переписки Н. С. Державина с болгарскими учеными	33
<i>Лапаева А. В., Моисеева О. В.</i> Законодательство в сфере пенсионного страхования в России до 1917 г.: исторический контекст и перспективы	41

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Даниш М.</i> Словацко-российские контакты в период правления Петра Великого сквозь призму словацкой историографии	49
--	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Эшкватов Б. В.</i> Роль археологических исследований в изучении проникновения христианства в Узбекистан	58
<i>Бахматова В. Н., Курлович П. С.</i> Некоторые данные о гончарстве населения на территории Беларуси в 1-м тысячелетии нашей эры	68
Аннотации депонированных в БГУ работ	91

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Кручак П. С., Ракачоў В. М., Ракачова Я. У., Сяргееў У. М., Астрога В. А.</i> Гістарычная памяць і нацыянальная ідэнтычнасць беларусаў і расіян: вопыт гісторыка-сацыялагічнага даследавання	5
<i>Лукашэвіч А. М.</i> Полацкі кадэцкі корпус у гады Першай сусветнай вайны (1914–1918)	17

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Вартаньян Э. Г.</i> Балгарыя і Расія пачатку XX ст.: з перапіскі М. С. Дзяржавіна з балгарскімі вучонамі	33
<i>Лапаева А. В., Маісеева В. В.</i> Заканадаўства ў сферы пенсійнага страхавання ў Расіі да 1917 г.: гістарычны кантэкст і перспектывы	41

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Даніш М.</i> Славацка-расійскія кантакты ў перыяд праўлення Пятра Вялікага скрозь прызму славацкай гістарыяграфіі	49
--	----

АРХЕАЛОГІЯ

<i>Эшкуватаў Б. В.</i> Роля археалагічных даследаванняў у вывучэнні пранікнення хрысціянства ва Узбекістан	58
<i>Бахматава В. М., Курловіч П. С.</i> Некаторыя звесткі пра ганчарства насельніцтва на тэрыторыі Беларусі ў 1-м тысячагоддзі нашай эры	68
<i>Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац</i>	91

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Kruchek P. S., Rakachev V. N., Rakacheva Ya. V., Sergeev V. N., Astroga V. A.</i> Historical memory and national identity of Belarusians and Russians: experience of historical and sociological research	5
<i>Lukashevich A. M.</i> Polotsk cadet corps during the World War I (1914–1918)	17

WORLD HISTORY

<i>Vartanyan E. G.</i> Bulgaria and Russia of the early 20 th century: from the correspondence of N. S. Derzhavin with Bulgarian scientists	33
<i>Lapayeva A. V., Moiseyeva O. V.</i> Pension insurance legislation in Russia before 1917: historical background and prospects	41

HISTORIOGRAPHY

<i>Daniš M.</i> Slovak-Russian contacts during the reign of Peter the Great through the prism of Slovak historiography	49
--	----

ARCHAEOLOGY

<i>Eshkuvatov B. V.</i> The role of archaeological research in the study of the penetration of Christianity into Uzbekistan	58
<i>Bakhmatova V. N., Kurlovich P. S.</i> Some data about pottery of the population on the territory of Belarus in 1 st millennium AD	68
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	91

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.
Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 2. 2024**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 2. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *М. М. Баулина*
Корректоры *М. Д. Баранова, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.04.2024.
Тираж 55 экз. Заказ 474.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 2. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *M. M. Baulina*
Proofreaders *M. D. Baranova, L. A. Merkul'*

Signed print 30.04.2024.
Edition 55 copies. Order number 474.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024